

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ САДРИДДИН АЙНИ**

УДК: 42:491.550

На правах рукописи

ГУЛЯМОВ ХАЙДАР КАЛАНДАРОВИЧ

**ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКОВЫХ
КАРТИНАХ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО И ТАДЖИКСКОГО
ЯЗЫКОВ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД**

10. 02. 20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **Шамбезода Х.Дж.**

Научный консультант:
кандидат филологических наук,
доцент **Салохиддинов В. Ю.**

Душанбе – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЕНИЕ	3-9
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЕКСТАХ	
1.1. Общие проблемы теории метафоры	10-23
1.2. Структура метафоры: универсальное и специфическое	24-45
1.3. Метафора в свете когнитивного подхода	46-64
Выводы по первой главе:	65-68
ГЛАВА II. ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА	
2.1. Структурно-семантические особенности метафоры в тексте	69-91
2.2. Полевая структура метафоры: ракурс сопоставительного анализа	92-103
2.3. Функционально-семантические особенности метафорического поля в английском и таджикском языках	104-115
2.4. Прагмасемантический аспект метафоры в художественной репрезентации мира	116-124
Выводы по второй главе	125-130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130-133
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	134-151

ВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Метафора в течение длительного времени привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов и занимает особое место в теории семантических, стилистических, психолингвистических, синтаксических и прагматических исследований. Количество работ, которые посвящены решению проблем функционирования метафоры, вопросам метафоризации, неуклонно продолжает расти.

Однако, несмотря на существующие исследования метафоры, и процесса метафоризации, перед учеными выдвигаются все новые вопросы и проблемы, которые касаются метафорического переноса. Таким образом, сущность метафоры остается до конца не исследованной. Это объясняется тем, что «язык представляет собой лабиринт тропинок. Вы идете с одной стороны, и вы знаете, где вы находитесь; вы приближаетесь к тому же месту с другой стороны, и больше не знаете, куда двигаться дальше». Именно поэтому существует необходимость поиска путей объяснения природы метафоры, ее функционального многообразия, механизмов метафоризации и прочих аспектов этого феномена.

Все возрастающий интерес к метафоре с теоретической позиции мотивирован проникновением ее в различные виды текстов: поэтическая речь, публицистика, включая языки различных сфер научного познания. Без сомнения, экспансия метафоры в различные виды дискурса не осталась незамеченной. Исследованием проблем метафоры с большим интересом занимаются искусствоведы, философы, психологи, науковеды и лингвисты. Данная метафоре «вотум доверия» привел к расширенному исследованию ее «материальной базы»: стали проводиться исследования метафоры во всевозможных терминологических системах, в речи детей, дидактической литературе, в различных медиа жанрах, в языке рекламы.

Широкое использование метафоры в различных жанрах как художественной, повседневной, так и научной речи привело к тому, что многих исследователей привлекало не столько эстетическая ценность метафоры, а ее «утилитарные преимущества», которые представлялись ею. Р. Хофман – автор ряда исследований о метафоре – писал: «Метафора исключительно практична. Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике. Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» [цитируется по Телия, 2006, 78].

Как отмечал Э.Б. Кондильяк, складывалось впечатление о всесильности, вседозволенности и всеприсутствии метафоры, которое наравне с указанными выше положительными результатами имело и некоторые отрицательные последствия. Концепция «вездесущности» метафоры привело к тому, что практически без внимания оставалось исследование проблемы, связанное с ограничением метафоры в различных видах дискурса. В результате граница понятия «метафоры» была размыта. Любой способ выражения, косвенный или образный как в художественных текстах и в изобразительном искусстве, стали рассматривать как метафору. Практически без внимания оставалась отличительная особенность метафоры – как одного из приема номинации, и собственно метафоры, которая сдваивала представление и различных классах объектов. Следует заметить, что метафора как техника и метафора как мировоззрение исследуется во многих работах параллельно. В своем исследовании мы будем рассматривать положение метафоры в практической (художественной речи), ее место среди семиотических концептов.

Согласно точке зрения Х. Ортега-и-Гассет, именно благодаря метафоре можно выявить и содержательно описать объекты высокой степени

абстракции. Со временем стали рассматривать метафору как «эпистомический доступ» к понятию [Ортега-и-Гассет, 1990, 70].

Анализирую различные модели сознания метафоры, Х. Ортега-и-Гассет отмечал: «Наша концепция мира тесно связана с нашими представлениями о сознании. Данная концепция равным образом программирует мораль, политику и искусство [Ортега-и-Гассет, 1990, 77].

Каждый естественный язык извлекает смысл из символа. Категория языковой семантики является тем итогом, которая в конечном счете изживает метафору. Выявлению семантики слова позволяет именно исследование метафоры. Исследование в перспективе механизма действия метафоры ведет к конечному результату динамики смысла. В этом заключается одна из ролей метафоры в процессе техники словообразования, которая включает ее в круг интересов семантики.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, утверждением отношения к метафоре как к одному из основополагающих свойств языка, выполняющему когнитивную функцию. Согласно точке зрения Н.Д. Арутюновой: «Метафора – это ключ к пониманию не только концепции познания и процесса создания национально-специфического видения мира, но также и его универсальный образ» [1, 5]. Во-вторых, в необходимости семантических исследований для выявления общих закономерностей и национально-культурных особенностей концептуализации действительности представителями лингво-культурных общностей. Актуальность диссертационной работы также заключается в необходимости расширения и дополнения представлений о функциональной специфике метафоры, а также ее смыслообразующая роль в художественных текстах в семантической системе языков различной типологии. Данная позиция является современным междисциплинарным подходом анализа не только речевого мышления, но также подтверждение теоретических выводов

таких лингвистических направлений как когнитивная лингвистика, лингвистика текста, функциональная семантика.

Степень разработанности темы. Вопрос о способах выражения метафоры в художественных текстах на материале таджикского и английского языков был поставлен еще в начале XX-го столетия. В исследовании способов выражения метафоры в художественных текстах на материале таджикского и английского языков наблюдается значительная роль таких лингвистов, как В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, Х. Штейнталь, Э. Сепир, С. Вежбицкая, А. Воркачев, С.Д. Кацнельсон, С. Корнилов, Е.С. Яковлева, Ю.Д. Апресян, В.В. Колесов и др.

Тем не менее, до сих пор отсутствует монографическое исследование, анализирующее и содержащее выражения метафоры в художественных текстах на материале таджикского и английского языков в сопоставительном плане, что еще раз подтверждает необходимость проведения подобной работы.

Предметом данного исследования является выражения метафоры в художественных текстах на материале таджикского и английского языков.

Объектом исследования выступает выражения метафоры в художественных текстах на материале таджикского и английского языков.

Цель диссертационной работы – рассмотреть специфику репрезентации метафоры в художественном тексте английского и таджикского языков и определения ее роли в смысловом развертывании текста.

В ходе исследования ставятся следующие конкретные **задачи**:

-исследование концепции модели развернутой различной типологии;
анализ функционально-семантической специфики развернутой метафоры, устанавливающей ее роль в семантическом функционировании дискурса.

-исследование прагматической специфики развернутой метафоры, являющейся механизмом передачи имплицитной и эксплицитной информации текста.

-установление универсальных и специфических особенностей развернутой метафоры в различных коммуникативных культурах.

Научная новизна диссертации заключается в том, что данная исследования впервые проводится комплексное рассмотрение развернутой метафоры в системе разноструктурных языков с учетом следующих подходов: когнитивного, функционально-прагматического и семантического; анализируется полевая структура развернутой метафоры в художественном дискурсе; устанавливается функция развернутой метафоры в создании текстовой импликации.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности его использования в дальнейшей разработке проблемы соотношения универсального и специфического в национальных языковых картинах мира, при изучении когнитивной функции метафоры как инструмента познания. Диссертационная работа также способствует расширению и уточнению понятия метафоры как одного из способа текстообразования и механизма речевого влияния, также способствует более глубокому пониманию динамических процессов текстопорождения.

Практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в лексикографической практике при составлении словарей метафор английского и таджикского языков, при разработке и чтений спецкурсов и семинаров по лингвострановедению, теории перевода, стилистике, а также в практике обучения студентов анализу художественного текста.

Методология и методы исследования. Метод сопоставительного структурно-семантического анализа с использованием элементов синхронно-диахронического и этимологического методов положен в основу исследования.

Изучение научной литературы, а также методы лексикографических определений, статистического и контекстуального анализа применялись при разработке проблемы в качестве основных методов.

В диссертации также нашли определённое место традиционные методы: трансформационный, формальный, описательный, комплексный этимологический, методика количественной обработки и компонентного анализа исследуемого материала.

Теоретико-методологическую основу настоящей работы составляют работы лингвистов В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербер, Х. Штейнталь, Э. Сепир, С. Вежбицкой, А. Воркачева, С.Д. Кацнельсон, С. Корнилова, Е.С. Яковлева, Ю.Д. Апресяна, В.В. Колесова, Д. Искандаровой, Х. Шанбезода, Р. Салимова, П. Джамшедова, Д. Ходжаева, Н. Шаропова и др. по лексикологии.

Материалом для исследования послужили данные современных словарей таджикского и английского языков, а также примеры употребления единиц, извлеченные методом сплошной выборки из произведений современных авторов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В системе разноструктурных языков развернутая метафора имеет полевую структуру. В данном диссертационном исследовании метафорическое поле рассматривается как двухкомпонентная логико-семантическая структура тождества, которая отражает внутреннюю структуру развернутой метафоры.

2. К ядру поля примыкают частные метафорические выражения. Компоненты двоякого толкования образуют периферию метафорического поля.

3. Ядерные и периферийные компоненты метафорического поля обладают различной функционально-семантической спецификой, которая определяет их функцию в семантическом развернутом тексте.

4. Свойства, признаки обозначающего номинируют метафорические выражения, которые приписываются обозначаемому по сходству. Компоненты двоякого толкования характеризуют общие и специфические свойства как обозначаемого, так и обозначающего, раскрывая механизм метафоры.

5. Концептуальное содержание метафоры представляет собой многоуровневую систему признаков, выражающих как общие, так и специфические принципы ее восприятия и интерпретации в разносистемных языках.

Личный вклад. Данная научная работа является результатом самостоятельного исследования. Диссертантом проанализированы работы зарубежных и отечественных ученых по проблемам выражения метафоры в художественных текстах на материале таджикского и английского языков в сопоставительном плане.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседаниях на кафедре языков Института технологий и инновационного менеджмента в городе Кулябе (протокол №2 от 23.09.2019); кафедры языкознания и сопоставительной типологии ТГПУ им. С. Айни (протокол №5 от 25.01.2020) года, а также на секции языкознания при ТГПУ им. С. Айни (протокол №2 от 09 04.2020).

Основные положения диссертации были отражены в пяти публикациях, а также в выступлениях с докладами на научных конференциях в Таджикском национальном университете (2017-2020 гг.) и на заседаниях кафедры английской филологии Российско-Таджикского (Славянского) университета (2017 – 2020 гг.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЕКСТАХ

1.1. Общие проблемы теории метафоры

В истории лингвистики исследование проблемы метафоры не нова. Она восходит к идеям Аристотеля. В продолжение долгого времени метафора была объектом исследования таких дисциплин как риторика и поэтика.

Здесь интересно заметить, что в исследованиях ученых эпохи Возрождения интерес к исследованию метафоры был стимулирован как одному из феноменов языка, несмотря на то, что еще долгое время продолжает доминировать логический и теоретико-познавательный анализ метафоры. Так, в частности, согласно позиции исследователей эпохи Ренессанса, метафора – одна из ключевых приемов или способов познания многих явлений мира. Однако полный интерес расцвета под таким углом зрения связан с «новым искусством» барокко.

Позиция теоретиков эпохи Барокко на исследование метафоры имеет силу и по настоящее время. Указывая это С.Т. Золян отмечал: «Если представители древней риторики главным образом рассматривали метафору как «орнамент», современные исследователи концентрируют свое внимание на метафоре как на одном из путей подсознательного осмысления мира и анализируют эмоциональную специфику ее влияния [Золян, 2016, 67].

Дж. Вико выдвигает иную точку зрения на природу метафоры, аргументирую свою позицию тем, что мы не только используем символы в своей речи или письме, но также думаем данными символами. Учёный считает символ устойчивым, в нём изменчиво только осмысление со стороны общества. В период средневековья свобода символа не только считалась законной, она подвергалась кодировке. Такое отношение просматривается в теории четырех значений (буквального, аллегорического, морального и анагогического). Во всяком случае подразумевалось, что художественный

текст способен преодолевать границы, оно обладает не только единым смыслом, но и внушает мысль людям, которые во все времена понимают и пользуются языком символов [Барт, 1994, 351].

Поэтому метафора – это не произвольное или искусственное «создание». Это иной, естественный способ отражения миропонимания, который отличается от нашего восприятия мира. Осознанное создание чего-либо искусственного посредством языка – это применение риторических приемов, называемых Дж. Вико «поэтической логикой» [Вико, 2007, 45].

Согласно позиции Дж. Вико самый действенный метод в исследовании языкового мифотворчества – это применение метафоры. Автор полагал, что если присмотреться внимательно, то оказывается, каждая метафора – это «маленький миф» [Вико, 2007, 67].

Иного взгляда относительно метафоры придерживался М. Мюллер. Рассматривая метафору как один из самых главных механизмов человеческой речи, без которого невозможно функционирование языка, в ряде своих работ называет метафору «болезнью языка» [Мюллер, 1987, 90]. Следует заметить, что многие современные лингвисты придерживаются данной точки зрения. Так, в частности, ученый-лингвист К.М. Тарбейт в одной из своих работ «Миф метафоры» пишет: «Метафора неправильно использовалась в языке и является одной из познавательных ошибок. В результате она может быть «опасной», когда мы забываем, что речь идет о ней (метафоре)» [Арутюнова, 2005, 94].

С данной точкой зрения М. Мюллера полемизировал А.А. Потебня, отрицая тот факт, что метафоры, которые участвуют в мифотворчестве, являются «болезнью языка». Его колоссальная работа «Записки по русской грамматике», отмечал А. Белый, была практически полностью посвящена связи между словом и мифом [Белый, 1995, 89] Сам А.А. Потебня относительно данного положения излагает свою позицию достаточно

определенно, рассматривая миф как «словесное произведение» [Потебня, 2007, 124].

Необходимо сказать, что в XVII-XVIII вв. перед наукой лингвистикой впервые предстал вопрос о полилингвизме, что впоследствии привело к возрастанию интереса к исследованию метафоры. На этот раз она стала объектом изучения наук о «духе» - логики и психологии, то есть исследованием метафоры занимаются не только разные отрасли лингвистики, но и такие науки, как философия, психология, герменевтика и т.д. Следовательно, есть смысл говорить о метафорологии как о междисциплинарном учении. Важно заметить, что до настоящего времени, в с точки зрения языкознания фактического материала по сравнению и типологическому исследованию структуры метафоры различных языков и теоретических знаний, необходимых для анализа семантических категорий метафоры было недостаточно. Не хватало материалов, которые позволили бы судить о степени универсальности тех или иных категорий метафоры, так и специфические особенности метафоры в том или ином языке.

Между содержанием и значением существует сложная и запутанная взаимосвязь, которая осуществляется посредством специальных правил и законов и определяется как закон семантической деривации (словообразования) с использованием метафорической семантики и других форм значения. Поэтому лингвистической семантики кроме анализа и разделения значений необходимо олицетворять путь, способ, метод и правила использования значений для появления новых содержаний, то есть наряду с теорией значения необходимо появление теории эволюции содержания, теории референции (факт, доказательство, свидетельство, гарантия).

В последние десятилетия вопросы применения метафор всё чаще рассматриваются исследователями семантики слова. В трудах учёных-лингвистов, посвящённых семантологии, отмечается место и значение

метафоризации в человеческом сознании и формировании систем знаков. Что же является причиной столь огромного интереса к вопросам метафоры? По данным исследований такое внимание продиктовано появлением нового функционального подхода. Данное отношение к языковым реалиям предполагает новый подход к исследованию функциональным возможностям того или иного языка, к его «экстралингвистическим» факторам. Новое лингвистическое направление сделало попытку применить методы исследования внутреннего языкового материала. В доказательство правильности целей традиционной грамматики, которая устанавливала функции форм языка с их синхронной системой, новые направления делают акцент на семантике слова.

Это новое направление лингвистики делает попытки начать всё с «нуля», подвергая сомнению достигнутые наукой грамматикой за две тысячи лет результаты. Так, некоторыми представителями данного направления делаются попытки поэтапно исследовать весь строй языка, и оспорить достижения в области основных языковых категорий. В наше время последовательно применяется метод разделения речевого потока для воссоздания новых теоретических предпосылок изменения системы языка.

Исходя из того, что все виды метафоры базируются на ассоциациях, в метафоре раскрывается её антропометричная сущность. Совмещая различные прототипы, метафора создает новые многоплановые образы, что способствует возрождению актуальности метафоры в языкознании, где на первом плане присутствует буквальное значение, которое не отображает реального метафорического значения. В результате достижений последних лет выяснилось, что метафора представляет собой один из наиболее эффективных способов создания нового смысла на самых важных ярусах структуры языка, то есть на уровне морфем, лексики и синтаксиса языка. Этот способ формирования новых значений особенно активно применяется

на основе существующих единиц, пополняющих и бытовую, и научную лексику.

В отечественной лингвистике всё чаще проводятся исследования семантической системы таджикского языка и его структурных особенностей. В частности, в докторской диссертации Ж.Гульназаровой можно встретить интересные умозаключения на данную тему. Исследователь считает, что «Исследование семантики слова посредством разделения на компоненты предоставляет возможность представить семантику слова как организованную структуру внутри одной формы и определить, что она состоит из архисемы, отличительных и потенциальных сем» [Гульназарова, 2020, 34]. В отношении семантики метафорических выражений исследователь отмечает: «... компонентная структура тех значений слов, которые отображают эволюцию действительности, имеет архисему, отличительные и потенциальные семы, которые раскрывают содержание архисемы. Этот процесс строится следующим образом:

1. Компонентная структура семантики слова формируется в результате его сопоставления со словами одного ряда и похожими на них словами с разделением отличительных особенностей этих слов, присущих к одноструктурным компонентам.

2. Сопоставляется прямая семантика многозначных слов с метафорическими значениями, поскольку в метафорической семантике отражаются не только общие особенности, но и какой-либо компонент основного значения.

3. Сопоставление семантики анализируемых слов с семантикой слов, которые образуют проанализированные лексико-семантические группы [Гульназарова, 2020, 34-35].

Другой таджикский лингвист М.Саломов в своих научных труда также не обходит вниманием вопросы метафоризации значения слов. Так, учёный при рассмотрении специфики языка газелей отмечает, что «слово, с одной

стороны, в отдельности как семантическая единица выражает только то значение, которое принадлежит только ему и прежде всего, это значение поясняется в словарях..., а с другой стороны, слово кроме своего лексического значения может использоваться и для другого семантического выражения... Слово в данном случае не основывается на собственном значении, а в результате взаимосвязи и сочетаемости с другими словами текста и речи получает второе или метафорическое значение» [Саломов 2017, с.171].

Наряду с этим, М. Саломов при рассмотрении термина метафора в современной лингвистике анализирует взгляды многих учёных и исследователей и, приводя высказывание С. М. Мезенина на примере применения слова **заяц** в значении боязливого лица, по поводу образности отмечает: «Наблюдения и анализ научной литературы показывают, что метафора проложила путь ко всем частям речи, методам и стилям. Однако это понятие играет высокую роль в разговорной и художественной речи. Если в других частях языка метафора выполняет номинативную задачу в устной и художественной речи, и осуществляет задачу действительности и эмотивности, то в художественной речи пути её выражения в устной речи различны» [Саломов 2017, с.176].

Следует отметить, что приведённый выше пример в семантологии коннотирует к значению «трусливый». Поэтому образность выражения имеет важное значение в формировании метафоры, которая в свою очередь, играет важную роль в семантической коннотации.

В отношении формирования метафор и их роли в художественных произведениях таджикский лингвист Б. Камолиддинов выражает следующую точку зрения: «Метафорические выражения в таджикском языке появляются на основе внешнего и внутреннего сходства в живом отображении безжизненных предметов с помощью таких художественных приёмов, как

ташбех (аллегория), истиора (иносказание) и ташхис (олицетворение)» [Камолиддинов, 1967, 37].

Одним из наиболее важных элементов в образовании метафорических выражений считается сочетаемость лексем в семантической цепи выражения. То есть не все лексемы языка обладают возможностью выражения значения метафоры. Только их отношения между собой и их сочетаемость приводят к образованию метафорических выражений. По вопросу сочетаемости лексем известный отечественный лексиколог Ш. Кабиров высказывает следующую точку зрения: «Взаимосвязь языковых единиц осуществляется в рамках двух видов связи: сочетаемости (синтагматическая связь) и взаимозаменяемости (парадигматическая связь). В рамках синтагматической связи языковые единицы соседствуют у основания горизонтальной оси, и иерархическое сочетание более мелких единиц приводит к формированию более крупных единиц языка. Например, сочетаемость фонем приводит к формированию морфем, сочетаемость морфем становится причиной формирования лексем, сочетание слов приводит к формированию словосочетаний и сочетаемость словосочетаний становится причиной формирования предложений. Так как эта взаимосвязь осуществляется поэтапно, она получила название цепной взаимосвязи» [Кабиров, 2010, 248-251].

Безусловно, синтагматическая и парадигматическая связь и разные художественные приёмы приводят к повышению выразительного изображения предметов и явлений. Источником этих приёмов являются терминологические единицы, в которых заключается понятие метафоры. В связи с этим, определение значения метафоры и ее роли в науке семантике имеет важное теоретическое значение. В произведении «Гиёс-ул-лугот» метафора характеризуется следующим образом: «Метафора – это путь и место перехода, она противоположна действительности и обозначает несвойственное истинному значению слова значение. Ее прямое значение еще не вышло из употребления, напротив, она в выраженном значении

приобретает связь уподобления или формы, или причинности и без нее не действительно» [М. Г. Ромпури, 1988, 233]. Следует подчеркнуть, что вышеуказанный исследователь развёрнуто рассматривает проблему элементов взаимосвязи между метафорами. К примеру, для раскрытия вопроса об уподоблении, формах и причинности он на основе многочисленных примеров расширяет научное представление о метафорических терминах.

Из приведенного выше комментария следует, что в нём отражены некоторые специфические особенности терминологического представления о метафорах. Прежде всего, исследователь раскрывает лексическое значение метафоры, прослеживает пути и момент перехода значения, благодаря которому понятие «метафора» становится терминологической единицей, поскольку лексические единицы на основе своих прямых лексических значений переходят из одного разряда в другой. Кроме того, исследователем приводится толкование термина «метафора», автор считает метафорой такое слово, которое противоречит своему истинному лексическому значению, вследствие чего прямое значение не пропадает, а приобретает взаимосвязь с какой-либо позиции.

Следует отметить, что большая часть отечественных лингвистов прошлых времён, например, Шамс Кайс Рози, Мухаммад Толиб Омули, Ходжа Хасан Нисори и другие обязательно проводили диспуты об этом понятии. Эти лингвисты высказывают интересные точки зрения о метафорических выражениях как о терминах области литературоведения и семантологии. Итоги самых важных сторон их умозаключений приводятся в научных трудах Мухаммад Гиёсуддина Ромпури.

Поскольку метафора имеет широкий круг использования, её трактовка в разных областях науки, например, философии, психологии, семиотики, литературоведении приводится и употребляется как терминологическое понятие, имеющее собственную научную систему.

В российском и западном языкознании постепенно метафора стала предметом анализа в более развёрнутом контексте, по сравнению с лингвистическим. Так исследователь Она охватила такие области языкознания, как семиотика, но особенно ярко метафора проявила себя на логико-семантическом уровне, то есть проявила себя как новый способ мышления, использующий ранее полученные знания [Ольховников, 2006, 67].

О данном явлении В.Н. Телия пишет: «на этой основе возникло представление о метафоре как о модели выводного знания: из некоторого еще не четко «додуманного» понятия формируется новый концепт за счет использования «буквального» значения выражения и сопутствующих ему ассоциаций в когнитивной обработке нового знания при его концептуализации» [Телия, 2010, 78].

Нельзя не согласиться с В.Н. Телия, которая справедливо замечает: «никакая абстрактная теория не сможет без обращения к человеческому фактору ответить на вопрос, почему можно думать о чувствах как *дар бораи отаи – about fire (об огне)* и говорить *дар бораи алангаи муҳабат, дар бораи гармии дилҳо, дар бораи гармии дӯстона – about the flame of the love, about the heat of the hearts, about the warmth of friendship (о пламени любви, о жаре сердца, о тепле дружбы)* и др.» [Телия, 2010, 145].

В дополнении данной мысли В.Н. Телия отмечает, что раз человек от других существ отличается способностью смеяться, то «способность мыслить метафорически – тоже черта собственно *homo sapiens*» [Телия, 2010, 156].

Продолжая линию В.Н. Телия, в трактовке интересующего нас здесь вопроса, Ю.Н. Караулов резонно заключал, что «метка такой творческой потенции человека – мыслить метафорически, которая основана на его способности нарушать границы «естественной таксономии» и преодолевать

сбой в логических порядках свойств сопоставляемых в метафоре объектов» [Караулов, 2010, 78].

Другим российским лингвистом В.П. Москвиным в его научном исследовании под названием «Русская метафора. Очерк семиотической теории» непосредственно исследованы различные грани метафор. Во второй главе исследования, которая называется «Сфера эпидигматики: метафора как производный знак» им рассматриваются проблемы роли метафор в формировании аллегорий и уподоблений, образности, типологии образных единиц, а также проблемы стилистики языка. Этот исследователь в целом трактует понятие «метафора» следующим образом: «Под метафорой принято понимать и тип переноса (в частности, фигуру), и двустороннюю производную единицу (знак, в частности, троп), образуемую посредством такого переноса. Это обстоятельство диктует необходимость рассмотрения: 1) соотношения понятий «троп» и «фигура»; 2) места метафоры среди других типов переноса; 3) соотношения метафорического знака с теми выразительными средствами, которые также могут иметь метафорическую основу» [Москвин, 2007, 7].

Из этого анализа следует, что понятие «метафора» играет огромную роль в системе различных наук, и как выяснилось, большинство исследователей высоко оценивают эту роль в языке художественных произведений.

Метафора в данной диссертации будет рассматриваться, главным образом, в двух ипостасях: 1) в функционально-языковом, т.е. в формировании художественного текста на материале английского и таджикского языков и 2) в её когнитивной дееспособности.

Одной из основных задач современной лингвистики является создание такого представления о метафоре, в котором отражались бы разные ее свойства, рассматриваемые с разных «точек зрения», но в единстве взаимодействия сознания, действительности и языка.

Исходя из вышеизложенного, уместно процитировать В.Н. Телия: «неизбежное для любого анализа расщепление целого на части должно синтезироваться совокупным отображением механизмов устройства и функционирования как самого метафорического процесса, так и его результатов в тексте.» [Телия, 2006, 123]

Следует заметить, что многих современных лингвистов, несмотря на расхождения относительно концептуального аппарата метафоры, то есть его «разноликости», объединяет интерес к метафоре в русле деятельностного подхода к проблеме языка, мышления и творчества.

Все исследования, посвященные метафоре в языке можно разделить на две категории. В первую группу входят работы, где анализируется механизм метафоризации. Цель этих исследований состоит в обеспечении «номинативного инвентаря» за счёт новых единиц. Во вторую группу исследований входят работы, рассматривающие метафору с разных сторон дискурса, хотя такое использование метафоры отличается по своим характеристикам. Так как связывающим звеном является роль самой метафоры. Ее функциональная зависимость от содержания текста, с одной стороны (что, в частности, находит отображение в специфике терминосистем, построенных для той или иной области знания), а с другой – текстообразующая функция самой метафоры, ее роль в когнитивной организации текста.

Необходимо подчеркнуть, что в отношении природы метафоры в наше время учёные не могут прийти к единому консенсусу. Внутри языковой единицы взаимоотношения между словами приводят к образованию метафор и экспрессивных выражений, и это напрямую зависит от значения лексических единиц. Следовательно, именно из-за метафор лексические единицы выходят за рамки своих лексических значений. По этому поводу иранский лингвист М. А. Мукаддам излагает следующую точку зрения: «Метафора состоит из применения слов в косвенных значениях и для

достижения ими метафорического значения и выхода за рамки прямого значения между ним и метафорическим значением должна существовать тесная взаимосвязь, чтобы разум смог охватить понятия, имеющиеся в виду поэтом. Конечно, если эта взаимосвязь является связью схожих между собой метафорических и аллегорических компонентов, но если же эта связь состоит из несхожих компонентов, тогда ее в науке называют исключительной (мурсал) метафорой» [М. А. Мукаддам, Ризо Ашрафзода, 1376, 128].

Многие исследователи семантического значения слов полагают, что исключительные метафоры являются чуть ли не самым важным видом метафор. Они утверждают, что метафора широко распространена в поэтических произведениях. С учётом данного мнения выражение метафор нами также разделено на две части: 1) *исключительные* и 2) *уподобляющие метафоры*.

Исключительные метафоры, как правило, выражаются в виде отдельных лексических единиц. Этот вид метафор включает разные оттенки смысла, которые зависят от связи с другими лексическими единицами текста. «В исключительные или сокращенные метафоры входит применение лексемы в составе предложения в косвенном и обыденном значении» [Д. Наврузи, 1380, 200]. Этот вид метафор распределён исследователями по выражаемым ими значениям и видам связи лексических единиц. В образовании исключительных метафор и метафорических выражений основополагающую роль играют аллегорическая сочетаемость между лексическими единицами и тесная связь их значений.

Уподобляющие (описательные) метафоры могут быть выражены с помощью сравнения одного предмета или явления с другим. В таком виде метафор лексические единицы, при своей внешней нелогичности выражают своё прямое лексическое значение, их зависимость друг от друга связана с отличием по какому-либо признаку. Уподобляющие метафоры являются одним из наиболее важных видов метафоры, который до сих пор вызывает в

области литературоведения обширные дискуссии. Необходимость их изучения даёт нам право считать их не только литературными, но и лингвистическими метафорами.

Следует отметить, что прямое и метафорическое значения в лексических единицах тесно взаимосвязаны, и эта связь в семантологии называется семантической. Семантическая имеет огромное значение в выражении смысла метафоры в лексических единицах. Выражение данных значений подразумевает большую активность синтаксических словосочетаний, где основное или подчиняющее метафорическое значение принадлежит именно лексической единице.

В современном языкознании излагаются различные мнения по поводу природы метафор, что связано со сложностью этой категории. Так, В.К. Харченко по вопросу образного отображения как категории речи и языка высказывает следующую точку зрения: «При описании образности как языковой и речевой категории неизбежно встает вопрос о предпосылках образного словоупотребления. Образное переосмысление слов основывается на предпосылках различного характера: гносеологических, психологических, прагматических и собственно языковых» [Харченко, 2012, 13]. Следовательно, метафоры имеют важное значение в описании предметов и явлений, они вносят огромный вклад в выражение его разных аспектов. Среди этих двух видов метафор – исключительной и описательной, в отношении семантики и структуры присутствует отличие их способов выражения. Поэтому если для образования исключительных метафор необходима модель многозначных лексических единиц, то для уподобляющих (описательных) метафор характерно конструирование на основе тех словосочетаний, элементы которых содержат метафорическое значение, и в семантическом отношении взаимосвязаны друг с другом.

В своём исследовании все теории метафоры мы разделили на следующие направления: *семантическое*, *когнитивное* и *прагматическое*, исходя из того, какая сторона метафоры в них рассматривается.

Данные подходы, будучи существенно отличными в исследованиях лингвистической природы метафоры, не взаимоисключают друг друга, а дополняют.

Поскольку цель нашего исследования составляет текстообразующая роль метафоры в английском и таджикском языках, мы будем рассматривать не только структурную специфику данной категории, но и её функциональные аспекты, а именно: *прагматические* и *когнитивные*.

1.2. Структура метафоры: универсальное и специфическое

Следует заметить, что единого, достаточно утвердившегося мнения относительно структуры метафоры в лингвистике пока отсутствует. Одни исследователи выделяют двухчленную структуру метафоры, другие – трехчленную.

Вслед за Аристотелем многие лингвисты, рассматривают метафору как *двухкомпонентную* семантическую структуру идентичности [Аристотель, 2006, 78].

В рассуждениях А. Ричардса мы находим основные особенности аристотелевской трактовки метафоры. Согласно данной трактовке значение метафоры – это «содержание» и «оболочка», которые в своем взаимодействии делают значение богаче, чем каждый компонент, взятый в отдельности [Ричардс, 2007, 50].

Очень существенно проводимое М. Блэком разграничения «содержания» и «оболочки»: «Словесная метафора состоит из двух субъектов – главного и второстепенного» [Блэк, 1990, 167]. В.Н. Телия называет главный субъект основным, которое характеризуется как метафорическое определение, а второстепенный субъект – это лексическая единица в прямом значении плюс «образно-ассоциативный комплекс реалии» [Телия, 1988, 43]. Сходную до некоторой степени позицию занимает и Н.Д. Арутюнова, рассматривая метафорическое суждение как двухчленный субъект – денотат (метафора) и вспомогательная часть, имплицированная прямым значением [Арутюнова, 1990, 22].

В своем диссертационном исследовании мы будем пользоваться терминами – «обозначаемое» и «обозначающее».

Рассмотрение метафоры как *трехчленной* структуры восходит к теории компаративистики, согласно которой метафора – это свернутое сравнение.

В компаративистике метафора и сравнение рассматриваются как конструкции, состоящие из двух объектов, уподобленных один другому, на

основе общего признака, так называемой *связки* [Гончаренко, 1988, 140]. Следовательно, в механизм словесной метафоры вводится третий компонент – общий признак.

Важно заметить, что сравнение и метафора представляют собой совершенно разные способы «подобия». Несмотря на это в лингвистической литературе немало высказываний, где метафора рассматривается как скрытое сравнение. Однако М. Хесс активно выступает против сведения метафоры к «скрытому сравнению», отмечая невозможность сохранения эквивалентности содержания при замене всех выражений второй системы языковыми конструкциями первой. Она считает, что метафора переносит ассоциативные и имплицитные наборы идей со второй системы на первую, приводя в результате к одновременному изменению обеих систем. Поэтому объяснение всегда является взаимной адаптацией используемых языков, а не замещением одного другим [Hesse, 1987, 78].

В работе Х. Д. Леэметс на большом фактическом материале (полученном из машинного фонда эстонского языка «безбумажным способом») рассматриваются в сопоставительном плане разные виды «подобия», которые меняются от языка к языку, и также автор показывает, как специфика культур и своеобразное видение мира способствует языковой дополнительности, которая непосредственно связана с языковой картиной мира [Телия, 2006, 67]. Думается, что исследование процессов метафоризации прольет свет на соотношение структурного, типа языка и продуктивных для него путей метафорических номинаций.

Согласно данному подходу, метафору от сравнения можно отличить лишь тем, какой компонент в их структуре вербализован.

Отсюда – некоторые расхождения в интерпретации тех или иных сторон метафоры, которые имеют скорее частный, нежели общеметодологический характер. Например, В. Г. Гак утверждает следующее: «Метафора – универсальный способ формирования новых

языковых наименований на базе уже существующих» [Гак, 1992, 18], а в работе, посвященной метафоре в детской речи, говорится о том, что способность распознавать и творить метафорические выражения появляется у детей уже после дошкольного возраста. Но в первом случае имеется в виду речевой опыт вообще, а во втором - речевой онтогенез [Гак, 1995, 67]. В работе Х. Д. Леэметс *сравнение* рассматривается как составляющая *метафоры* [Телия, 1988, 89]. Свое начало метафора берет с сопоставления. Простая форма которой представлена сравнением, но при этом нельзя забывать, не все метафоры «превращаются» в сравнение, исходя из того, что могут быть ограничения, как на поверхностно-синтаксическом, так и на глубинно-синтаксическом уровнях.

Модели-метафоры, как было нами замечено выше, рассматриваются как структуры, состоящие из трех компонентов (трехчленная структура) [Ортони, 2007, 197], $A - B - C$, где A — слово, которое задается при входе, C — слово при выходе, а B — промежуточное понятие, имеющий общий компонент для A и B . Мы придерживаемся точки зрения В.Н. Телия, критикующей авторов «общей риторики» [Телия, 2007, 89] в слишком конкретном понимании промежуточного понятия (П), например, в таджикском языке *оҳу* – *sigh* (вздых) (И) – *чаим, дидаи зебо* – *eyes, beautiful eyes* (глаза, красивые глаза) (П) – *духтар* – *girl* (девушка) (П).

Вышеизложенное проиллюстрируем на материале художественной литературы:

«Ё раб, он оҳуи мушкин ба Хутан боз расон!

В-он сикҳи сарви равонро ба чаман боз расон!» (Хофиз, 78).

Далее приведем пример на материале английского языка.

«*He was feeling more strongly than ever that Timothy's was hopelessly «rum-ti-too» and the souls of his aunts dismally mid-Victorian»* (J. Galsworthy, *The Forsyte Saga*, 14). – *Вай беи аз неш қавитар буд, ки Тимотиус ноумедона «рум-ти-ту» буд ва ҷонҳои аммаҳои ӯ бениҳоят миёна викторианӣ буданд.*

(Он сильнее, чем когда-либо, чувствовал, что Тимоти был безнадежно «рум-ти-ту», а души его теток ужасно средними викторианскими).

В данном контексте слово *rut* – словарное значение, которого *гайриоддй – unusual* (необычный), в контексте переосмыслен – *ачиб рустй – eccentric, rustic* (чудаковатый, простоватый).

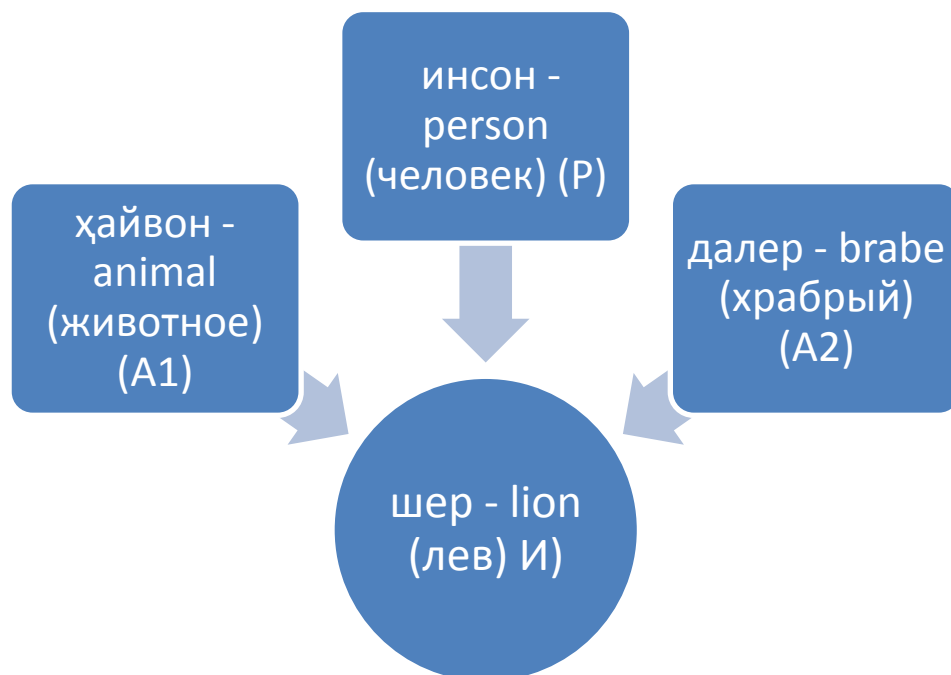
В.Н. Телия отмечает, что процесс метафоризации не требует поиска общей схемы, которая свойственна словарным дефинициям двух лексических единиц. Здесь скорее всего имеется ввиду общие ассоциации, которые порой трудно определить, так как метафора представляет собой расплывчатое понятие [Телия, 2010, 56]. Исходя из этого Дж. Серль справедливо отмечал, что не существуют определенные правила, позволяющие автоматически перейти от прямого значения к метафорическому. Согласно автору, многие метафоры, которые основываются на синестезии (*турушрүй – sour mood* (кислое настроение), *хохиши гарм – strong wish* (сильное желание); *mercenary love – ииқи мақсаднок* (корыстная любовь и т. п.)), не являются метафорическим переносом, но несмотря на это, мы понимаем смысл данных выражений [Пиаже, 1995, 181— 182].

Согласно Дж. Серль, нельзя подвергнуть точному компонентному анализу непостоянное ассоциативное сближение двух предметов, двух понятий. Однако, замечает В.Н. Телия, нельзя в данном случае согласиться с Дж. Серль – исходя из того факта, что вероятностная модель метафоризации можно создать, если данная модель выполняет экспликативную функцию, а не операциональную. Следует учесть тот факт, что «синестетические метафоры представляют собой сходство особого типа» [Телия, 2010, 123].

Однако здесь нам необходимо вновь возвратиться к строению метафоры. Недостаток данного строения состоит в том, что данная структура не принимает во внимание те отношения, которые важны для исследования метафоры. Известный румынский ученый Т.Виану рассматривает метафору

как «представление», которое чередуется в сознании человека: а) семантика слова, обозначающая действительность и реальность, которая метафорична; б) расхождение между данными реалиями [Виану 1957, 19]. Чтобы существовала метафора, продолжает автор, необходимо отдельное исследование, как объектов действительности, так и семантики слова. Полная модель метафоры выглядит следующим образом.

Более подробно рассмотрим данное положение на материале таджикского языка:

Из данной схемы следует, что A1 и A2 представляют собой предметы, соотносящиеся с прямыми значениями И и P. Их объединяет промежуточное понятие (A), обуславливающее метафорический перенос И на A2. Это приводит к двойной асимметрии: полисемия И, обозначающее A1 и A2 и синонимия И и P, обозначающее A 2. Метафорический перенос поддерживается благодаря такой двойной ассиметрии; именно она формирует метафоричность: лексическая единица «*шер – lion (лев)*» приобретает значение «*далерӣ – bravery (храбрый)*», вместо «*ҳайвон – animal (животное)*», а в свою очередь понятие «человек» получает значение «*шер –*

lion (лев)», связанное с исходным значением «хайвон – *animal* (животное)», ассоциирующееся с «далери– *bravery* (храбростью)».

Приведем пример:

Синон боз нас кард Сӯҳроби шер,

Буни найза зад бар миёнаш далер (Словарь таджикского языка, 2, 580).

Как обозначение И, так и Р соотносятся со своими исходными значениями. В лингвистике данную метафору рассматривают как двустороннюю.

Важно заметить, что один из элементов в данной структуре может не присутствовать, в подобных случаях образуются новые структурно-семантические виды метафоры:

- первый тип метафоры – семасиологически – односторонняя. В таких случаях предмет А2 лишен собственного обозначения в языке: *қулф* – *lock* (замок) (И) > *қулфи марҷон* - (Р) *даҳон* – *mouth* (рот) (А1) > (А) > (А2) – *қисми бадан* – *part of the body* (часть тела).

1) Метафорический перенос И выступает единственным для понятия А2. Именно многозначность способствует метафоризации И, но он не поддерживается противопоставлениями исходных и метафорических обозначений для А2, так как И – единственный способ обозначения.

2) Второй тип метафоры – ономасиологически-односторонняя. В таких случаях часто забытым оказывается исходное значение И: *дӯлоб* – *water wheel* (водяное колесо) (И) > *дӯлоб* – *tangled* (запутанный) (А1) (А) (А2) > *дӯлоб кардан* – *create a mess* (создавать беспорядок).

Как видим, лексема, которая подверглась метафоризации, не связана с тем или иным конкретным значением. От его этимологии А1 осталась всего лишь экспрессивная окраска. Следует заметить, что отношение многозначности не сохранилось, лишь синонимия двух обозначений А2 осталась, семантические расхождения между которыми и сохраняют экспрессивность слова *дӯлоб* – *tangled* (запутанный).

Свидетельством того, что исходное значение лексемы оказалось стертым, свидетельствуют расхождения словарных дефиниций. Так, в частности, Толковый Словарь таджикского языка [1969. т. 1, с. 409] отмечает у слова *дӯлоб* – *water wheel* (водяное колесо) два значения: 1. Чархаи обкашӣ аз чоҳ ва чӯй, чифир – *water wheel* (водяное колесо):

«Дили Хоҳонӣ дӯлоби равонро монд,

ҳар-ч аз ин сӯ биситонад, ба дигар ӯ бидиҳад» (ФЗТ, 1, 409);

«Шаҳре хуш, ободон бар лаби оби осӣ, ки бар ин об дӯлобҳои бисёр сохтаанд» (ФЗТ, 1, 409);

1. Савдогарӣ бо пули қарз – *credit trading* (торговля в кредит):

«Машав гофил, ки ин гарданда дӯлоб

Надорад кор ҷуз найрангсозӣ» (ФЗТ, 1, 409).

Приведённые примеры дают возможность предположить, что в словаре второе значение каким-то способом производится из первого значения. Таджикско-русский Словарь [2006, 1-2 т] определяет слово *дӯлоб* – *water wheel* (водяное колесо) следующим образом: 1. Чархи об - *water wheel* – (водяное колесо); чархаи обкаш - *water wheel* (водочерпальное колесо); 2. Ғавғо, серодам, банд - *noisy, crowded, busy* (шумный, многолюдный, оживленный); 3. Дӯлоб, бетартибӣ, бенизомӣ – *confusing, messy* (запутанный, беспорядочный). Таким образом, значение метафоры «*дӯлоб* – *confusing* (запутанный)» не может восприниматься как метафора «*савдогарӣ бо пули қарз* – *credit trading* (торговать в кредит)». Переход значения характерен для явления многозначности. М. Саломов отмечает, что «многозначные слова в языке реализуются на основе перемещения значения одного слова на основе метафорических отношений к другим понятиям» и «наиболее важным аспектом многозначных слов является взаимосвязь между словами, отношения и сходство предметов и событий связано с перемещением одного значения в другое, что становится причиной появления двух важных аспектов речи в языке» [см.: Саломов 2017, с.181-182].

Семантическая система многозначных слов определяется специфическими путями и методами. Так, известный таджикский семантолог Х. Маджидов отмечает “три пути появления значений: 1) метафорический метод, который в свою очередь разделяется на 3 вида (аллегория, отождествление и передающаяся метафора); 2) метод постепенного развития значений; 3) метод анализа фразеологических единиц” [см.:Маджидов 2007, с.51-58].

М. Саломов при рассмотрении метафоры и её видов в языке поэзии на основании высказываний других исследователей отмечает, что “в формировании интеллектуальной метафоры огромная роль принадлежит глаголам” [см.: Саломов 2017, с.186]. В данном случае глагол выражает действие, которое является не реалистичным, а метафорическим.

Итак, явление полисемии обладает своей спецификой. Выражение различных, связанных между собой значений одного и того же слова образует семантическое содержание данного слова вокруг стержня сочетаемости в тексте. На основе этого проявляются лексико-семантические варианты. Полисемия развивается специфическими путями и методами, чи в этом направлении важная роль принадлежит метафоре и её видам.

И наконец, метафора может вообще не противопоставляться прямым номинациям:

Чаши – *eye (глаз)* И -----Р ^

Узв - *body (орган)* П1------(П)-----П2 *қисми бадан – part of the body (часть тела)*.

Следует заметить, что слово *чаши* – *eye (глаз)*, первоначальное значение которого *узви биниш* – *organ of vision (орган зрения)*, затем метафорически стало обозначать в таджикско-персидской поэзии «*чашими шахло* – *beautiful eyes (красивые глаза)*»:

«*Эй, ки умре шуд, ки то беморам аз мижгони ту,*

Гӯ: Нигоҳе кун, ки пеши чашими шахло мирамат» (Хофиз, 78).

Или в английском языке слово *eye* – чашии (глаз) в конструкции *to be in the public eye* употребляется в метафорическом значении – дар маркази таваҷҷӯҳ будан (быть в центре внимания):

«*Yes, people had got wind of it! He knew they would – with that cat always in the public eye*» (J. Galsworthy, *The Silver Spoon*, 67) – Бале, аз афтаи, ҳама дар бораи ин ҷанҷол огоҳ шуданд! Вай медонист, ки ин гурбаи сурх дар маркази таваҷҷӯҳи одамон қарор дорад (Да, очевидно, об этом скандале все пронюхали! Он так и знал, ведь это рыжая кошка у всех на виду);

«*Have you given a second's thought to the fact that he's an absurd conservative?*» For this particular job, I said, 'I can't believe it's vitally important. It's vitally important for every job where men can get into the public eye, said Francis» (C. Snow, *The Masters*, 23) – Аммо шумо фикр намекардед, ки вай хеле муҳофизакор аст? Фикр намекунам, ки ин гуна корҳо бисёр муҳим аст, - гуфтам ман. "Ин барои ҳама корҳое, ки диққати шахсро ба худ ҷалб мекунад, аҳамияти бузург дорад" гуфт Фрэнсис (А не подумали вы о том, что он до крайности консервативен? – Не думаю, что для такой работы это имеет большое значение, – сказал я. – Это имеет большое значение для любой работы, которая привлекает к человеку всеобщее внимание, - сказал Франсис).

В истории языка мы можем проследить формирование этимологической метафоры, которую мы продемонстрировали в вышеприведённых примерах.

Необходимо подчеркнуть, что если метафора является двусторонней, она способна сохранить выразительность на максимальном уровне [Балли, 2010, 145], то в односторонней метафоре выразительность стирается, при этом ономаσιологическая зачастую хранит единую эмоциональную выразительность (согласно Ш. Балли); семасиологическая зачастую делается «безжизненной». Этимологическая метафора теряет любую выразительность. Но, следует заметить, что метафора представляет большую значимость в

формировании средств номинации. Общеизвестно, что язык представляет собой кладбище мертвых метафор.

По мнению Н.Д.Арутюновой, метафора наиболее устойчива в пословицах. Учёная утверждает, что «будучи порождением художественного творчества, метафора выживает только в тех вкраплениях и фрагментах, которые она вносит в нашу речь, - в пословицах, сравнениях, побасенках, фразеологизмах и т.п.» [Арутюнова, с.115].

Общеизвестно, что структурно-смысловая классификация метафор не является основой классификации языков; все без исключения данные виды метафор репрезентированы в любом языке, несмотря на различные соотношения. Такое соотношение полезно при сравнительном исследовании определенных фактов в разных языках: в одном языке одна и та же номинативная единица может быть односторонней метафорой, а в другом языке она приобретает оттенок этимологической метафоры.

В лингвистике для метафоры существует следующий подход использования лексических единиц: прямое и переносное. Смысловые разновидности метафоры, как правило, основываются исходным смыслом и новым значением лексических единиц. Исследование типов метафорических переносов можно анализировать на материале метафор различных смысловых видов, равно как на активных, так и на этимологических метафорах.

В метафорической модели особенно наглядно выражается соотношение общего и специфического в языке. При анализе типов метафоры необходимо отличать переносы единых смысловых категорий и переносы отдельных лексических единиц. В диахронии слова находят свое отражение лексические переносы, они также отражаются в идиоматических сочетаниях и в полисемии слов.

Во многих исследованиях по лингвистике, а также в таких областях науки как психология, антропология многократно делался акцент на общие

категории, порождающие метафоры. Так, в частности, С. Ульман [1995, 277—279] выделяет три вида метафоры: антропоморфизм, перенос от конкретного предмета к абстрактному и синестезию – особый способ восприятия, когда некоторые состояния, явления, понятия и символы непроизвольно наделяются дополнительными качествами: цветом, запахом, текстурой, вкусом, геометрической формой, звуковой тональностью или положением в пространстве. Ж. Маторе занимался исследованием, так называемой пространственной метафоры во французском языке [Телия, 1988, 89].

Наиболее интересными, на наш взгляд, являются онтологические метафоры. Основные понятия онтологии: бытие и его формы, особенности, структура, время, пространство, движение. Онтология, таким образом, представляет собой попытку наиболее общего описания универсума существующего, который не ограничивался бы данными отдельных наук и, возможно, не сводился бы к ним.

Так, например, понятие *таваррум – inflation (инфляция)* характеризуется как живое существо, *mind – ақл (ум)* выступает синонимом *мухаббат – love (любовь) – беморӣ – disease (болезни)*, *идея – idea (идея) – растанӣ – plant (растения (ее можно сеять, она созревает, укореняется и т.п.))*. Такой вид переноса как: *фазо – space (пространство) – вақт – time (время) – ҳолат – state (состояние)* – рассматривается как универсальный. Использование данного вида переноса в различных языках характеризуется употреблением глаголов и предлогов (*Шумо соати чанде омадед (= ба хонаи ман)? Ў ба хона омад, ӯ соат панҷ омад, ӯ замгин шуд – What time did you come (= to my house)?, He came at five o'clock, He came into disorder (Во сколько вы пришли (= в мой дом)? Он пришел в пять часов. Он был печален).*

У В.Н. Телия по этому поводу есть следующее высказывание: «Было бы чрезвычайно ценно для лингвистики, психологии, теории познания выявить закономерности переноса понятий из одной сферы в другую,

отражающуюся в изменениях значений слов» [Телия, 2006, 56]. Вслед за его мнением подчеркнём, что названия животных, проецируясь на людей, как правило, подразумевают их внешность или характер.

Например, в таджикском языке слово *булбул* – *nightingale* (соловей) употребляется в следующих метафорических значениях: *булбул* – *nightingale* (соловей); *булбули хушилхон* – *sweet-voiced nightingale* (сладкоголосый соловей); *булбули гӯё шудан* – *fill up like nightingale* (заливаться соловьем); *булбули Тӯс* – *the nightingale of Tus* (соловний Туса (эпитет Фирдоуси); *булбули Шероз* – *the nightingale of Sheroz* (соловей Шираза) (эпитет Хафиза Шерази); *булбули шӯрида* – *enamored* (влюбленный).

Приведем примеры из художественной литературы:

«Ба қавли булбули тӯс ошёна,

Яке донистаанд ни ҳафтхона» (ФЗТ, 1, 210);

«Бишнава ту, Фиесӣ, сухани булбули Шероз:

Соқӣ мағзур аз кафи худ ратли гаронро» (ФЗТ, 1, 210);

«Сабо ба булбули шӯрида гӯ ки дар раҳи ишқ,

Маҷоли дам задану ҷои худнамоӣ нест» (ФЗТ, 1, 210).

Или в английском языке слово *horse* – *asp* (лошадь) употребляется в значении *be important, stick arrogantly* – муҳим будан, саркашӣ кардан (важничать, высокомерно держаться): «*Miss Ingram, who had now seated with proud grace at the piano.... Commenced a brilliant prelude... She appeared to be on her high horse tonight...*» (Ch. Bronte, Jane Eyre, 109) – Хонум Инграм бо файзу ифтихор ба сари фортепиано нишаст ... вай хеле мафтун ба назар мерасид ... Он шом вай худро дар болои асти саманд вонамуд менамуд (Мисс Инграм, с горделивой грацией усевшись за рояль... с блеском заиграла прелюдию.... В этот вечер она держалась особенно высокомерно);

«*Not that she didn't try to persuade me, but I got on my high horse and was stubborn*» (R. Warren, All the King's Men, 78) – Вай кӯшиши кард, ки маро бовар кунонад, аммо мағзурӣ ба ман имконият надод ва ман ба нерӯи худам

така кардам (Она пыталась меня переубедить, но спесь во мне взыграла, и я уперся на своем);

«..... when I suggested Harry might give the gardener a hand he got on his high horse and threatened to leave» (D. Cusack, Picnic Races, 78) –вақте ки ман аспбон Гарриро ба бозбон пешниҳод кардам, вай бошад мағруриро пеша карда, таҳдид намуд, ки ӯ он ҷо биравад (... когда я предположил конюху Гарри помочь садовнику, Гарри вломился в амбицию и пригрозил уходом).

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что перед нами предстаёт важнейший для семиологии вопрос: может ли альтернативное выражение предмета порождать выражение самостоятельной системы знаков, а не набора символов? В лингвистике все системы коммуникации считаются неязыковыми и основывающимися на аналогичности предметов и явлений, потому что эти системы не строятся с помощью комбинаторных свойств дискретных единиц, таких как фонемы. Следовательно, они не могут разделяться вдвойне. Языковое происхождение образа сомнительно не только для лингвистов: сознание обычного человека, руководствуясь своего рода идеей, которая зиждется на мифологии, воспринимает образ как сущность, которая противоречит смыслу. В обыденном сознании человека образ воспроизводится, то есть возрождается» [Барт, 1994, 297]. Итак, отображение смысла и образа в сознании человека ассоциируется с недостаточностью содержания. В этом отношении, если ряд учёных считает, что образ относительно языка является рудиментом, то определённое число специалистов области придерживается мнения, что понятие «значение» не может отобразить всю палитру проявлений образа. В связи с этим, английский когнитолог Р. Барт констатирует, что «даже если признать, что изображение и вправду есть некий предел смысла, то это значит, что оно позволяет создать подлинную онтологию значения» [Барт, 1995, 309].

Говоря о метафорическом употреблении слов, не следует забывать также о дифференциальной семе. Особый интерес представляет

исследование В.Н. Телия, которое она проводит на материале глаголов движения: *давидан, парвоз кардан, сайр кардан - run, fly, crawl* (бежать, летать, ползти), где автор указывает, что данные глаголы при метафорическом использовании теряют сему «*узулу тарзи ҳаракат – the way of movement* (способ движения)», выражая «*пайваста, мунтазам, муттасил – intensive* (интенсивность)». Здесь автор полемизирует с Дж. Серль относительно синестетических прилагательных, отмечая, что они основаны на сходстве. Придерживаясь позиции В.Н. Телия, мы считаем, что ощущение всегда вызывает ту или иную оценку [Телия, 2006, 145].

Вышеизложенное положение проиллюстрируем на материале английского и таджикского языков:

Сравним в таджикском языке: *зиёфати оби ҳаммом – pretense of attention* (напускное внимание) (= неприятно), *самимона пазирой кардан - give a warm welcome* (оказать теплый прием) (= приятно); *ушқи комил – hot love* (горячая любовь) (= интенсивная); *дилсардона – cold feeling* (холодные чувства) (= слабые) и т. п.

Приведем примеры из художественной литературы:

«*Биё, ки гар накунам тар димоғат аз ҷоме,*

Кунам зиёфати хушкат ба оби ҳаммоме» (ФЗТ, 1, 450);

«*Ба ҳарводӣ баз ӯриши, ки комил*

Ба сайри ҳамзада сар панҷаи дил» (ФЗТ, 1, 518).

Или в английском языке:

To leave smb. (out) in the cold – касеро инкор кардан, ба касе таваҷҷӯҳ зоҳир нанамудан (игнорировать кого-либо, проявлять невнимание к кому-либо) (= неприятно); *to be fathoms deep in love* (тоже *to be overhead and ears in love*) – *дар роҳи ушқ девона шудан* (быть безумно влюбленным (= интенсивно):

«*He has very nice manners, and didn't address all his conversation to Mr. and Mrs. Harrison and leave me out in the cold as most of these young men do*»

(D. Sayers, The Documents in the Case, 67) – *Ū хушмуомила буд. Дар тафовут аз аксари ҷавонон ҳангоми сҳӯбат, Ū на танҳо ба ҷаноб ва хонуми Харрисон, балки ба ман мууроҷиат кард, то ҳол ин хислати Ū аз таваҷҷӯӣ дур нашудаанд (У него были прекрасные манеры. В отличие от большинства молодых людей в разговоре он обращался не только к мистеру и миссис Харрисон, но и ко мне, дотоле не избалованному вниманием);*

«I don't mind your knowing, he said. 'I'm over head and ears in love with her» (J. Galworthy, Over the River, 67) – Ман аз ту пинҳон шудан намехоҳам, гуфт ҷавон, ки дар шиқи Ū девона шуда буд (Я не собираюсь скрывать от вас, - сказал молодой человек, что безумно влюблен в нее).

Как показал анализ фактического материала, при анализе метафорических переносов необходимо также исходить из рассмотрения слов-предложений, которые могут использоваться в различных значениях, которые российский лингвист В.Г. Кацнельсон условно называет *экстенциональным* и *интенциональным* значениями. Экстенциональное значение подразумевает, что слово обозначает объект, и подготавливает его к наименованию. Это наименование не даёт объекту большего смысла, чем в самом его названии. При интенциональном значении объект получает новое отношение, и для предмета становится характерным какой-либо важный по смыслу признак. При этом в сознании предпочтение отдаётся не объекту, а только одному его важному актуализированному моменту, поэтому слово не обозначает объект, а выделяет в нём один из моментов. В первом случае предмет констатируется, опознаётся и слегка выделяется. Во втором случае выделяется не объект, а какая-либо его особенность, то есть применяется предикативный способ, когда человек высказывается о предмете.

При использовании значения слова изменяется только его отношение к референту. Иногда значение используется для того, чтобы выделить предмет, а иногда – для того, чтобы описать его. Смысловые оттенки остаются неразличимыми до тех пор, пока человек не осуществляет конкретный акт

речи, поэтому истинное значение познаётся только в речевом контексте. Сам по себе референт вне ситуации речи также недостаточен. Для осуществления данной функциональной задачи недостаточно даже само присутствие референта, так как он нужен лишь для конкретного акта речи. Без этого обязательного условия слово всегда будет иметь значение, в котором отражаются определенные объекты, предметы, признаки и отношения предметов.

Предметные обозначения носят комплексный характер, обозначая предметы то по принципу их пространственной совместимости, то по принципу совпадения их качеств. На более высоком уровне мышления эти обозначения передаются с помощью метафор. При этом разделение прямого и переносного значения происходит намного позже. На более высоком уровне развития метафоричное выражение применяется как средство усиления эффекта слова, но это же самое действие на более низком уровне является затруднённо, вследствие недостаточности дифференцированных ассоциаций и недостаточного абстрагирования [Балли, 2003, 123]. Синкретичность выражения предметов и предикации, неполноценная способность мышления к классификации предметов и явлений, его зависимость от ситуативного поведения приводит к неточности описания наблюдаемых предметов и явлений и ставит слово в зависимость от ситуации.

С усложнением механизмов сознания и обогащением языковых категорий совершенствуется и мышление, и код, обеспечивающий сохранность знаний. Известно, что знания отражают происходящие вокруг нас события и явления, они сохраняются способом переработки этих событий в определённые образы, поставляемые в наше сознание речевым актом, что приводит к обратному расширению речевых форм. Механизм формулирования речи в образы и расширения внутренних образов во внешние контексты речи в результате исторического развития постепенно

усложняются, благодаря чему меняется и совершенствуется не только само сознание, но и «способ хранения его единиц» [Бенвенист, 2002, 234].

Также было установлено, что при сравнительном анализе семантической структуры многозначных слов или данных диахронии языков различной типологии, можно выявить огромное количество тождественности в метафорических переносах.

Так, в частности в английском и таджикском языках, – прилагательное *warm* – гарм (теплый, горячий) приобретает метафорическое значение «*active* – фаъол (активный)», «*ardent* – дилчасп (страстный)», «*intensive* – мунтазам (интенсивный)», прилагательное же *cold* – сард (холодный) – значение «*flaccid* – танбал (вялый)», «*senseless* – беҳассос (бесчувственный)»:

«His smile was warm and friendly;

The speaker was given a warm welcome/reception;

Please send her my warmest congratulations;

Her comments were greeted with warm applause;

To give somebody a cold look/stare/welcome;

Her manner was cold and distant;

He was staring at her with cold eyes.»

Табассуми ӯ гарм ва дӯстона буд;

Маърузачиро гарму ҷӯшон табрик карданд;

Лутфан ба ӯ табрикоти гарму самими худро фиристед;

Суханони вайро бо чапакзании гарм пешвоз гирифтанд;

Ба касе нигоҳи сард / бодикҷат кардан / салом додан;

Нигоҳи вай сард ва дур буд;

Вай бо чаимони сард ба ӯ нигарист.

(Его улыбка была теплой и дружелюбной;

Докладчику был оказан теплый прием;

Пожалуйста, отправьте ей мои самые теплые поздравления;

*Ее комментарии были встречены теплыми аплодисментами;
 Дать кому-то холодный взгляд / смотреть / приветствовать;
 Ее манера была холодной и далекой;
 Он смотрел на нее холодными глазами.)*

В таджикском языке слово *гарм* – *warm* (теплый) имеет следующие метафорические значения: 1) гарм, ҳарсон – hot, temperamental (горячий, темпераментный); мизочи гарм – hot nature (горячая натура); 2) зебо, хуб, дилчасп – cute, nice, pretty (милый, приятный, симпатичный); *рӯигарм* – симпатичное лицо; 3) зинда, чакқон, чолок – alive, brisk (оживленный, бойкий); *савдои гарм* – *alive trade* (оживленная торговля). Или для слова *хунук/сард* – *cold* (холодный) находим следующие словарные дефиниции: 1) ногувор, зишт – unpleasant, ugly (неприятный, некрасивый); *ганҷои хунук* – *unpleasant words* (неприятные слова); 2) бетафовут, бепарво – *indifferent, careless* (безразличный).

В сопоставляемых нами языках перенос значения достигается путём преломления образов: в английском языке переносное значение подчеркивает оттенок 'холодный взгляд', а в таджикском 'ногувор - неприятный'.

В сравниваемых языках к переносному значению может добавляться и специфическое значение, у которого нет аналога в сравниваемом языке. Например, в таджикском языке существует выражение «*гарму сард* - *warm and cold* (тепло и холод)» – *ҳодисаҳои неку бади рӯзгор* – *good and bad in life* (хорошее и плохое в жизни), в английском – *diplomatic cold* – *бемории дипломатӣ* (дипломатическая болезнь). Приведённый пример демонстрирует вероятность соотношения в метафорических выражениях между общим и частным понятиями. Общее понятие выражается в том, что одно слово в разных языках может приобретать различные метафорические значения.

Приведем примеры из художественной литературы:

«Эй намудори сипехри лочвард,

Гаишта эмин чун сипехр аз гарму сард» (ФЗТ, 1, 258);

«*The Prime Minister's failure to appear at the reception has been explained by some newspapers as a case of diplomatic cold*» (АРФС, 1984,160) - *Набудани сарвазирро ҳангоми қабули баъзе рӯзномаҳо ҳолати хунукии дипломатӣ меноманд* (Отсутствие премьер-министра на приеме в некоторых газетах объясняется случаем дипломатической простуды).

Своеобразие проявляется в том, что в семантической структуре лексической единицы с общим значением А в разных языках могут рассматриваться разные «подзначения» А1, А2, А3, иногда метафорическое значение В может приобрести дополнительную коннотацию в других сферах понятий: В и С и т. д.

Рассматривая метафорический перенос, Ш. Балли, в частности отмечал: «В повседневной речи нет слова, которое не имело бы нескольких смыслов и не вызвало бы путаницы; никогда нельзя сказать точно, что такое *table*, потому что есть *table*, потому что есть *tables aecrire – таътаҳои синфӣ* (классные доски), *tables delogaruthmes – тахтаҳои логарифмӣ* (логарифмические доски) и т.п. [Балли, 2003, 53].

Самое поверхностное наблюдение показывает, что речь идет не об аномалии, а о постоянном феномене. На некоторых примерах мы можем показать, что потребности выразительности, диктуемые жизнью, побеждают требования логики; экспрессивность избегает точной регистрации фактов и беспрерывно подталкивает к творчеству; в действительности ничто так быстро не изнашивается, как то, что отмечено печатью выразительности; отсюда необходимость в постоянном обновлении [Балли, 2003, 56].

Данное положение проиллюстрируем на примере слова *голова*, употребляющееся в переносном значении, выявленные нами при анализе английского и таджикского языков. Так, например, слово *сар – head (голова)* в таджикском языке имеет следующие значения: «1) *боло, баландӣ; қулла – top, high, peak (верх, верхушка; вершина; сари дарахт – top of tree (верхушка дерева); сари кӯҳ – peak of mountain (вершина горы); 2) оғоз - beginning,*

commencement (начало); *сарӣ бозор* – *the beginning of the bazaar* (начало работы базара); 3) конец; кончик; острие; *сарӣ ангушт* – *finger tip* (кончик пальца); 4) *сар* (мехҳо, нохунҳо, донаҳо) – *head (screws, nails, pins)* (головка (винта, гвоздя, булавки)); 5) *сар* (рақамгузорӣ ҳангоми ҳисоби чорво) – *head (numbering for livestock counting)* (голова (нумератив при счете скота) панҷ *сар* *гӯсфанд* – *five heads of sheep* (пять голов овец)» (ТРС, 2006, 518).

Английское слово *head* – *сар* (голова) имеет следующие значения: «1) *a part at the top of an object which is different or separate from the body* – қисми болоии объект, ки аз бадан фарқ мекунад (часть в верхней части объекта, которая отличается от тела): *the head of a hammer* – *сарӣ молоток* (голова молотка); *the head of the needle* – *сарӣ сӯзан* (головка иглы); 2) *the top of a page* – *сарӣ саҳифа ё чизе* (вверхнего-либо, начало): *I put my address at the head of the letter* – *Ман сурогаи худро дар аввали мактуб гузоштам* (Я ставил свою адресс в начале письма); 3. *the top or front; highest or furthest point* – якум, нуқтаи баландтарин (первый, наивысшая точка): *I waited at the head of the line (queue)* – *Ман дар раҳи аввали (навбат) интизор будам* (Я ждал в начале линии (очередь)); 4. *the most important place* – муҳимтарин макон (важнейшая места): *the head of the table* – *аввали/сарӣ миз* (начала стола)» [Longman Dictionary of contemporary English, 2010, 518].

Как показал анализ фактического материала, можно констатировать, что сравнение – это всего лишь механизм создания метафоры, но не выражения его смысла. Следовательно, было бы неверно рассматривать метафору, как трехчленную структуру. Исходя из этого, мы придерживаемся позиции, согласно которой метафора – двухкомпонентная логико-семантическая структура.

Важно заметить, что существуют и другие подходы относительно данной проблемы. В частности, Р. Уайт, в своей работе «Структура метафоры» [White, 1996, 13-15], критикуя своих предшественников, отмечает, что метафора – это сложная лингвистическая структура,

употребленная в переносном значении. По Р. Уайту метафора – это целое предложение. Метафорическое предложение, продолжает рассуждать автор, состоит из двух компонентов: первый компонент является основным к нему относится описание ситуации прямого, не метафорического характера. Второй компонент является вспомогательным, он включает метафоричное сравнение в состав предложения [White, 1996, 17].

В качестве примера он приводит следующее предложение: «*Aini was a great infant – Айни тифли бузург буд (Айни был великим младенцем)*». Компоненты «*Aini was – Айни буд (Айни был)*» относятся к основному, неметафорическому описанию ситуации. В то время как слово «*infant – тифл (младенец)*» является вспомогательным. Однако слово «*great – бузург (великий)*» можно интерпретировать по-разному. Если компонент «*great – бузург (великий)*» включить в основную часть, то предложение можно прочесть следующим образом: «*Aini was a great writer, but still a child – Айни нависандаи бузург, аммо ҳанӯз кӯдак буд (Айни был великим писателем, но все же ребенком)*». Если включить слово «*great – бузург (великий)*» во вспомогательную конструкцию, то прочтение может быть следующим: «*Aini was just adult/ overaged kid - Айни як кӯдаки калон / бузургсол буд (Айни был просто большим / великовозрастным ребенком)*». Однако если рассматривать *great* как компонент главного и вспомогательного конструкций, то интерпретировать предложение можно таким образом: «*Aini, the great writer, was actually a big kid – Айни, нависандаи бузург дар асл кӯдаки калон буд (Айни, великий писатель, в действительности был большим ребёнком)*».

Из данного примера следует, что слова с двойственным значением могут реализовать те или иные значения, исходя из того, к какой лексической структуре метафорической ситуации они относятся. Однако, Р. Уайт, специально подчеркивает: «... двойное толкование – это не сдвиг значения слова» [White, 1996, 24].

Существенно заметить, что Р. Уайт не случайно назвал свою книгу «Структура метафоры». Понятие «структура» у автора и его предшественников отличается. Если для последних важна логико-семантическая структура метафоры, то Р. Уайт исследует поверхностную структуру, то есть каким образом метафора реализуется в речи. Следовательно, на наш взгляд, не следует противопоставлять позицию Р. Уайта традиционному подходу исследования метафоры. Важно признать взгляды Р. Уайта, которые открывают новые перспективы для исследования природы метафоры.

Следует заметить, что теория Р. Уайта – перспективна для исследования текстообразующей функции метафоры, так как именно в контексте раскрываются те или иные значения слова.

Та или иная позиция относительно структуры метафоры может помочь ответить на вопрос об использовании термина «метафора». В лингвистике существуют утверждения, что метафора имеет две границы – нижняя – это слово; верхняя – текст [Арутюнова, 2005, 10]. Следующее разногласие заключается в том, что следует называть метафорой – слово в образном значении или целое предложение.

Исходя из вышесказанного в своем диссертационном исследовании, вслед за А. Ричардсом, мы будем рассматривать метафору как двухкомпонентную логико-семантическую структуру, которая выражается формулой «А – это В».

1.3. Метафора в свете когнитивного подхода

Проблема определения специфики метафор и их осмысления входит в число основных и, наряду с этим, мало разработанных вопросов современных исследований метафоры. В предшествующие годы основное внимание уделялось проблемам природы и типологии метафор, особенностям их функционирования в различных типах текстов, т. е. всему тому, что традиционно относится к сфере употребления языка. И только в результате возникновения функционирующих систем, которыми осуществляется автоматическая обработка природного состояния языка, в лингвистике появился интерес к теории структуры функционирующих моделей метафорических значений. Значимость таких исследований сегодня объясняется прежде всего их междисциплинарным характером, где связываются воедино социально-психологические, лингвистические и когнитивные аспекты, что позволяет надеяться на получение принципиально новых результатов в теории метафоры.

В 70-е годы прошлого столетия появилось мнение о том, что осмысление метафор состоит из трёх этапов. В соответствии с данным мнением, первый этап включает определение буквального значения в составе метафорического выражения. Второй этап состоит из того, что данное значение должно быть сопоставлено с контекстом. И на третьем этапе, осуществляется поиск значения, в том числе и метафорического, не в буквальном, а переносном значении в том случае, когда существует несогласование буквального значения с контекстом [Ortony, 1978, 23]. В свою очередь, эти этапы, образующие многоэтапную модель понимания, влекут за собой два важных следствия, которые активно обсуждаются в литературе 80-х годов [Gibs 1985]. Эта последовательная трехфазная модель предполагает, во-первых, что понимание небуквальных значений требует больше времени и усилий, чем понимание буквальных значений, и во-

вторых, она подразумевает принципиальное различие между буквальным и небуквальным значением.

Обсуждение этих проблем имеет принципиальный характер, поскольку решается вопрос о том, где проходит линия раздела между буквальным и метафорическим значением, и что такое в конечном счете метафора? Чтобы понять истоки гипотезы о решающей роли буквального значения в понимании метафор, следует вспомнить о господствующем в 60-е годы подходе, согласно которому следует четко разделять вопросы языковой компетенции и вопросы, относящиеся к сфере употребления языка. Хотя в 70-е годы этот подход был подвергнут в целом суровой, многие частные концепции, базирующиеся на его основных посылах, остались без изменений. Именно такой теорией и является трехэтапная модель понимания метафоры. В соответствии с чрезвычайно популярной в 60-е годы теорией Дж. Катца и Дж. Фодора, семантическая компетенция проявляется в том, что идеальный носитель языка оказывается в состоянии распознать значение предложения, не располагая при этом никакой информацией о его контексте [Katz, Fodor 1963].

Указанное жесткое разделение языковой компетенции и сферы употребления языка, отмечал Ч. Стивенсон, предполагает и строгое разделение буквального (собственно семантического) и контекстуального (прагматического) значения выражений. В соответствии с данной точкой зрения, буквальное и метафорическое значения отличаются по степени использования, а не в сфере механизмов, функционирующих внутри языка. В связи с этим, по своей природе формирование и воздействие метафоры является абсолютно прагматическим [Стивенсон, 1986, 45]. Следует согласиться с этой позицией в отношении метафоры и её оценкой как полностью прагматического выражения. Мы склонны предполагать в силу влияния культурной среды, образования и воспитания существование у слов и отдельных выражений, жестко закрепленных за ними значений, полагая их

первичными, базисными. В новых ситуациях употребления эти «закрепленные» значения изменяются, но несущественным образом, и как результат такого изменения возникает прагматическое значение. Хотя уязвимость подобного подхода к проблеме генезиса метафор была очевидна еще в контексте критики идей Дж. Катца и Дж. Фодора, он по-прежнему считается теоретически приемлемым.

Следует также иметь в виду, что тезис об определяющей роли буквального значения важен не только для адекватного представления механизмов понимания метафоры. Решение многих проблем зависит от того, что считать «исходной клеточкой» языковой коммуникации – выражения со строго фиксированным и определенным значением или выражения, подобные метафорам. Каким образом структурируется и организуется семантическая память, каковы основные этапы логического вывода, осуществляемого индивидами в реальной практике, с помощью каких средств языка индивид получает новое знание – вот далеко не полный перечень вопросов, решение которых связано с выбором ключевого понятия языковой коммуникации.

В западной лингвистике выдвигаются семь принципов, которые характеризуют процесс перехода значения от буквального к метафорическому. Например, в трудах Дж. Серля поставлена и достигнута цель устранения полисемантического характера аналогий, который составляет основу метафор. Пример Дж. Серля *Салли – это глыба льда* убедительно демонстрирует его склонность к пониманию метафоры в её традиционном смысле. При этом прагматическое значение этой метафоры проявляется только в контексте на базе общих знаний [Серль, 1986, 34].

Однако вряд ли можно отождествлять проблемы понимания метафоры и снятие семантической неопределенности аналогии, лежащей в основе этой метафоры. На наш взгляд, можно утверждать, что Дж. Серль в определенном отношении только развил идеи Дж. Катца и Дж. Фодора относительно

приоритета семантики над прагматикой языка, но отнюдь не противопоставил им нечто радикальное.

Исследования вопросов по осмыслению метафор, которые проводились ранее психологами, в наше время не могут подтвердить преимущество буквального значения над метафорическим. Как следует из трехэтапной модели понимания метафор, на их обработку должно затрачиваться больше времени, чем на обработку тех же предложений, но употребленных в буквальном значении. Однако результаты проведенных экспериментов показали, что для осмысления метафорического значения времени требуется не более того, чем для осмысления текста с буквальным смыслом [Глуксберг, 1982, 67]. В данном смысле очень важен объем обрабатываемого текста: когда объём контекста недостаточен, то на обработку предложений с метафорическим значением затрачивается большее количество времени, нежели для осмысления предложений с буквальным значением. Эти результаты указывают на то, что выражения как с буквальным, так и с небуквальным значением обрабатываются практически сходным образом. Возможные трудности в обработке вызываются не переносным характером выражения, а тем, насколько тесно интерпретируемое выражение связано с предшествующим контекстом. Такая связанность с контекстом может быть более или менее сильной как для буквальных, так и для небуквальных случаев употребления языка. В подобных ситуациях оказывается полезным привлекать дополнительные процедуры вывода, и, в частности, многоэтапную модель понимания. На наш взгляд, многоэтапная модель не является в целом некорректной – просто она представляет не общий процесс понимания выражений с небуквальным значением, а только некоторые его варианты.

Полученные данные психолингвистов указывают на то, что во многих ситуациях понимания метафорических выражений определение их буквального значения не является обязательным этапом процесса понимания.

При наличии соответствующего контекста индивиды обычно способны понимать метафорические значения высказываний непосредственно. Таким образом, данные, представленные психолингвистикой, убедительно свидетельствуют, что слушающие далеко не всегда строят особый уровень представления знаний, включающий только буквальное значение предложений. Действительно, на раннем этапе обработки предложений мы часто используем контексты с прагматическим значением, что, по мнению современных учёных-лингвистов является вполне правомерным. Но с точки зрения современной науки психолингвистики нецелесообразно было бы рассуждать о значениях природного языка, которые бы не несли прагматической нагрузки. В смысловые компетенции владельцев языка в этом плане не входят какие-либо особенные знания, которые бы в корне отличались от понимания всех тонкостей применения языка. Поэтому модели осознания языковых выражений, в рамках которых обработка информации начинается с фонетического уровня и последовательно доходит до уровня прагматики, представляются некорректными. Ученые предлагают рассмотрение идеи об одновременной обработке языка, которая включает параллельное взаимовлияние знания на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях, вместо его поэтапного осмысления.

Здесь следует иметь в виду еще и то обстоятельство, что предлагаемые многочисленные концепции метафоры являются по существу семантическими – объединение метафор в конкретные классы основывается на определенных типах соответствий между первичным и вторичным объектами метафоризации.

По утверждению Дж. Карбонелла с помощью метафорического соответствия в языке осуществляется переход целей, «стратегий планирования, каузальных структур» [Карбонелл, 1980, 14], функциональных атрибутов, социальных ролей, структурных отношений, конкретных характеристик. И как бы этот список метафорических соответствий ни был

расширен и модифицирован, в каком бы контексте он ни рассматривался в любом случае в его основе лежит базисное семантическое отношение между первичным и вторичным объектом метафоризации. Отсюда следует, что сугубо семантический подход к метафоре как неявной аналогии не может служить основой для психолингвистических моделей понимания метафоры. Необходимо новое, более широкое толкование природы метафоры, согласующееся, в частности, с психолингвистическими исследованиями. Как справедливо отмечала В.Н. Телия: «Мы по-прежнему очень мало знаем о природе метафор – слишком мало для того, чтобы с уверенностью сказать, каким образом и благодаря чему мы их понимаем» [Телия, 2010, 145].

В своем исследовании мы будем рассматривать метафору, как когнитивный механизм.

Согласно точке зрения Х. Ортеги-и-Гассета, метафора «удлиняет руку интеллекта» [Ортега-и-Гассет, 1990, 72], то есть она представляет собой орудие научного поиска. Благодаря метафорическому выражению обеспечивается целостность ассоциаций, которые связаны с понятием, даже в том случае, если будет сделана новая интерпретация данного понятия. В этом случае за основу берутся такие элементы значения, которые раньше оставались за рамками осмысления, что не позволяло рассмотреть другие неактуальные понятия. Соответственно, данная целостность ассоциаций «и оказывается тем средством, которое позволяет связывать между собой различные семантические ряды, а значит и различные способы описания и осмысления явлений объективного мира» [Золотова, 2010, 81].

Особенности метафоры, которые отображают условный характер объединения относящихся к разным языковым рядам объектов, отражена в ее структуре. В ней просматривается включение языка в состав «метаязыка» как особой подсистемы, в которой сохраняется относительная целостность и которая в целом определяется с помощью функциональных законов. То есть можно сказать, что здесь мы имеем дело не с обычным отношением между

объектным и метаязыком, но с особым случаем взаимодействия системы и элемента» [Гусев, 1984, 51].

В этом ракурсе нельзя не принимать во внимание особенности данного отношения, которые могут исказить контекст «словно/подобно», что делает ошибочной метафору и в целом усложняет осознание смысла. То, что сближаются несходные элементы и этим определяется приблизительность теоретических описаний, основанных на метафоре, носит явно условный характер. Отождествление нетождественного, о котором шла речь выше, оценка эмпирических утверждений как точных эквивалентов, соответствующих предсказаниям теории, предполагают те же отношения, которые характерны для контекстов, создаваемых метафорическими выражениями [Золотова, 2010, 82].

Когнитивная метафора связана с присвоением данному объекту некоторых признаков и состояний, являющихся принадлежностью предметов другого класса, отличного от данного. Именно этот тип обеспечивает возможность описания объектов, которые эмпирически еще не зафиксированы. Так как в этом случае признак отрывается от его носителя, приобретает самостоятельное, но тем самым снимается традиционное ограничение сочетаемости элементов языка и возникают обобщенные, «обесцвеченные» предикаты, соединимые с разнообразными объектами [Залевская, 1995, 34]. Это и позволяет выявить сущность предметов, включаемых в системы знания с помощью «ненаглядных» (в частности, формальных) средств.

Различные цели, которые ставят перед собой исследователи процессов познания, обуславливают и особенности их подходов к оценке места и значения метафоры в научном исследовании.

Так, Г. Буш в основном заинтересован в выяснении природы технического творчества. Поэтому и анализ функций метафоры проводится им с точки зрения ее места в зарождении новых решений изобретательских

задач. В связи с этим он выделяет пять типов метафор, которые представляют собой скорее различные формы использования стилистических тропов и их роли в создании мыслительных моделей [Буш, 1977, 56].

Остальные типы метафор, выделяемые Г. Бушем, связаны с «персонификацией», то есть приписыванием абстрактным объектам характеристик одушевленных, и «деперсонификацией» - переносом значений с одного языкового выражения на другое на основе смежности денотатов в пространстве – времени, или на основе причинно-следственных отношений, существующих между ними, или, наконец, на основе отношений части и целого. [Буш, 1977, 84-87].

Генерализующая метафора также связана с переносом характеристик одного класса предметов на другой, что способствует их объединению, размывает границы между предметными областями, мыслящимися ранее в изоляции друг от друга. Таким образом, метафорические средства обеспечивают повышение целостности знаний человека об окружающей его действительности.

Из вышесказанного следует, что для современной науки метафора не только риторическое средство, а орудие познания процессов мышления и создание языковой картины мира. Согласно В.Г. Гак, метафора возникает в результате глубинных особенностей человеческого мышления. Данная позиция подтверждает идеи связи языка и мышления «язык и мышление генетически связаны: два феномена, опираясь друг на друга, находятся в постоянном взаимовлиянии [Пиаже, 1995, 335].

Виды ментальной деятельности в современной лингвистике подразделяются на следующие: 1) дискурсивно-логическое мышление; 2) метафорическое мышление [Кассирер, 1990, 34].

Рассматривая метафору как процесс познания К. Жоль отмечал, что метафоризация всегда предполагает некую проблемную когнитивно-номинативную ситуацию со множеством переменных факторов [Жоль, 1996,

57]. Учёный считает, что процесс метафоризации более богат и разнообразен, чем это показано в исследованиях теоретиков интеракционизма. Процесс метафоризации подразумевает целенаправленную активность её субъекта, которая способствует выполнению когнитивных и прагматических задач, выполняемых метафорой в актах коммуникации (как правило, диалогов). Поэтому данный процесс стимулирует выбор выражений, который зависит от прагматической мысли и характера текста.

Вышеизложенное положение проиллюстрируем на материале таджикского и английского языков.

Так, в таджикском языке метафора типа *абри баҳман – winter cloud* (зимнее облако) существенно отличается от *абри бало – unhappiness war* (несчастье, война) по функциональной нагрузке – концептуальной в первом случае и эмотивной – во втором:

«Сазад ар чу абри баҳман, ки дар ин чаман бигирӣ ям,
Тарабошени булбул бинигар, ки зогдорад» (Ҳофиз, 134).

«Зи абри бало тирборон шуда,
Нами хун чун сели баҳорон шуда» (ФЗТ, 1, 29).

Или в английском языке: *clouds of smoke* – дуди абрҳо (клубы дыма, облако дыма) от *a cloud in one's sky* – абре, ки хушбахтии касеро торик мекунад (облачко, омрачающее чье-либо счастье):

«*There was only one cloud in Robbie's sky and that was his personal trouble with the business in Arabia*» (U. Sinclair, *Between Two Worlds*’, 56) – Ягона абре, ки ба хушбахтии Робби соя андохт, мушкилиҳои тиҷорӣ дар Арабистон буд (Единственным облачком, омрачавшим счастье Робби, были деловые неприятности в Аравии).

В одном из своих исследований И. Жоль отмечает следующее: «процесс метафоризации неосуществим без некоторого допущения о возможности и самого подобия в реальности несопоставимых сущностей. Это допущение, используя «принцип фиктивности, сталкивает значения, в

результате чего одна область знаний заимствует понятия из другой области» [Жоль 1996, 127]. И вместе с тем именно принцип фиктивности служит тем ключом, который открывает путь к пониманию оязыковленной уже метафоры как переосмысленного значения.

Дж. Эптер выделяет такой вид метафоры, как синэргия, т. е. её способность провоцировать психологическое «напряжение». Оно происходит между буквальным и переосмысленным значениями и создаёт такую контрастность, «которая может вызвать эмоциональный эффект, напоминающий по силе ощущения шок от электрического разряда» [Эптер, 1982, 55—70].

Для синэргетической метафоры характерно то, что в ней происходит достаточно сложная и запутанная «обработка» мысли, состоящая из совершенно нестандартных соответствий. примером синэргетической метафоры могут послужить следующие примеры на материале таджикского и английского языков из художественных текстов: *чаим бар пушти по доштан* – *bow the head from the shame* (склонить голову от стыда):

«Зулайхо рух бад-он фаррухлиқо дошт,

Вале Юсуф назар дар пушти по дошт» (Чомӣ, 78).

Или в английском языке выражение *go eyes out* (австрал.) – *штофтан* (мчаться, нестись):

«*My horse turning to quickly while I was going eyes out, fell and rolle dover*» (АРФС, 1984, 252) – *Ман бо суръати баланд давидам, ногаҳон аспам якбора галтиду гелид* (Я мчался во весь опор, вдруг моя лошадь резко повернула, упала и покати́лась).

Необходимо отметить при этом, что в теории интеракции проведено самое общее различие между нейтральными и экспрессивными результатами метафорического процесса. Так, М. Блэк разграничивает эмфатическую (*emphatic*) и репродуктивную (*resonant*) метафоры. Для понимания первой необходимо творческое восприятие, для второй – только стандартные

ассоциации «человека с улицы», т. е. рядового носителя языка. При этом выделен класс сильных (strong) метафор, объединяющих в себе оба качества. С точки зрения такого взгляда на необычность/ обычность метафоры по ее «внутренней форме» оппозиция живые/стершиеся метафоры представляется М. Блэку тривиальной [Black 1979, 78]. Думается, что это перемещение аспекта оценки метафоры с диахронического её состояния на психологическое восприятие субъектом, несомненно, обогащает модель метафоры, вводя в неё человеческий фактор, хотя последнему не придано модельного отображения. И, тем не менее, обращение к психологическому аспекту метафоры через процессы моделирования её когнитивной техники и её роли в формировании высказывания и текста [Lakoff, Johnson 1986, 21] — это тот радикально новый шаг, который был сделан в логических её штудиях, использующих теорию референции, а через неё — и теорию речевых актов [Дж. Сирль, 1990, 134], где показано, как влияет метафора на тип речевого акта.

На связь метафоры и мышления указывал также и Э. Маккормак в своей работе «Когнитивная теория метафоры». Он описывает метафору следующим образом: «1) метафора — это когнитивный процесс, который порождает новые идеи (понятия), и 2) метафора — это культурный процесс, с помощью которого меняется сам язык» [Маккормак, 1990, 363].

Согласно Э. Маккормаку метафора «живёт» в верхнем ярусе языка, который создается контекстом. Продолжая линию М. Блэка, учёный утверждает, что «в основе метафоры лежит не только семантический процесс переосмысления, но и когнитивный, который углубляет наши представления о мире» [Маккормак, 1990, 360].

Следовательно, Э. Маккормак выделяет три уровня рассмотрения метафоры и устанавливает иерархию данных уровней.

Современные исследователи данного вопроса утверждают, что основной формулой формирования и употребления в контексте метафоры

является сентенция «как если бы» [Жоль 1996, 89], с помощью которой вводятся любые ассоциации, упраздняются различные ограничения, которые накладывает система знаний о мире и т. п.

Интересны замечания С. Гусева относительно использования метафоры в контексте: «нарушая границы несовместимого, метафора потому и синтезирует новые концепты, что базируется на принципе фиктивности. Затем модус фиктивности либо выходит из игры, если метафора верифицируется (что характерно для научной метафоры), либо же остается в строю или редуцируется, если метафора удерживает психологическое напряжение» [Гусев, 1995, 23].

По мнению исследователя Е. Некрасовой, метафору можно разгадать и понять благодаря тому, что контекст метафоры раскрывает вложенную в него фиктивность. Для этой цели зачастую, продолжает автор, используются кавычки. В качестве примера Е. Некрасова берёт метафору, основанную на аналогии «распространение знаний все равно что распространение волны»: Знание подобно волне, которая распространяясь в определенной среде, подхватывает все новый и новый материал, оставаясь при этом одной и той же волной. С этой точки зрения, тиражируя рукопись, мы увеличиваем площадь того «бассейна», на поверхности которого может жить наша волна. Но «волна знания» не может распространяться иначе, чем как знание, понимаемое средой...» [Некрасова, 1985, 45].

Соответственно, применяя данную аналогию, можем говорить о том, что именно осознание диктует формирование данной «волны».

Для нашего диссертационного исследования важность представляет то, что в процессе метафоризации соблюдается принцип фиктивности, который вводится её субъектом. Этот субъект определяет не только возможное сравнение, мысленно обрабатываемое с помощью аналогии, но и способность осмыслить одну суть, которая могла быть подобна другой сути. То есть субъект способен определить и соизмерить аналогии по своим

меркам, знаниям и представлениям, среди которых немаловажную роль играет и система национальных и культурных ценностей.

По мнению С. Гусева, антропометричность – «это одно из проявлений антропоцентричности человеческого сознания (и знания) и основание антропоморфности. Антропометричность – это осознание человеком себя как «меры всех вещей» [Гусев, 1995, 67]. В нашем исследовании антропометричность рассматривается в рамках антропоцентричности, при этом антропоморфность мы оцениваем, как одно из последствий антропометричности.

К примеру, в метафорах таджикского языка *дасти танг*, *фақирӣ*, *бечорагӣ* – *poor* (бедность), *дасти чарб* – *aid, assist* (помощь):

«Ба гӯш омадаш дар шаби тираранг,

Ки шахсе ҳама нолад аз дасти танг» (Саъдӣ, 67);

«Макаш миннат зи дасти чарби ин сангдилон, Соиб,

Ки равған мекашанд аз донаи реги равон савдо» (ФЗТ, 1, 341)

легко просматривается антропоморфность, а в метафорах: *ақли касеро баҷояш овардан* – *to open someone's eyes* (открыть кому-либо глаза), *ақли худро давондан* – *to think* (думать), *фикри чизеро аз дил баровардан* – *to stop to dream, to hope to something* (перестать мечтать, надеяться на что-либо) и т. п. «морфность» осознана более широко. Так как сюда могут быть включены все олицетворения, одушевления и всякие уподобления, например: *бахти гумкарда* – *broken happiness* (разбитое счастье):

«Ҳама гуфт: Эй бахти гумкардароҳ,

Гирифтор гаштам ба рӯзи сиеёҳ» (ФЗТ, 1, 159).

Далее приведем примеры на материале английского языка:

Black a shades – *замгин; дар олами торик* (безрадостный; в темном свете):

«*It's wonderful, he said to them one day at supper. It's a true rebirth. Her soul, which was black as night, is now pure and white like the new-fallen snow*»

(W. Maugham, Complete Short Stories, 34) – Ин танҳо як муъчи́за аст, гуфт ӯ ҳангоми хӯрокхӯрӣ. Ин эҳёи ҳақиқӣ аст. Чони ӯ, ки аз шаб сиёҳтар буд, акнун мисли барфи аввал тоза ва сафед аст (Это просто чудо, сказал он как-то за ужином. Это истинное возрождение. Ее душа, которая была чернее ночи, ныне чиста и бела, как первый снег);

«At first he was in despair and everything seemed as black as ink then» (W. Maugham, Complete Short Stories, 78) – Дар аввал вай сахт андӯҳгин буд, ҳама чиз дар назараш сиёҳ метофт (Первое время он был в отчаянии все рисовалось ему в мрачных тонах).

Определённых методов анализа требует выяснение соотношений между сознанием и незнанным, текстом и подтекстом. Один из таких методов представляет собой метод Шеллинга, состоящий из конструирования. Этот метод даёт возможность восстанавливать устойчивость различных структур, составляющих основу речевой деятельности сознания.

По Жюлю объект фиксируется сознанием тогда, когда в нём уже есть представление об объекте. Однако при этом невозможно существование объекта действительности в сознании человека. В сознании действительность необходимо изменить, преобразовать, сделать образом, то есть мыслимой действительностью. Отсюда, вход объекта в сознание проходит без его непосредственного вмешательства. Учёный подчёркивает: «сознание, если оно желает и стремится проникнуть в законы явления, должно постигнуть бессознательный процесс построения объекта» [Жоль, 1984, 138].

В современных лингвистических исследованиях часто встречается мысль о том, что роль метафоры может быть чрезвычайно важной в построении специальных научных языков. Исследователи допускают, что теоретические модели могут выполнять функции мини-языковых систем в процессе анализа сведений, подлежащих моделированию. Между языковой системой и её референцией отношения могут складываться так, как это

происходит между двумя элементами метафоры, когда метафора воспринимается в узком смысле как свернутое сравнение. С данной теоретической позиции можно констатировать следующее: всякая метафора передаёт некие сведения в перевёрнутом виде.

Жоль признаёт: «Модели – метафоры служат средством познания объектов сложной природы. Имея дело с моделями – метафорами, следует учитывать тот немаловажный факт, что это именно средства познания, причем средства эвристические, то есть преддверие к теории, но не сама теория, которая в идеале не должна содержать в себе ничего двусмысленного» [Жоль, 1984, 132].

Итак, модели-метафоры воспроизводятся в два приёма. Сначала человек воспринимает информацию интуитивно, он неосознанно руководствуется своим научным опытом, использует аналогии, создаёт сложные метафоры. То есть на данной стадии аналогии воспринимаются в основном через интуицию, которая служит неким эвристическим средством познания. Во вторую очередь, человек начинает моделировать, подводить итог своих начальных, неустойчивых ассоциаций [Караулов, 2010, 12 - 18].

Как было отмечено выше, антропометричность также включается в модель метафоры. Из этого следует, что метафорический перенос всегда субъективен.

Например, даже в таких обычных метафорах таджикского и английского языков, как *гов – dumbass; uncouth* (тупица; неотесанный); *гурги борондида – shot sparrow* (стреляный воробей); *the big bad wolf* – *шахси хатарнок, даҳитнок* (опасная, страшная личность): «*You're the big bad wolf so far as this house is concerned*» (E. Gardner, *The Case of the Haunted husband*, 56) – *Барои ин хона шумо гурги даҳшатангези хокистарӣ аз суруди бачагона ҳастед* (Для этого дома вы страшный серый волк из детской песенки) и т. п., проявляется субъективное отношение автора метафоры к выбору дополнительного объекта, образ и ассоциации которого определяют

положительное или отрицательное значение выражаемой реалии. Эти образы и ассоциации способствуют формированию возвышенной или заниженной оценки в восприятии второго коммуниканта, что вызывает у него либо одобрение, либо порицание.

Преимущественно такое субъективное отношение автора метафоры прослеживается при выборе метафорических средств, которые несвойственны для этой национально-языковой картины (но характерны для художественного произведения). Например, в таджикском языке:

*«Чӣ танҳой, ки дар ҷоҳу ҷалоли хеш дилгирам,
Миёни чор девори баланду сахти тақдирам.
Нарав аз бар, нарав аз сар, нарав аз дил, ки мемирам,
Ба рӯзи сахту танҳой дилу дасти, кӣ мегирам?» (Г. Сафиева, 78);*

*«Рӯ-рӯи қулла рав, аз ҳок дил накан
Фарзанди хок ту, фарзанди хок ман.
Дар даҳр зиндагӣ ҳарчанд ҳиммат аст,
Бе ту чӣ зиндагист, эй ёри дилишкан?!
Аз ман хабар бигир!»* (Г. Сафиева, 23);

Или, например, в английском языке:

*«He knew ... that no Forsyte would be capable of watching his own daughter in actual want... Sooner or later he would have had to make them an allowance to keep the wolf from the door» (J. Galsworthy, The Forsyte saga, 207)
– Вай медонист.... ки ҳеҷ яке аз Форсайтҳо роҳ намедод, ки духтараи азоб кашад ... Дер ё зуд ӯ ба кӯмаки духтар омада, ӯро аз эҳтиёҷ наҷот медиҳад (Он знал.... что ни один из Форсайтов не мог допустить, чтобы его дочь нуждалась... Рано или поздно, но он придет ей на помощь и избавит от нужды);*

«It means, I suppose, you've got to on just as you are, missing opportunities that might never come, again, simply because we can't raise this money and keep

the wolf from the door till the dividends come in» (R. Greenwood, Mr. Bunting, 56) – Ин маънои онро дорад, ки шумо бояд коратонро давом диҳед ва имкониятеро, ки шумо ҳеҷ гоҳ тасаввур намекардед, аз даст диҳед. Ва танҳо аз сабаби он ки шумо барои гирифтани пул ҷои кор надоред, то гирифтани дивидендҳо оғоз кунед (Это значит, что вы должны по-прежнему заниматься своим делом, упустив случай, какого вам, быть может, никогда уже не представится. И только из-за того, что вам неоткуда взять денег и перебиться, пока не начнут поступать дивиденды).

Из приведённых примеров следует, что субъективный характер рождённой метафоры и новых концептов гармонирует с целями выбора. Когда автор в процессе метафоризации преследует эстетические цели, автор или лирический герой становятся источниками субъективной модальности. В случае, когда метафора носит индикативный характер, субъективность выбора диктуется необходимостью отождествления адресатом обозначаемого субъекта, соответственно выбор вспомогательных средств больше зависит от знаний, чем от воображения (*даҳони кӯза – mouth of a bottle (горлышко кувшина), даҳони халта – hole/ orifice of the bag (отверстие мешка), дандони курсӣ – root tooth/ molar(коренной зуб)* и т. п.

При формировании концептуальных метафор субъективное отношение может быть сбалансировано контекстом той сферы, из которой сформировано данное понятие (например, в таджикском языке *мавҷи Сикандар - army of Alexander the Great (войско Александра Македонского)*). В случае присутствия оценочной функции знание о ценностной значимости обозначаемого может быть нейтрализовано субъективным отношением (сравним метафоры типа *ақли тез – insightful mind (проницательный ум); зеҳни мустаҳакам - a mind like a steel trap (целкий ум), забони тез – sharp tongue (острый язык); забон бар гизоф кушодан – talk obscenity (говорить непристойности); have one's tongue in one's cheek – масхараомез,*

масхараомезона сухан кардан (говорить неискренне, иронически, насмешливо, издевательски).

Приведем примеры из художественной литературы:

«Ончунон бояд, ончунон шояд,

Кас забон бар гизоф накшояд» (Низомӣ, 67);

«*I believe what I believe' retorted the porter, putting his tongue into his cheek with a most roguish air*» (R. Stevenson, *New Arabian Nights*, 78) – Ман ба он чизе ки боварӣ дорам, боварӣ дорам, ҷавоб дод дарбон бо афту намуди тамасхуромез (Я верю в то, во что верю, - ответил швейцар с насмешливым плутовским видом);

«*Half an hour is surely enough, Lord Rosebery had said... time to sip a glass of sherry and nibble a biscuit. So the tale... sounded too perfectly aristocratic you felt the follow must have had his tongue in his cheek*» (J. Lindsay, *A Local Habitation*, 34) – Ним дақиқа барои нӯшидан аз як пиёла херес ва як кулчақанд кифоя аст, - гуфт Лорд Розбери Ин калимаҳои лорд чунон аширофона гуфта шуданд, ки дар онҳо тамасхурро низ ҳис кардан мумкин буд (Пол минуты вполне достаточно, чтобы выпить рюмку хереса и съесть бисквит, - сказа лорд Розбери.... Эти слова лорда были исполнены такого истового аристократизма, что в них могла почудиться и насмешка).

В случаях, когда метафоры отличаются своим эмотивным характером, в них субъективное отношение не вуалируется, а напротив, весь процесс метафоризации направлен именно на его экспликацию. При этом слушатель или читатель точно воспринимает концептуальную суть метафоры, вплоть до фиксирования общего признака или состояния. Сравним обычное для словарей толкование метафорических наименований типа *тӯда*, *издиҳом* (толпа прост., пренебр) – о неорганизованной толпе, о людях, которые слепо, без рассуждений идут за кем-л. (РТС, 1985, 1061); или в английском языке: *follow smb. like sheep* – следовать за кем-либо как стадо баранов, слепо следовать за кем-либо:

«I shall resign, thought Soames. But what about Winifred, and Imogen, and some of the Rogers and Nicholases who had been putting money into this thing because he was a director? He wished they wouldn't follow him like a lot of sheep» (J. Galsworthy, *The White Monkey*, 78) – *Ман ба истеъфо меравам – фикр кард Сомс. Аммо дар бораи Уинифрид, Имочен, писарони Рочер ва Николас, ки ин тиҷоратро сармоягузорӣ карда буданд, чӣ гуфтан мумкин аст, зеро ӯ дар он ҷо директор буд? Ва онҳо ба мисли як галаи гӯсфандон аз паи ӯ мераванд* (Поддам в отставку, - подума Сомс. Но как быть с Уинифрид, с Имоджен, с сыновьями Роджера и Николаса, которые вложили деньги в это дело, потому что он был там директором? И что они ходят за ним как стадо баранов).

Таким образом, антропометричный характер выбора вспомогательных для метафоризации средств придаёт ей субъективный характер, по-разному проявляющийся в разных по своей функциональности типах метафор. Этот выбор может зависеть от направленности метафоризации на объективное или субъективное отображение мира. Следовательно, антропометричный характер выбора вспомогательных средств служит одним из самых эффективных механизмов в построении языковой картины мира.

Таким образом, когнитивный подход к исследованию метафоры, особо следует подчеркнуть теории Лакоффа-Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980, 6], играет важную роль в понимании сущности метафоры не только как языкового феномена, но и как когнитивного механизма. Благодаря данному подходу стало возможным объяснить не только метафоричность мышления, но и универсальность метафоры в различных мировых культурах, а также связь метафор с языковой картиной мира отдельного языкового коллектива.

Теория метафоры с когнитивной точки зрения является одним из приоритетных посылов для проведения более глубоких исследований метафоры, что нами осуществлено на материале развернутых текстов из английского и таджикского языков, о чём мы более подробно остановимся во второй главе нашего диссертационного исследования.

Выводы по первой главе:

Если представители древней риторики, главным образом, рассматривали метафору как «орнамент», то современные исследователи концентрируют свое внимание на метафоре как на одном из путей познавательного осмысления мира и анализируют эмоциональную специфику ее влияния. Здесь выдвигается другая точка зрения, что на природе метафоры используется не только символы в речи или на письме, но также думаем данными символами. Метафора представляет собой один из самых действенных способов призыва значения на уровне лексики, синтаксиса и морфем языка. Не принимая во внимание человеческий фактор, нельзя с помощью ни одной теории получить ответ на вопрос о том, по какой причине мы думаем о чувствах и пытаемся образно отобразить их. Если человек может смеяться и этим отличается от других живых существ, то его метафорическое мышление является ещё более удивительным фактором, отличающим его.

Одной из основных задач современной лингвистики является создание такого представления о метафоре, в котором отражались бы разные ее свойства, рассматриваемые с разных «точек зрения», но в единстве взаимодействия сознания, действительности и языка. Неизбежное для любого анализа расщепление целого на части должно синтезироваться совокупным отображением механизмов устройства и функционирование, как самого метафорического процесса, так и его результатов в тексте. Так, как связывающим звеном является ром самой метафоры. Её функциональная зависимость от содержания текста, с одной стороны, а с другой – текстообразующая функция самой метафоры, её роль в когнитивной организации текста.

Метафора – это свернутое сравнение. Сравнение и метафора представляют собой совершенно разные способы «подобия». Они

рассматриваются как структуры, состоящие из трех компонентов (трехчленная структура)

Следует заметить, если двусторонняя метафора способна сохранить выразительность на максимальном уровне, то в односторонней метафоре выразительность стирается, при этом ономаσιологическая зачастую хранит единую эмоциональную выразительность; семасиологическая зачастую делается «безжизненной». Общеизвестно, что язык представляет собой кладбище «мертвых» метафор. В метафорической модели особенно наглядно выражается соотношение общего и специфического в языке. При анализе типов метафоры необходимо отличать переносы единых смысловых категорий и переносы отдельных лексических единиц.

Для современной науки метафора не только риторическое средство, а орудие познания процессов мышления и создание языковой картины мира. Метафора возникает в результате глубинных особенностей человеческого мышления. Данная позиция подтверждает идеи связи языка и мышления «язык» мышление генетически связаны: два феномена, опираясь друг на друга, находятся в постоянном взаимодействии.

В исследовании метафоры особая роль принадлежит когнитивной лингвистике, что имеет огромное значение в процессе осмысления сущности метафоры как лингвистического явления и как когнитивного механизма. Благодаря данному подходу стало возможным объяснить не только метафоричность мышления, но и универсальность метафоры в различных мировых культурах, а также связь метафор с языковой картиной мира и отдельного языкового коллектива.

В английском и таджикском языках метафора по своей структуре является логико-семантическим выражением определяемого и определяющего предмета или явления, что в работе условно выражено с помощью формулы «А равняется В». При отображении этой структуры в контексте проявляется поверхностная структура метафоры.

С семантической точки зрения функциональность метафоры обусловлена переносом значения на предмет или явление по аналогии с рядом признаков определяемого предмета или явления. Как правило, сюда входят типичные, стандартные свойства, с помощью которых формируется образно-ассоциативный комплекс или система общих для языкового коллектива ассоциаций, реалий.

В прагматическом аспекте метафора представляет собой скрытое значение, смысл усложнения, поэтому она включает стратегию, направленную на передачу прагматического содержания.

В когнитивистике употребление метафоры служит в качестве инструмента осознания. В сравниваемых языках метафоры выполняют роль основных метафорических концептов мысли человека, которые между собой устанавливают связи в понятийной сфере.

Как правило, метафора и контекст тесно взаимосвязаны. Если контекст играет роль фактора, определяющего осознание и метафорические интерпретации, то в роль метафоры входит формирование самого контекста среди других элементов этого текста, что оказывает влияние на их интерпретационные особенности.

Метафора является мощным средством воздействия. Воздействие на мыслительную и эмоциональную сферы адресата обеспечивается реализацией таких функций метафоры, как экспрессивно-оценочная, моделирующая и характеризующая.

В наше время контекст исследуется с точки зрения его коммуникативных особенностей, которые раскрывают специфику текста как отрезка речи. Для такого текста характерна смысловая и структурная взаимосвязь, целостный и завершённый характер. С этой целью лингвистами изучаются три особенности текста: структура языка, его значение и прагматические особенности.

Специфика метафорических выражений в сопоставляемых языках состоит в том, что в качестве структуры, состоящей из двух компонентов (А и В), в общем значении В в различных языках могут присутствовать и выделяться разные «подзначения»: В1, В2, В3 и др. Кроме того, наряду с переносом компонента В в другие области понятий могут быть добавлены и дополнительные переносы, такие как А - С, и др.

В каждом из рассматриваемых языков общие переносы получают специфическую интерпретацию. Различные переносные значения могут дополнительно получить и другие особые значения, которые отсутствуют в других языках. Все вышеизложенные положения свидетельствуют о наличии в метафорических переносах определённых соотношений между частным и общим значениями. Общность состоит в том, что слово А в некоторых языках может получать метафорическое значение В.

ГЛАВА II. ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

2.1. Структурно-семантические особенности метафоры в тексте

Функция метафоры как средство текстообразования определяется ее участием в смысловой организации текста. В своем исследовании мы рассматриваем метафору в двух направлениях: в динамике и статике. В рамках первого направления мы исследуем развитие формирования смысла в метафорах, что будет нами выявлено на фоне анализа функционально-семантических свойств метафорических элементов в тексте с описанием прагматической и семантической характеристики данных выражений.

Следует заметить, что метафора органически связана с поэтическим текстом. Это внешнее наблюдение, несомненно, является ценным, но его следует проверять, как и любые наблюдения, связанные с символами. Прежде всего, символ редко соответствует лишь одному факту мысли; и факт мысли редко передается только одним символом. Во-вторых, так можно получить лишь схематичную и упрощенную картину нашей внутренней жизни, но если эта картина правдива, она позволяет угадать основные черты ума и характера, обусловленные наследственностью, средой и другими факторами. Усилия, требующие для интерпретации символов, приводят к тому, что эти характеристики предстают под интеллектуальным углом зрения, а наша суть интеллектуальным не ограничивается. Как отмечает Ш. Балли, но даже в таком виде они могут многое поведать нам о нас самих. Ведь мы постоянно поглощены безостановочным течением нашей жизни – внешней и психической, а потому глубинные, основные черты, составляющие наше существо не ускользают от нас. Наш характер управляет нашими действиями, а мы об этом и не подозреваем. Такова природа

наблюдения внутреннего и внешнего, таким образом, они могут взаимно дополнять друг друга» [Балли, 2003, 78].

Говоря о связи метафоры с поэзией, следует заметить, что исследования различаются, в зависимости от того исследуется ли родной или чужой язык. В первом случае слово предстает, с точки зрения говорящего, - как средство воздействия и средство выражения, а с точки зрения слушающего, - как источник впечатлений и реакций. Совершенно иные результаты имеют исследования, посвященные иностранному языку. Не говоря уже о том, что сравнение двух языков всегда несколько искусственно, выводы, сделанные на основании такого исследования, обычно имеет общий и абстрактный характер. Характеристики, которые оно позволяет выявить, могут быть достаточно точными, однако они отличаются скорее, широтой, чем глубиной.

Таким образом, открытия, сделанные на чужом материале, сколь бы ценными они ни были, нуждаются в дополнении путем субъективного наблюдения. Увиденные только извне, эти черты рискуют обрести, именно вследствие своего общего обобщающего характера, чисто рассудочную ценность, а ведь то, что принадлежит естественному языку, не может быть полностью и исключительно интеллектуальным.

Возникает вопрос: по каким причинам поэзия столь сильно зависит от метафоричности выражения? На наш взгляд, это, прежде всего, связано с тем, что в поэзии автор исходит от обычного мировидения, и не может мыслить терминами широкого масштаба. Об этом известный испанский поэт Гарсиа Лорка, в творчестве которого мы обнаруживаем преобладание над поэзией, говорит следующее: «Все, что угодно, – лишь бы, не смотреть неподвижно в одно и то же окно на одну и ту же картину. Светоч поэта – противоборство» [Ричардс, 1990, 67]. Другой исследователь констатирует: «Когда прибегают к старому слову, то оно часто устремляется по каналу рассудка, вырытому букварем, метафора же прорывает себе новый канал, а

порой пробивается напролом» [Лотман, 1992, 120]. Метафоричность свойственна для диалога, который в поэзии выражается в форме ответа, реакции, отклика, а зачастую и возражения:

*«For shame deny that thou bear'st love to any,
Who for thyself art so improvident.*

Grant, if thou wilt, thou art beloved of many,

But that thou none lovest is most evident;

For thou art so possess'd with murderous hate

That 'gainst thyself thou stick'st not to conspire.

Seeking that beauteous roof to ruinate

Which to repair should be thy chief desire.

O, change thy thought, that I may change my mind!

Shall hate be fairer lodged than gentle love?

Be, as thy presence is, gracious and kind,

Or to thyself at least kind-hearted prove:

Make thee another self, for love of me,

That beauty still may live in thine or thee» (Sonnet 10, William Shakespeare)

Нагӯй, ки ту дигаронро дӯст медорӣ.

Вақте, ки ту худро чунон бераҳмона нобуд мекунӣ:

Мумкин аст, ки ту азизтарини бисёриҳо бошӣ.

Дӯстон, аммо худатон касеро дӯст намедоред.

Ту нисбати худ чунон бераҳм, чунон бад ҷаҳл ҳастӣ,

Ки ҳатто ба худат даст боло мекунӣ.

Ва мехоҳӣ паноҳгоҳи ганҷҳоеро,

ки дар худ ниҳон сохтаӣ, дар хок андозӣ.

Оҳ, тағйир деҳ худро, ки ман ақидаи худро тағйир диҳам!

Ғазаб набояд аз муҳаббат боҳашаматтар зиндагӣ кунад!

Ба мисли чехраат меҳрубон, азиз ва пур аз меҳр бош.

Ва ба худат раҳм кун:

Ба асли худ баргард. Ва аз рӯи муҳаббат ба ман

Барои наслҳои оянда бори дигар гулҳои баҳори худро таҳдим намо.

(Не говори, что любишь ты других,

Когда ты сам себя так злобно губишь:

Пусть ты любимец множества твоих

Друзей, но сам ты никого не любишь.

Ты так жесток к себе, так страшно лют,

Что на себя же руку поднимаешь

И хочешь в прах стереть приют

Сокровища, которым обладаешь.

О, изменись, чтоб изменил я мненье!

Не гневу жить роскошнее любви!

Будь, как твой вид, мил, полон снисхожденья

И сам к себе участие прояви:

Стань сам собой. И из любви ко мне

В потомстве дай вновь цвести своей весне) (перевод М. Чайковского).

Как видно из данных примеров, метафора включает в себя антонимические выразительные средства – в этом и заключается привлекательность ее использования в поэтической литературе. «Правда извлекается метафорой из неправды. Именно она превращает любое ложное суждение в истинное [Бирдсли, 1990, 90].

Метафора противопоставляет объективную действительность, разрушающая иерархию классов, и способна создавать подобие между предметами [Уилрайт, 1990, 85]

В лингвистической литературе выделяют два вида метафоры: **сухие**

метафоры – это метафоры, в которых художественный образ отсутствует, они просто называют предмет: например, в английском языке: *eye level* – сатҳи чаши (уровень глаз;) *sandy eye* – чизе зебо, чаширас (нечто симпатичное, привлекательное глазу):

«*Position the camera slightly above **eye level** of the subject*» (Story, Derrick, Digital Photography Hacks, 34) – Камера бояд каме болотар аз чашии объект бошад. (Камера должна находиться на уровне чуть выше глаз объекта);

«*She'd leaned forward so that her chin was resting on her hands and her eyes were **level** with his*» (Brooks, Terry, Running with the demon, 78) – Вай ба пешаи така карда, бо дастонаи манаҳашро дошт; чашиони вай акнун бо чашиони ӯ дар як сатҳ буданд (Она склонилась к нему, подперев руками подбородок; ее глаза теперь были на одном уровне с его глазами).

«*This is a great, comprehensive, encompassing game with enough **eye candy** to make anyone happy*» – Ин бози аҷиб, муфассал ва ҳаяҷонбахш аст, ки дар он миқдори кофӣ унсурҳои зебо барои хурсанд кардани ҳама мавҷуданд (Это замечательная, детально проработанная, захватывающая игра, в которой достаточно красиво сделанных элементов, чтобы все остались довольны).

Или в таджикском языке: *ғӯзаи чаши* – *eyeball* (глазное яблоко), *пои курсӣ* – *chair legs* (ножки стула).

Развернутые метафоры (одна метафора влечет за собой новые, связанные с нею по смыслу): например, в английском языке:

«*From fairest creatures we desire increase,
That thereby **rose's beauty** might **never die**,
But as the riper should by time decease,
His tender heir might **bear his memory**:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed's thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,*

Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.

Thou that art now the world's fresh ornament

*And only herald to **the gaudy spring,***

Within thine own bud buriest thy content

And, tender churl, makest waste in niggarding.

Pity the world, or else this glutton be,

To eat the world's due, by the grave and thee» (W. Shakespeare, Sonnet 1).

Мо аз ҳамаи офаридаҳо насл интизорем,

То ки гули зебо пажмурда нашавад.

Бинобар ин, ки шумо камолоти рӯҳонӣ дошта бошед, пас,

Ворисон идома медоданд.

Аммо шумо ба чашмони худ часпидаед,

Оташиро дар ихтиёри худатон гузоред.

Ва он ҷое ки фарбеҳӣ ҳаст, гуруснагии худро шикастед,

Бо аъмоли худам худро бад мебинам.

Ҳоло шумо тару тоза ва зебо ҳастед,

Баҳори хушбахтонаи паёмбар.

Худро дар худ гӯр мекунад,

Аз беҳурматӣ шумо камбизоат мешавед, бадбахт меҳрубон аст.

Ҷаҳонро раҳо карда, дуздӣ накунад,

Ва шумо ба ӯ қадр медиҳед.

(От всех творений мы потомства ждем,

Чтоб роза красоты не увядала,

Чтобы, налившись зрелостью, потом,

В наследниках себя бы продолжала.

Но ты привязан к собственным глазам,

Собой самим свое питаешь пламя,

И там, где тук, ты голод сделал сам,

Вредя себе своими же делами.

Теперь еще и свеж ты и красив,

Весны веселой вестник безмятежный.

Но сам себя в себе похоронив,

От скупости беднеешь, скряга нежный.

Жалея мир, грабителем не стань

И должную ему отдай ты дань) (перевод А. Финкеля).

Далее приведем примеры на материале таджикского языка:

«Ерӣ расонидан ба деҳқонон шодии ширине дорад. Имрӯз ин шодии ширин дар дили ӯ ба андӯҳи талх табдил ефт» (Ш. Мӯсо, қиссаи баҳорӣ) – *Helping the poor was a sweet joy for him, but today this joy has become sad for him* (Помочь беднякам было для него “сладкой радостью”, но сегодня эта радость для него стала грустью).

Как было указано выше, объектом исследования в данной главы является развернутая метафора на материале английского и таджикского языков. Согласно точке зрения И.В. Арнольд, развернутая метафора – это метафора, состоящая из простых метафор, которые создают единый образ [Арнольд, 1999, 77 – 78]. Следует заметить, что несмотря на огромное количество работ, посвященных анализу метафор, данный вид метафоры остается малоизученным. В своей работе мы попытались определить суть и структуру развернутой метафоры в сопоставительном аспекте.

В основе нашего исследования лежит когнитивная теория метафоры, изложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Джонсон, Лакофф, 1999].

В восприятии большей части людей метафора является выразительным и сильнодействующим с поэтической и риторической точек зрения средством, которое представляется необычным в языковом отношении, и реже встречается в повседневной обыденной речи. При этом метафора зачастую оценивается как атрибут природного языка, относящегося к области слов, а не к мышлению. В противовес данному обыденному мнению

западные лингвисты считают, что метафора проходит красной линией через всю нашу жизнь, она украшает собой не только наш язык, но и мышление. В частности, Дж.Лакофф и М. Джонсон пишут: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути. Понятия, управляющие нашим мышлением, вовсе не замыкаются в сфере интеллекта. Они управляют также нашей повседневной деятельностью, включая самые обыденные, земные ее детали. Наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если мы правы в своем предположении, что наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой» [Лакофф, Джонсон, 1999, 386].

Учёные убеждены, что мы не всегда осознаём систему понятий: «В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Что представляют собой эти схемы, для нас совсем не очевидно» [Лакофф, Джонсон, 1999, 387]. Согласно многим лингвистам, их можно выявить, обратившись к исследованию естественного языка. Общеизвестно, что любой язык базируется на понятийной системе. Здесь нельзя не согласиться с Л.С. Выготским, который при формировании и развитии понятий во главу угла всегда ставил функциональность слов и знаков. Учёный заостряет внимание на «сигнификативной структуре» знаков, которая по его мнению не полностью соответствует ассоциативной структуре элементарных процессов. В связи с этим, учёный выдвигает мнение, согласно которому «развитие от низшего к высшему не идет путем количественного нарастания связей, но совершается путем качественных новообразований» [Выготский, 1982, 153]. Далее учёный приходит к следующему выводу: «Речь, являющаяся одним из

основных моментов в построении высших форм интеллектуальной деятельности, включается не ассоциативно – как параллельно протекающая функция, а функционально – как разумно используемое средство» [Выготский, 1982, 153], что совпадает с мнением Лакоффа и Джонсона о том, что «Язык способствует получению доступа к метафоре, которая формирует наше сознание» [Лакофф, Джонсон, 1999, 389].

Так же, как и когнитивная метафора, существующая в нашем мышлении – представляет собой источник различных метафорических воспроизведений, существует также метафора, которую, придерживаясь позиции Дж. Лакоффа и М. Джонсона будем считать ядерной. Данная метафора также функционирует в разных видах дискурса не только самостоятельно, но в разных своих вариациях. Эту метафору мы рассматриваем как развернутую.

Функционирование ядерной метафоры в дискурсе – и есть развернутая метафора. Ядерная метафора, как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, имеют вид субстантивной метафоры, которая отражает логико-семантическую структуру метафоры и выражается формулой **А** – это **В**.

Далее поясним понятие «субстантивная метафора». Это понятие по своей форме является таксономическим. С помощью субстантивной метафоры осуществляется акт специфической предикации: материальное уходит на задний план, а признаки образа оставляются. Метафоричное высказывание способствует отделению правды от неправды, она может выделять признаки предмета, трансформировать предметы в значения. Например, в романе С. Айни «Воспоминания», когда автор устами своего героя говорит: *«Инҳо гургзода буданд, гург шуданд, чунки «оқибат гургзода гург шавад» - гуфтаанд. Мақсади падарам маълум буд: мақсади ӯ танқид кардани Мулло Бобоҷон набуд, чунки ӯ бо сабаби қашшоқӣ имконияти дар мадраса истиқомат кардан надошт, асли мақсадаш сахт задани дигарон буд, ки онҳо, бо вучуди имконият, хонданро партофта, дар деҳот баромада*

имом шуда дуданд». – *They were wolves, they become wolves become they said: «Over time, the wolf will become a wolf.» My father's goal was clear: he was not going to criticize Mullah Bobojon because he could not afford to live in a madrassah because of his poverty (Они были волками, они стали волками, потому что говорится: «Со временем волчонок станет волком». Цель моего отца была ясна: он не собирался критиковать Мулло Бободжона, потому что он не мог позволить себе жить в медресе из-за своей бедности.)* применение метафоры не служит цели расширения класса «гургҳо» – *wolves* (волки) путём вставки слова «Мулло Бобочон» – *Mullah Bobojon* (Мулло Бободжон) а также сужения класса «имомҳо» – *imams* (имамы), путём исключения из него «Мулло Бобочон» – *Mullah Bobojon* (Мулло Бободжон). С использованием метафоры достигается цель нахождения в слове «имомҳо» - *imams* (имамов) такого признака, который порождает общность со словом «гургҳо» – *wolves* (волки). Это наглядно показывает, что с помощью субстантивной метафоры дана характеристика предмета. При этом, данная метафора не полностью отделилась от таксономического способа мышления, который предполагает, что объект можно включить лишь в определённый класс. Хотя известно, что характеристика предметов подразумевает и множественное описание, то есть может выделить неограниченный набор признаков. Для метафоры характерно соблюдение принципа единичности, при выводе на поверхность сущности предмета метафора не приемлет плюрализма [Бирдсли, 1990, 201]. Отсюда мы приходим к выводу о том, что полноценная метафора включает комплекс основных признаков объекта. Полноценная метафора проявляется в дискуссионном плане, ей не свойственно однообразие. Например, рассмотрим следующие метафоры в английском языке:

*«Lo in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,*

*Serving with looks his sacred majesty,
**And having climbed the steep-up heavenly hill,
 Resembling strong youth in his middle age,**
 Yet mortal looks adore his beauty still,
 Attending on his golden pilgrimage:
**But when from highmost pitch with weary car,
 Like feeble age he reeleth from the day,
 The eyes (fore duteous) now converted are
 From his low tract and look another way:**
 So thou, thy self out-going in thy noon:*

Unlooked on diest unless thou get a son». (W. Shakespeare, Sonnet 7. Lo in the orient when the gracious light) –

*Нигоҳ кун: офтоб чашмонатро навозиш карда,
 аз бистари хоби ноз бармехезад.
 Дар он соат ҳама дар рӯи замин ҳамду сано мехонанд
 Ба бузургии муқаддаси ӯ.
 Вақте ки он ба осмон нишеб мегардад
**Бошитоб, ҳамчун ҷавони баркамол, ба сӯйи ариш,
 Ҳар як нигоҳ аз зебогии он мафтун мешавад.
 Ва роҳи тиллоии ӯро бо наззора гусел мекунад.
 Аммо дар соате ки ӯ роҳро тай намуда,
 Домани рӯзро пора карда, ба гуруб гарқ мешавад,
 Ҳеч кас ба вай нигоҳ кардан намехоҳад.
 Ва рӯйи худроба қафо бармегардонад.
 Ту низ, қангоме ки писарат туро иваз намекунад,
 аз нимрӯзи худ гузашта, танҳо мемури.***

*(Ты посмотри: когда, лаская глаз,
 Встает светило с ложа своего,*

*Все на земле поют хвалу в тот час
 Священному величию его.
 Когда ж оно небесной крутизной
Спешит, как юность зрелая, в зенит,
То каждый взор, пленен его красой,
 За золотым путем его следит.
 Но в час, когда оно, закончив путь,
Расставшись с днем, свергается в закат,
Никто не хочет на него взглянуть,
 И обращен небрежный взор назад.
 И ты, когда тебя не сменит сын,*

Свой полдень пережив, умрешь один) (Сонет 7 в переводе Александра Финкеля).

При выборе метафоры среди других метафор основополагающее значение имеет поиск её сущностного значения. Авторы вольны в соблюдении «принципа единичности» и могут спокойно использовать метафору в текстах с эмотивным оттенком.

Следует также заметить, что в случае вербализации обеих ее компонентов, ядерная метафора может быть непосредственно представлена в тексте, однако, это не является обязательным.

Вышеизложенное, проиллюстрируем примерами из текстов английского и таджикского языков.

*«When forty winters shall beseige thy brow,
 And dig deep trenches in thy beauty's field,
 Thy youth's proud livery, so gazed on now,
 Will be a tatter'd weed, of small worth held:
 Then being ask'd **where all thy beauty lies,**
 Where all the treasure of thy lusty days;
 To say, within thine own deep-sunken eyes,*

Were an all-eating shame and thriftless praise.

How much more praise deserved thy beauty's use,

If thou couldst answer 'This fair child of mine

Shall sum my count and make my old excuse,'

Proving his beauty by succession thine!

This were to be new made when thou art old,

And see thy blood warm when thou feel'st it cold » (W. Shakespeare,

Sonnet 2) –

Вақте ки нӯсти туро бо пайи чуқури худ

Нишонҳои чил зимистон хат мекашанд,

Ки либоси шоҳонаатро ба ёд меорад?

Ва аз либоси ҷандаи ту нафрат мекунад?

Ва ба саволи: Он боқимондаҳои зебогии пештарат кучо шудаанд?

Чӣ мегӯӣ? Дар умқи чашмони мурда?

Аммо ҷавоби ту масхараи бад хоҳад буд.

Суханҳои зерин сазовортаранд:

"Шумо ба фарзандони ман нигоҳ кунед.

Таровати пешини ман дар онҷо зинда аст,

Онҳо синну соли маро сафед мекунанд. "

Бигзор хуни дар тӯли солҳо хунукишуда

Дар вориси шумо боз сӯзон бошад!

(Когда твое чело избороздят

Глубокими следами сорок зим,

Кто будет помнить царственный наряд,

Гнушаясь жалким рубищем твоим?

И на вопрос: "Где прячутся сейчас

Остатки красоты веселых лет?" -

Что скажешь ты? На дне угасших глаз?

Но злой насмешкой будет твой ответ.

Достойней прозвучали бы слова:

Вы посмотрите на моих детей.

Моя былая свежесть в них жива,

В них оправданье старости моей".

Пускай с годами стынущая кровь

В наследнике твоём пылает вновь!) (перевод Самуила Маршака).

В данном тексте языковая метафора – развернутая: «*where all thy beauty lies*» – *нишонаҳои зебоии собиқ кучоянд (где следы былой красоты)*, она введена в начале текста. Последующие строфы текста в развернутом виде указывают языковую метафору с помощью её элементов: «*This fair child of mine Shall sum thy count and make thy old excuse*» – *Шумо ба фарзандони ман нигоҳ кунед. Таровати пеишони ман дар онҳо зинда аст, пиришави манро онҳо сафед мекунад (Вы посмотрите на моих детей. Моя былая свежесть в них жива, В них оправданье старости моей).*

Следовательно, в данном тексте языковая метафора выражена эксплицитно (непосредственно), так как вербализованы оба ее компонента: обозначаемое и обозначающее.

Теперь рассмотрим текст на материале таджикского языка:

«Бишнава аз най чун ҳикоят мекунад,

Аз ҷудоӣҳо шикоят мекунад,

К-аз найистон то маро бибридаанд» (Ҷ. Румӣ, Маснави

Маънавӣ, 6)

Listen to the flute as she talk,

Complains of separation,

To-ftom, indeed, I was beheadad,

(Слушайте флейту, как она рассказывает,

Жалуется на разлуки,

Ведь меня добыли в камышах,)

- 1). *«Оё шумо садои мотами фалакро мешнавед?
Вай, мисли мо, аз ҷудошавӣ азият мкашад.
Чӣ гамгин аст, ӯ дар бораи чӣ суруд мехонад?
«Ман аз танам ҷудо шудаам.»»*

*Do you hear the flute mournful sound?
She, like us, suffers from separation.
What is sad, what is she singing about?
«I am separated from my trunk».*

*(Вы слышите свирели скорбный звук?
Она, как мы, страдает от разлук.
О чем грустит, о чем поёт она?
«Я со своим стволом разлучена»)* (перевод Н. Гребнева);

- 2). *«Аз нафирам марду зан нолидаанд,
Сина хоҳам шарҳа-шарҳа аз фироқ.
То бигӯям шарҳи дарди иштиёқ.
Ҳар кас, к-ӯ дар гаит аз асли хеш,
Боз ҷӯяд рӯзгори васли хеш»* (Ҷ. Румӣ, Маснавии Маънавӣ, 6)

*(Не потому ль вы плачете от боли,
Заслышав песню о моей доле.
Я – сопечальница всех, кто вдали
От корня своего, своей земли.
Я принимаю в судьбах тех участие,
Кто счастье знал, и тех, кто знал несчастье,*

Я потому, наверное близка

Тем, в чьей душе и горе и тоска) (перевод Н. Гребнева).

Как показал анализ фактического материала, ядерная метафора, эксплицитно представленная в тексте, наиболее продуктивной является в таджикском языке. Так как в текстах таджикско-персидской поэзии можно встретить огромное количество выражений без пояснений и комментария, такие выражения могут трактоваться как метафорические описания действительности или как реалистичное описание необычных явлений, фантазий и ощущений. При этом поэтический характер метафорических описаний совпадает с поэтическим характером описания действительности. Применение того или другого метода описаний продиктовано стилистическими особенностями языка автора, спецификой литературной школы и направления, к которому относится тот или иной поэт, а также требованиями поэтического искусства. Дополнительный характер способа понимания поэтических произведений, и в соответствии с этим дополнительного характера их смысла требует новых исследований в области теории и истории языкознания.

В результате анализа языкового материала, нами было установлено, что ядерная метафора может не быть эксплицитно представленной в тексте. Такая ядерная метафора наиболее продуктивной является в английском языке и менее продуктивной в таджикском.

В таких случаях экспликация ядерной метафоры аналогична когнитивной метафоры: то есть она восстанавливается в тексте при помощи ее языковых репрезентаций.

Например, в следующем тексте на материале английского языка приводится лишь один элемент ядра метафоры: *«He dabbed at his tuxedo with a damp rag, and the fungi came away easily. «Hate to do this, Bill» he said of the fungi he was murdering. Fungi have as much right to life as I do. They know what they want, Bill. Damned if I do anymore».* (K. Vonnegut, Breakfast of Champions,

67) – *Ū ба смокинг бо латтаи нам расид ва занбӯруғҳо зуд баромада рафтанд. «Ман ба ин кор нафрат дорам, Билл», - гуфт ū дар бораи занбӯруғҳое, ки мекушит. «Занбӯруғҳо ба монанди ман ҳаққи зистан доранд. Онҳо медонанд, ки чӣ мехоҳанд, Билл. Лаънат, агар ман боз ин корро кунам. (Он коснулся смокинга влажной тряпкой, и «грибы» быстро ушли. «Ненавижу это делать, Билл», - сказал он о грибах, которых он убивал. “Грибы имеют такое же право на жизнь, как и я. Они знают, чего хотят, Билл. Проклятье, если я еще раз это сделаю).*

В тексте ядерная метафора *«Fungi are men»* - *занбӯруғҳо ҳамчун одамон (грибы как люди)* подвергнута экспликации. Слово *«men»* – *мард (человек)* анализируется на основе других метафорических элементов. Лексемы *«know, want»* – *донистан, хостан (знать, хотеть)* и словосочетание *«to have right to life»* – *ҳуқуқи зистан доранд (имеют право жить)* обозначают свойства, ассоциирующиеся с личностью человека. Конструкция сравнения *«as much as I do»* – *ҳамон қадар чи тавре ки кор карда истодаам (столько как я делаю)* и сравнение героем себя с плесенью доказывает правильный выбор определения. Соответственно, ядро метафоры *«Fungi are men»* - *занбӯруғҳо мардона (мужские грибы)* является классическим примером для персонификации событий и явлений.

Интересно заметить, что в ходе работы над фактическим материалом, нами был выявлен интересный факт: явление персонификации практически пронизывает всю таджикско-персидскую литературу.

Приведем примеры:

В частности, в «Шахнаме» А. Фирдоуси лексическая единица *«наҳанг»* – *whale (кит)* используется для характеристики кровожадных и жестоких персонажей. Например, в следующем двустишии слово *наҳанг* применяется в отношении к Афрасиабу, который жестоко убивает пленного иранского царя Нузара:

«Барошuftу гуфто, ки: «Нӯзар кучост

К-аз ӯ Виса хоҳад ҳаме кин хост»....

Бибастанд бозуи бар сони санг,

Кашидандаи аз ҷой пешина ҷанг”...

Бизад гардани Нӯзари шаҳриёр,

Танаширо ба хок андарафканд хор» (Фирдоуси, 1, 426).

He raged and said: «where is Nuzar

Wisa who was seeking vengeance upon him»....

He was tied like a stony knot

Dragging him from his place ... "

He cut off the neck of Nozar king,

His body was thrown out on the ground.

(Вскипел и сказал: «Где этот Нузар?

Виса хочет отомстить ему»....

Словно камнем связали ему руки,

Оттащили его с места»...

Ударил в шею Назара ҷиря.

Бросил его истерзанное тело на землю.)

Следует также заметить, что в “Шахнаме” наблюдается использование лексической единицы «**наҳанг**» – *whale (kum)* и по отношению тех образов, к которым А. Фирдоуси проявляет симпатию, даже если этот витязь представляет туранцев. В данной функции выступает метафорическое выражение «**диловар наҳанг**» - *brave whale (храбрый кит)* которое характеризует *ростқавлӣ, кушода будан – honest, openness (честность, открытость)* героев:

« На мардӣ бувад чора ҷустан ба ҷанг,

Нарафтӣ ба расми диловар наҳанг» (2,138);

« Пазируфт ҳамла диловар наҳанг,

Даромад яке теги ҳиндӣ ба ҷанг» (2, 183).

“It isn’t courage to solve a problem through fighting.

A brave whale won’t be defeated” (2,138);

Agreed the brave whale attacking,

Entered an Indian sword to the fight

(Негоже мужчине искать пути отступления в битве.

Как рыба нельзя ускользать от сражения;

(Принимая бой смелый кит,

Пустил в дело индийский клинок).

В следующих двух бейтах метафорическое выражение «*уқоби диловар*» – *brave eagle* (отважный орел) используется для характеристики положительного героя:

«Бидаррид ҷангу дили шери нар,

Уқоби диловар бияфканд нар» (Фирдавсӣ, 2, 146)

Когтями разорвал сердце льва, отважный орёл расправил крылья

«Az он нас уқоби диловар ҷаҳор,

Биёварду бар тахт баст устувор» (Фирдавсӣ, 2, 160).

После этого привёл четырёх смелых орлов и воссел твёрдо на трон.

Выражение ядра метафор в приведенных текстах не отличается сложностью по той причине, что в приведённых выше примерах также наблюдается персонификация героя. Такой художественный приём с древнейших времён широко распространён как вид «когнитивных онтологических метафор» [Лакофф, Джонсон, 1999, 33-34].

Приведем еще несколько примеров на материале английского языка:

Далее проанализируем понятийную метафору «*argument is war*» – баҳс ҷанг аст (спор - это война). Подобная метафора представляет собой самые многочисленные выражения обычной речи «*argument is war*» – баҳс ҷанг аст (спор это война) «*That,*» said Lord Evandale, «*is an unanswerable **argument**, since it shows me that my residence here may be useful, even in my present disabled state.*»(Scott, Walter, *Old Mortality*) - «*That,*» said Lord Evandale, «*is an unanswerable **argument**, since it shows me that my residence here may be useful, even in my present disabled state.*»(Scott, Walter, *Old Mortality*)» - Ин, - гуфт лорд Эвендел, - як далелест, ки ман барои инкор кардани ҳақиқат надорам, зеро вай тарафдори он аст, ки дар қалъа монданам, ҳатто дар ҳолати ногуворе, ки ҳоло дарам, муфид аст. (Это, – сказал лорд Эвендел, – довод, против которого мне нечего возразить, так как он говорит в пользу того, что мое пребывание в замке, даже в таком беспомощном состоянии, как сейчас, может оказаться полезным); «*He emphasized, however, that the **argument** described above remains applicable, provided that an independent something picture is still a good first approximation*» (Ashcroft, Neil, Mermin, David, *Solid state physics*, 89) – Бо вуҷуди ин, вай қайд кард, ки фикрҳои дар боло тавсифшуда татбиқ мешаванд, агар дар наздикиавии аввал электронҳои мустақил не, балки чизи дигаре набошад. (Он подчеркнул, однако, что описанные выше рассуждения остаются применимыми, если в первом приближении считать независимыми не электроны, а что-то другое); «*In the case of LM, LJ, and LD, where there are no rules peculiar to the singular systems, this finishes the **argument***» (Curry, Haskell B. *Foundations of Mathematical Logic*, 45) – Дар мавриди LM, LJ, ва LD, ки дар онҳо қоидаҳои хоси системаҳои сингулярӣ мавҷуд нестанд, далел дар ин ҷо хотима меёбад. (В случае LM, LJ и LD, где нет правил, характерных для сингулярных систем, рассуждение на этом заканчивается); «*That's because an expert whose **argument** reeks of restraint or nuance often doesn't get much attention* (Levitt, Steven, Dubner, Stephen, *Freakonomics*): (A Rogue Economist Explores the

Hidden Side of Everything, 234) – Гар дар сари он аст, ки коршиносе, ки далелҳои нозуққиҳои гуногун доранд, аксар вақт диққати зиёдро ҷалб намекунад. (Дело в том, что эксперт, чьи аргументы имеют различные нюансы, часто не привлекает к себе большого внимания); «*Because the argument on each side is bogged in emotion and is barbed by the taxes which each must pay*» (*Denny, Ludwell, America conquers Britain, 89*) – Ҳамаи ин мулоҳизаҳо бо талхии хаими андозсупорандае, ки аз сунурдани пардохт хаста шудаанд, об мехуранд. (Все эти рассуждения питаются озлоблением налогоплательщика, который устал платить); «*The Warder bent toward her as if to listen, and there seemed to be a brief argument, a violent protest on his part, but after a moment the Aes Sedai reined Aldieb around and rode out of sight toward, the opposite slope*» (*Jordan, Robert, The Fires of Heaven, 90*); *Just to give yourself an argument in favor of this hair-brained scheme - didn't you?* (*Heinlein, Robert, The Rolling Stones, 67*) – Барои он, ки ҳангоми дифои кори бешууронаатон ба чизе такя кунед, дуруст аст? (Чтобы было на что опереться при защите своей безумной затеи, так?)

Интересно отметить, что используя термины войны, мы не просто спорим. В дискуссиях мы либо проигрываем, либо побеждаем. Лицо, дискутирующее с нами, мы рассматриваем как своего врага. Защищая свои собственные позиции, атакуем его. В дискуссиях мы можем «захватить территорию или потерять ее. Используя конкретную стратегию, планируем свои действия: «*attack, defense, counterattack*» - ҳамла, мудофия, муқобили ҳамла (атака, защита, контратака) и т. п. Этот смысл, как отмечают Дж. Лакофф, включает в себе метафору «спор – это война», которая принадлежит к числу тех метафор, которыми мы «живем» в нашей культуре: она упорядочивает те действия, которые мы совершаем в споре. Постараемся вообразить другую культуру, в которой споры не трактуются в терминах войны, в споре никто не выигрывает и не проигрывает, никто не говорит о наступлении или защите, о захвате или утрате территорий. Пусть в этой

воображаемой культуре спор трактуется как танец, партнеры – как исполнители, а цель состоит в гармоничном и красивом исполнении танца. В такой культуре люди будут рассматривать споры иначе, вести их иначе и говорить о них иначе. Мы же, по-видимому, соответствующие действия представителей этой культуры вообще не будем считать спорами: на наш взгляд, они будут делать нечто совсем другое. Нам покажется даже странным называть их «танцевальные» движения спором. Возможно, наиболее беспристрастно описать различие между данной воображаемой и нашей культурами можно так: в нашей культуре некая форма речевого общения трактуется в терминах сражения, а в той другой культуре – в терминах танца» [Лакофф, Джонсон, 1999, 389].

Отсюда напрашивается вывод, что благодаря метафоре сохраняется комплекс ассоциаций, зависящих от понятия, даже в том случае, если понятие будет вновь истолковано. При этом, главенствующую роль начинают играть такие элементы значения, которые до того были вне поля зрения, и эти элементы уводят в тень другие компоненты значения, которые уже не актуальны. В связи с этим, метафора становится средством, позволяющим объединить признаки разных семантических рядов, следовательно, и разные методы изображения и понимания явлений окружающей действительности.

Отличительные черты метафор, отображающих способы связи объектов, которые принадлежат к разным языковым рядам, в полном объеме можно обнаружить в структуре этих метафор, где обнаруживается включение языка в некий метаязык. При этом язык выступает в роли специальной подсистемы, в которой сохраняется относительное единство. Наряду с этим, в данном языке определяются законы существования в целом всей языковой системы. Отсюда, с большой долей уверенности можно утверждать, что в данном случае имеет место быть не столько обыденное отношение

конкретного языка с метаязыком, сколько некая особая взаимосвязь системы (для одного языка) с элементом (для другой языковой системы).

Если специфика данных взаимодействий не принимается во внимание, то это приводит к искажению, и даже уничтожению контекста «как если бы», что делает метафору ошибочной и усложняет сам факт осознания и в целом всей деятельности. Заведомая зависимость объединения разных элементов обуславливает приблизительность теоретических пояснений, которые строятся на основе метафоры. Отождествление нетождественного предполагает те же отношения, которые характерны для контекстов, создаваемых метафорическими выражениями.

«Именно это имеем мы в виду, когда говорим, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон, 1999, 399]. Поэтому каждый раз, когда речь идёт о метафорах типа «*dispute is war*» – *хонаи ман қалъаи ман аст* (мой дом – моя крепость) употребляемые метафоры необходимо осознавать в качестве метафорических понятий (концептов).

На основе приведенного иллюстративного материала, можно констатировать следующее: когнитивное учение о метафорах даёт возможность развернуто описать метафору, как применение некоего ядра метафоры в тексте. Такие метафоры по своей структуре тождественны двухкомпонентным логико-семантическим метафорам, складывающимся из нескольких элементов. Они отображают экспликацию ядра метафоры, которая не выражена в тексте в открытой форме.

2.2. Полевая структура метафоры: ракурс сопоставительного анализа

Из приведенного выше иллюстративного материала английского и таджикского языков следует, что развернутая метафора имеет как глубинную, так и поверхностную структуру.

Как было отмечено выше, логико-семантическая или глубинная структура метафоры репрезентирована (представлена) ядерной метафорой, задающей соотношение двум значениям, и по своей форме схожей с субстантивными метафорами. О структуре метафоры В.Телия высказывается следующим образом: “Поверхностная структура метафоры представлена частными лингвистическими выражениями ядерной метафоры в тексте. В основе анализа поверхностной структуры ядерной метафоры лежит теория Р. Уайта, который в текстах, содержащих метафору, выделяет как элементы собственно метафорические, так и элементы двойного толкования” [Телия, 1988, 78].

Следует заметить, что все языковые выражения ядерной метафоры в тексте могут быть представлены в виде семантического поля. Теория семантического поля возникла под влиянием идей И.Г. Гердера и В. Фон Гумбольдта; обычно она связывается с именем И. Трира [Трир, 1934, 56]. Основная ее идея состоит в том, что язык не отражает объективной реальности, а создает сам вполне самостоятельный образ реальности. Каждый язык по-своему строит действительность. В одном из своих научных трудов семантолог О.Ахманова описывает семантическое поле таким образом: «Семантическое поле – это компактный, внутренне спаянный отрезок словаря, элементы которого взаимно ограничивают друг друга и, подобно мозаике, покрывают данную «понятийную сферу» [Ахманова, 1987, 78]. Далее ученая продолжает: «Семантическое поле - это уникальная монолитная структура, управляемая своими собственными законами. В ней реализуется, раскрывается «картина мира» и «иерархия ценностей»,

специфическая как для разных языков, так и для одного и того же языка в разные периоды его развития [Ахманова, 1987, 78-79]. Следовательно, задача исследователя заключается в том, чтобы определить специфические для данного языка распределение, связь и взаимообусловленность значений.

Г.Н. Скляревская показала возможность использования полевого метода в исследованиях метафоры [Скляревская, 1993, 45]. В качестве примера автор рассматривает метафорическое поле «об – water (вода)». Узус является мерой разделения поля на центральную и периферическую части. В центральную часть входят наиболее популярные и часто употребляемые метафоры: «*an ocean of lights, a maelstrom of events, a drop of pity*» - *бахри чарог, гирдоби ҳодисаҳо, як қатра раҳм (океан огней, водоворот событий, капля жалости)* [Скляревская, 1993, 115]. К периферии поля относятся единичные сочетания: «*thin thought, abyss of high politics*» - *андешаи логар, вартаи сиёсати баланд (жиденькая мысль, пучина высокой политики)* [Скляревская, 1993, 117].

Из сказанного следует, что сопоставление развернутых метафор текста осуществляется на основе полевого метода. В нашем диссертационном исследовании мы под термином «метафорическое поле» подразумеваем комплекс элементов внешней структуры метафор. В семантическую часть данного поля входит ядро метафоры, а в центральную часть поля нами включены её частные выражения.

В тексте периферическая часть метафорического поля образуется из лексических единиц, способных одновременно быть и метафорическими, и буквальными, которые вслед за Р. Уайтом мы называем элементами двоякого толкования.

Уместно было бы заметить, что Р. Уайт к элементам двоякого толкования включает такие лексемы, которые напрямую описывают ситуацию, а также те, которые вводят метафорические сравнения. Считаем, что было бы целесообразно охватить анализом именно элементы двоякого

толкования, которые в метафорическом поле находятся в периферийном состоянии. В нашем понимании необходимо исследовать только такие элементы, которые обладают большим значением в осмыслении метафоры.

В качестве подтверждения сказанного приведём ряд примеров:

«*The room was blazing hot, he was all fire, he was all coldness; they sat in the middle of an empty desert with three chairs and him standing, swaying, and him waiting for Mrs. Phelps to stop straightening her dress hem and Mrs. Bowles to take her fingers away from her hair*» (Bradbury, Fahrenheit, 67). – *Хона фурӯзон буд, худи ӯ месӯхт, ҳама чиз хунук буд; онҳо дар мобайни биёбон ба се курсӣ менишастанд ва ӯ алвонӣ хӯрда меистод ва интизор буд, ки хонум Филиппс тоб додани домани куртаашро бас мекунад ва хонум Боулз ангуштонашро аз мӯйҳои ӯ мегирад. (Комната пылала, он сам горел, все было холодно; они сидели посреди пустыни с тремя стульями, и он стоял, покачиваясь, и ждал, когда миссис Филипс перестанет выпрямлять подол платья и миссис Боулз уберет свои пальцы от её волос).*

В данном контексте содержится развернутая метафора *room is desert* – *ҳучраи биёбон (комната пустыня)*. Согласно позиции Р. Уайта, элементами, буквально описывающими ситуацию, являются «*the room and chairs*» - *ҳучра ва курсиҳо (комната и стулья)*; элемент, который принадлежит только метафоре «*a desert*» – *биёбон (пустыня)*. Все остальные слова нами рассматриваются как элементы двоякого толкования. Существенным мы считаем лишь «*blazing hot* и *empty*» – *фурӯзони гарм ва холӣ (пылающий горячий и пустой)*, так как в данном случае указанные лексеммы являются признаками двух объектов метафоризации, что служит причиной для их сравнения. Другими словами, существенными считаются лишь элементы двоякого толкования, непосредственно относящиеся к объекту метафоризации. В процессе зарождения метафоры остальные элементы нам представляются нейтральными, поэтому мы не считаем необходимым включать их в метафорическое поле.

Далее рассмотрим примеры на материале таджикского языка:

*«Чу Ковус дар шаҳри Эрон расид,
Зи гарди синаҳ шуд **чаҳон нопадид.***

*Баромад ҳаме то ба хуршед ҷӯи,
Зану мард шуд пеши ӯ бо хурӯи.*

*Ҳама шаҳри Эрон биёростанд,
Маю руду ромишгарон хостанд.*

***Чаҳон сар ба сар нав шуд аз шоҳи нав,
Зи Эрон баромад яке моҳинав»** (А. Фирдавсӣ, 2, 130).*

*(Когда в Иран вернулось войско шаха,
Затмился день от поднятого праха.
Земля, украсясь, как цветник, блистала,
Вино лилось, и музыка звучала.*

*Весь мир был новым шахом обновлен,
Как будто новый месяц был рожден) (перевод В. Державина).*

В данном контексте развернутой метафорой является *чаҳон нав шуд* – *the world has become new* (мир стал новым). Релевантными здесь выступают лексемы *шоҳи* – *king* (король), *нав* – *new* (новый), *моҳи нав* – *new moon* (новая луна). Остальные элементы являются нейтральными относительно ядерной метафоры.

Далее рассмотрим структуру поля развернутых метафор английского языка:

«It was wonderful to dance, glorious to be applauded, to be wanted. When the curtain rang down for the last time he let his dresser lead him away. He was always a little bit drunk at the end of a performance; dancing was a joyous intoxication even in rehearsal, but to have an audience lifting him, carrying him along, applauding him – he never grew jaded to it. It was always new and heartbreakingly wonderful» (Heinlein R. Waldo and Magic, 192) – Рақсидан

завқбахш буд, туро кафкубанд, туро хоҳанд, шӯҳрат мандист. Ҳангоме, ки охирон маротиба парда поён фароварда шуд, ӯ ба орошигариш иҷозат дод, ки ӯро бубарад. Ӯ доимо дар охири намоиш каме маст буд; рақсидан кайфияти хушҳолкунанда буд, ҳатто ҳангоми машқ кардан, лекин бардошта бурдани ӯ аз тарафи мухлисон кафкуби намудани ӯ ҳеҷ вақт вай аз он хаста намешуд. Доимо ин чизи нав ва завқбахш буд. (Было замечательно танцевать, славно, когда тебе аплодируют, славно быть желанным. Когда в последний раз занавес опустился, он велел своему костюмеру вывести его. В конце спектакля он всегда был немного пьян; танцы были радостным опьянением даже на репетиции, но чтобы публика подняла его, неся с собой, аплодировала ему - он никогда не уставал от этого. Это всегда было новым и прекрасным).

Конструкция *dancing is an intoxication* – рақс мастӣ аст (танцы - это опьянение) является ядерной метафорой, которая разворачивается в тексте выражением: *dancing was a joyous intoxication* – рақс як мастии хурсандиовар буд (танцы были радостным опьянением). Метафорическое выражение *intoxication* –заҳролудшавӣ (опьянение) совпадает с ядерной конструкцией и вводится в начале контекста: «*He was always a little bit drunk at the end of a performance*». – Вай ҳамеша дар охири намоиш каме маст буд. (Он всегда был немного пьян в конце выступления.)

Drunk – маст (пьяный) является метафорическим выражением. Как видно, в контексте не указано, пил ли герой спиртные напитки до своего выступления или во время него, следовательно, его пьяное состояние не нужно понимать в прямом смысле. Во второй части предложения, где автором использована метафора, содержится некое разъяснение ситуации, которая описана в первой части предложения. Поэтому в тексте следует выделить два метафорических выражения: *intoxication and drunk* – ммастшавӣ ва маст (опьянение и пьяный).

Следующие лексические единицы и конструкции: *wonderful, heart breakingly wonderful, glorious, always new, to be wanted* – олі, дили шикаста олицаноб, чалол, ҳамеша нав, хоҳиш карда шавад (чудесно, сердце разбито чудесно, славный, всегда новый, попросить) являются элементами двоякого толкования, которые заданы атрибутом *joyous*, ограничивающий сферу ассоциаций и представлений, соединенный с понятием *опьянения*. Эффектом опьянения в данном случае является радостное настроение, которое переживает герой в конце своего выступления.

Относительно таких конструкций, как: *have somebody. Lifting him; carrying him along* – касе ҳаст, онро бардошта; инро ҳамроҳи худ гирифта (есть кто – нибудь, поднимся его; неся его с собой) следует заметить, что в тексте нет прямого указания на употребление данных конструкций в прямом или буквальном смысле: зрителе в прямом смысле могла подхватить и нести артиста, или это метафорическое описание счастья и восторга.

К элементам двоякого толкования мы также относим выражение: *let somebody lead him away*. – бигзор касе ўро гирифта барад (пусть кто-нибудь уведет его). Данный элемент в метафорическом плане можно интерпретировать как описание следствия опьянения. И, наконец, элемент, который мы относим к периферии метафорического поля – *he never grew jaded to it* – вай ҳеҷ гоҳ аз он сер намешуд (он никогда не пресыщался этим) также в одинаковой степени относится как к плану обозначающего, так и к плану обозначаемого: как известно, удовлетворение славой или алкоголем может не наступить, чем больше у человека славы, тем больше он испытывает потребность в ней.

Далее рассмотрим полевою структуру развернутой метафоры в таджикском языке:

«Парипайкаре ногаҳон рӯ намуд,

Диламро рабуду гамамро фузуд.

Ба ногоҳ тинҳон шуд он дилрабо,

Шудам ман ба доғи ғамаш мубтало» (Фирдавсӣ, 2, 245) –

(На миг она лицо мне показала

И сердце мне навеки растерзала.

Увы, недостижимо далека

Теперь она. А мой удел – тоска) (перевод В. Державина).

Ядерные метафоры, которые разворачиваются в данном тексте: **Диламро рабуду; ғамамро фузуд.** – *My heart is broken; added grief* (Моё сердце разбито; добавила горе) Метафорические выражения: *рабудан* и *фузудан* совпадают с обозначающим ядерной метафоры. Элементом двоякого толкования является: **Шудам ман ба доғи ғамаш мубтало**, - *I was heart broken* (Я был убит горем) который задан атрибутом **рӯ намуд.**

Приведем еще несколько примеров:

«Чунин дон, ки андар ҷаҳон ҷу зту кас

Набошад ба ҳар кор фаредрас

Дилу пушти гурдони Эрон туй,

Ба чанголу нерӯи шерон туй.»

Ситонандаи шаҳри Мозандарон,

Кушояндаи банди Ҳомоварон.

Зи гурзи ту хуршед гирён шавад,

Зи теги ту Баҳром бирён шавад» (Фирдавӣ, 2, 249) –

(Ты с древних лет опорой нашей был, -

Ты – столп страны, источник вечных сил,

Ты – мощь, и сердце и хребет Ирана!

Ты – в подвигах великих неустанный,

Чудовищ истребил Мазандерана,

Оковы разрубил Хамаварана.

Ты, словно лань, берешь арканом льва,

Превыше снежных гор твоя глава) (перевод Державина).

«Чу оҳанги диж кард, касро надид,

Хурӯше чу шери жаён баркашид.

Биёмад, дари диж кушоданд боз,

Надиданд дар диж касе сарфароз» (Фирдавсӣ, 2, 244) –

«Вошли в пролом; но ни души в твердыне, -

Все пусто и безмолвно, как в пустыне» (перевод В. Державина).

Как видно из приведенных выше примеров на материале таджикского языка, некоторые слова выступают как в своём прямом, так и в переносном метафорическом значениях. Поэтому на базе этих лексем возможно построение нескольких метафорических единиц, точно так же несколько метафор могут сойтись в одном значении. По мнению А. Ричардса эта особенность чрезвычайно важна, так как зачастую возникают неправильные предположения о том, что, функционируя в каком-либо одном плане, слово не реализует себя в ином плане и не имеет различных значений [Ричардс, 1990, 69].

Следовательно, установить, употребляется ли лексема в прямом или метафорическом значениях, достаточно сложно. «Мы можем условно решить эту проблему, анализируя в каждом отдельном случае, передает ли слово одну или две идеи; или же – объединяет слово «содержание» и «оболочку», которые взаимодействуют в общем значении» [Барт, 1990, 442-449]. Если мы не можем разграничить «содержание» и «оболочку», продолжает рассуждать Р. Барт, «мы будем условно считать, что слово употребляется в буквальном значении; если же возможно различить хотя бы два взаимодействующих друг с другом употребления, мы имеем дело с метафорой» [там же].

Например, в следующем отрывке из Шахнаме Фирдоуси:

«Бибахшой бар ман ту эй, додбахш,

Ки аз хуни дил гаит рухсора рахи» (Фирдавсӣ, 6, 234);

«Бинӯшу бипӯши бинозу бубахи,

Мақун рӯз бо то чу бо тахт рахи» (Фирдавсӣ, 7, 304) –как понимать слово *рахи* в сочетаниях: *тахти рахи*, *рухсори рахи* – буквально или метафорически? Лексическая единица *рахи* семантически означает “красно-белый цвет:

«Бибахиой бар ман ту, эй, додбахи.

Ки аз хуни дил гаит рухсора рахи» (Фирдавсӣ, 2, 238). Именно по этой причине лошадь Рустама названа Рахшем: она была красно-белой масти:

«Чунин гуфт Рустам, худованди Рахи,

Ки гар ном хоҳӣ, дирамро бибахи» (Фирдавсӣ, 2, 238).

Но сам А. Фирдоуси специально указывает на то, что “боевой, огненный друг” Рустама назван Рахшем потому, что является *бӯрабрахи*, то есть *красно-белым*. Следует заметить, что А. Фирдоуси слово *рахи* использует как нарицательное существительное в значении: *лошадь, скакун* и как прилагательное: *яркий, блестящий* [Касимов, 2016, 140].

Интересно заметить, что слово *рахи* в сочетании со словом *дил* имеет значения: *противный, гадкий; враждебный, темный*:

«Ба пеши ту орам ҳама ҳарчӣ ҳаст,

Куқо гирд кардам ба нерқи даст,

Бибар ончи хоҳивудигар бубахи,

Мақун бар дили мо чунин рӯз рахи» (Шаҳнаме, Дустон, 2008).

Вернемся к словосочетаниям: *тахти рахи*, *рухсори рахи*, которые подтверждают факт существования выражений: *рахи шудан*, *рахи гаитан* – *blush, turn purple* (краснеть, покраснеть, становится багровым, подобно): *хуни дил хӯрдан*: – а) *suffer cruelly, torment, worry a lot, a) have difficulties, difficulties torment (a) жестоко страдать, терзаться, сильно переживать, б) испытывать трудности, затруднения, мучения*) [ТРС, 2006, 199] и отсюда *дили касеро рахи кардан* – *torment someone’s heart, torture someone*

(терзать чье-либо сердце, мучить кого-либо), сравним: дили касеро хун кардан – а) *make someone suffer, torment, worry* б) *create difficulties, torment* (а) заставить страдать кого-то, терзаться, переживать; б) создавать трудности, мучения):

«Бикӯбам ба гурзи гарон сар-т наст,

Кунам рахи аз хун бару теғу даст» (*тахти рахи, рухсори рахи* Фирдавси, 2, 238). Вышеназванные словосочетания используются метафорически.

Проведённый анализ показывает, что большинство слов нашего языка, используемых свободно или непринужденно, носит метафоричный характер. В поэтических произведениях метафора, используя частичное сходство между двумя объектами сравнения, создаёт мнимое представление о тождестве и сходстве двух объектов. Такое преувеличенное представление, которое стирает грань между фантазией и истиной, и является привлекательным для восприятия, и придаёт красочность поэзии. Сила и блеск метафорических выражений проявляется с завершением её правдивости. Однако наряду с этим, нет таких поэтических метафор, которые не представляли бы реалистичной действительности. В точных науках редко можно встретить применение лексем в их прямом значении. Здесь уместно, процитировать А. Ричардса: «Мы же под влиянием теории, приписывающей каждому употреблению слова одно-единственное фиксированное значение, думаем, что слова в буквальном значении употребляются чаще, чем на самом деле» [Ричардс, 1990, 89].

Из этих несомненных фактов, следует, что необходимо разграничивать метафоры, которые конструируются с помощью отождествления двух объектов, и метафор, построенных с помощью общих отношений. Это разграничение не является окончательным и бесспорным. А. Ричардс пишет: если я люблю табак и логику, трудно найти какой-нибудь признак, который являлся бы для них общим. Такое разграничение хотя и не слишком глубоко,

однако оно в какой-то мере позволяет нам попасть в одну из самых опасных ловушек исследования – уверовать в то, что если мы не знаем, как работает метафора, то значит, она не работает» [Ричардс, 1990, 78].

Анализ фактического материала английского и таджикского языков позволяет констатировать следующее: развертывание ядерной метафоры в тексте осуществляется не только посредством метафорического выражения, но и с помощью элементов с прямым или буквальным значением. Такие элементы, вступая в поле ядерной метафоры, приобретают переносные значения. Элементы двоякого толкования, равным образом, играют важную роль в создании целостности текстов, поскольку они одновременно принадлежат двум значениям: прямому и метафорическому, что способствует сплочению и объединению текста.

Таким образом, рассмотрение структуры поля в развернутых метафорах сопоставляемых языков даёт возможность прийти к выводу о ведущей роли метафоры в процессе расширения семантического поля в тексте. В глубокое семантическое строение текста входит изображение объектов или ситуаций, которые в свернутой форме можно передать с помощью ядерной метафоры. Внешне метафора принимает активное участие в структурировании значения: всякая лексема оценивается с позиции её отношения к метафорическому или буквальному значению, а также с точки зрения её места в метафорическом поле, что позволяет установить структурно-семантическую взаимосвязь между компонентами текста.

Поэтому изучение полевой структуры развернутых метафор в составе сравниваемых английского и таджикского языков обладает следующим значением:

1) оно позволяет устранить противоречие между логико-семантическим, глубинным строением метафоры и внешней структурой, то есть материальным отображением метафор в текстах, поскольку ядерная метафора выражает логико-семантическую структуру, а полевые

компоненты, в которые входят метафоры двоякого толкования, выражают внешнюю структуру;

2) такая трактовка полевой структуры развернутых метафор предоставляет возможность выделить разные модели размещения метафор в тексте. Это зависит от порядка использования компонентов метафорического поля, и даёт возможность для более глубокого изучения процессов метафоризации и формирования текста.

2.3. Функционально-семантические особенности метафорического поля в английском и таджикском языках

В этой части нашего диссертационного исследования поставлена цель рассмотрения функционально-семантической специфики метафор и элементов двоякого толкования, принимающих участие в расширении значения текста.

Приведем пример на материале таджикского языка:

«Ки, эй шердил, гурди гарданфароз.

Нахоҳад касе, к-ӯ бувад паҳлавон.

Касеро расад гурдиву сарварӣ,

Ки Меҳри фалакро кунад Муштарӣ.

Ту, эй шердил, меҳтари девбанд,

Зи меҳри кӣ гаштӣ чунин мустаманд?

Нарасми ҷаҳонгириву сарварист,

Ки аз меҳри моҳе бибояд гирифт,

Туро хонд фарзанд Афросиёб,

Туй сарвар имрӯз бар хушку об» (Фирдавсӣ, 2, 246) –

(Сухрабу мудрый так сказал Хуман:

О гордый, с львиным сердцем пахлаван!

В былое время витязь с лучшим другом

Почел бы жар, пылающий в крови,

И опьянение от вина любви.

Ты – лев могучий, ты от льва рожден,

И ты – о, стыд! – любовью поражен?

Тебя царем Афрасияб нарек,

Назвал владыкой гор, морей и рек) (перевод В. Державина).

В данном контексте ядерная метафора: *Ту – шердил – You are lion* (ты – лев) вводится конструкцией: *гурди гарданфароз – brave fighter* (храбрый, отважный богатырь).

К метафорическим выражениям относятся: *шер – lion* (лев), *шердил – lion heart* (львиное сердце), *гурди гарданфароз – brave fighter* (храбрый, отважный богатырь), *сарвар бар хушку об – sovereign of mountains, seas and rivers* (владыка суши и воды).

Элементами двоякого толкования являются следующие конструкции: *туро хонд фарзанд Афросиеб – you are called the son of Afrasiyab* (ты назван сыном Афрасияба (Тебя царем Афрасияб нарек); *туй сарвар имруз бар хушку об – lords of the seas and mountains and rivers* (владыка ты воды и суши).

Метафорическое выражение *шер – lion* (лев) совпадает с обозначающим ядерной метафоры: *ту – шердил; you – lion; ты – лев* и потенциально вызывает целый ряд импликаций – ассоциаций с обозначающим. Очень часто слово *шер – lion* (лев) в метафорическом значении «*часур, далер – brave* (смелый, храбрый)» используется при характеристике героев и богатырей (в данном случае Рустам сравнивается со львом).

Композиты *гурди гарданфароз – brave fighter* (храбрый), *сарвар бар хушку об – sovereign of mountains, seas and rivers* (владыка гор, морей и рек) являются признаками обозначающего. Приведённые метафоры способствуют выявлению конкретики признаков, принадлежащих объекту обозначения, то есть человеку – Рустаму, и в процессе расширения смысловых параметров текста переносятся на него. Такое семантическое явление предполагает некое “накладывание” указанных признаков на сопутствующие признаки объекта обозначения.

Ранее нами упоминалось, что метафора в поэтических произведениях с помощью создания эффекта частичной схожести двух объектов создаёт

ложное впечатление об их идентичности. Такое преувеличение, которое стирает грань истины, придает поэтическую красочность произведению.

Элементы двоякого толкования: туро хонд фарзанд Афросиеб – you are called the son of Afrasiyab (ты назван сыном Афрасияба (Тебя царем Афрасияб нарек)); туй сарвар имрӯз бар хушку об – lords of the seas and mountains and rivers (владыкаты морей и гор и рек) передают качества, присущие и объекту обозначения, и обозначающему. Можно смело утверждать, что эти качества, запускающие механизм действия метафоры, обозначают действительное сходство объектов и являются основой для создания метафор.

Следовательно, в тексте элементы двойственной трактовки способствуют построению общего контекста, и тем самым объединяют текст. Наряду с этим, они усиливают два плана семантики, что является характерным для метафоры.

Приведем пример на материале английского языка:

«But tell me: what was that devil's toy you used on the cocky young brave? It amazed me».

Hamilton looked pleased and displayed his new weapon. Mordan looked it over. "Oh, yes," he said, "a simple heat engine burning a nitrate fuel. I think I have seen its pattern, have I not, on display at the Institution?"

Felix acknowledged the fact; a little crestfallen that Mordan was so little surprised at his toy. But Mordan made up for it by discussing in detail with apparently, lively interest the characteristics and mechanism of the machine. "If I were a fighting man, I would like to have one like it," he concluded» (Heinlein R. Beyond. This Horizon, 158) – Аммо ба ман бигӯед: ин бозии шайтонӣ, ки шумо бар зидди ҷавонони беақл оғоз кардед, чист? Ин маро дар ҳайрат гузошт (Но скажите мне: что это за дьявольская игра, которую вы затеяли против молодых и дерзких? Меня это поразило). "Хэмилтон хушҳол менамуд ва силоҳи наваширо нишон дод. Мордан ба ӯ нигарист. "Ҳа, - гуфт ӯ," як

двигатели гарми оддӣ сӯзишвории нитрат сӯзонид. "Ман фикр мекунам, ки намунаи онро дар намоишгоҳи Донишкада дидам? (Гамильтон выглядел довольным и показал свое новое оружие. Мордан посмотрел на него. «О, да, - сказал он, - простой тепловой двигатель, сжигающий нитратное топливо. Кажется, я видел его образец, не так ли, на выставке в Институте?»)

Феликс инро тасдиқ кард; каме шарм кард, ки Мордан аз бозичааш хеле ҳайрон нест. Аммо Мордан аз ин истифода бурда, дар бораи механизме, ки ба ӯ таваҳҷҷух зоҳир мекунад, муфассал сухан ронд. «Агар ман мубориз мебудам, ман мехостам, ки ӯ чунин бошад», - гуфт ӯ. (Феликс признал тот факт; немного смутившись, что Мордан не был сильно удивлен его игрушкой. Но Мордан воспользовался этим, чтобы подробно обсудить, заинтересовавшую его механизм машины. «Если бы я был бойцом, я бы хотел, чтобы он был таким, - закончил он).

Ядерной метафорой в данном тексте является: *weapon is a toy* – яроқ – бозича (оружие – игрушка), и оба композита вербализованы в тексте.

Метафорические выражение с лексемой *toy* – бозича (игрушка) совпадают с ядерной метафорой: *devil's toy*; *weapon is a toy* – яроқ – бозича (оружие – игрушка).

Элементы двоякого толкования мы разделили на следующие две группы: *a simple heat engine burning a nitrate fuel; its pattern; the characteristics; machine.* – муҳарриқи гармии оддӣ сӯзишвории нитрат шакли он; хусусиятҳо; мошин (простой тепловой двигатель, сжигающий нитратное топливо; его узор; характеристики; машина)

Данные элементы обозначают качества, одновременно характерные для оружия и механических игрушек, при этом они описывают взаимосвязь между двумя элементами метафоры. Следовательно, функция элементов указанной группы – подтвердить конкретный характер объектов, созданный с помощью метафоры.

Вторая группа состоит из элементов, выявляющих взаимосвязь между ассоциациями двух понятий. Эти элементы обозначают факультативные, второстепенные свойства, то есть отличаются определённым отношением к объекту. Например: *It amazed me; looked pleased and displayed his new; a little crestfallen that (Mordan) made up for it by discussing in detail with, apparently, lively interest* – *Ин маро ба ҳайрат овард; хуш омад ва наваширо нишон дод; каме рӯҳафтада шуд, ки (Мордан) инро барои муҳокимаи муфассал бо шавқу завқи зиёд ба анҷом расонид (Это меня поразило; выглядел довольным и показал свою новую; немного удрученный, что (Мордан) восполнил это, подробно обсудив с, видимо живой интерес)*. Данные элементы передают скрытый смысл, который следуют понимать так: *мардон, ба монанди кӯдакон, бозичаҳои нав ва аҷибро қадр мекунанд - men, like children, admire the new and amazing toy (мужчины, словно дети, восхищаются новым и удивительным игрушкам)*.

В первой группе элементы двоякого толкования выражают свойства, характерные в метафорах объекту обозначения и обозначающему. Во второй группе элементы демонстрируют субъективные свойства объектов, входящие в состав метафорического поля и занимающие его периферическое пространство.

Расхождение двух групп заключается в разном оформлении. Если элементы первой группы – это отдельные слова, то элементы второй группы представляют собой чуть ли не полные предложения. Во второй группе компоненты невозможно разделить на ещё меньшее число синтаксических единиц, поскольку в этом случае это будут уже не элементы поля метафоры. Смысл лексических единиц *looked pleased; crest fallen; surprised* в отдельности для метафор не релевантен. Чувство радости, удивления и т.д. можно испытывать по многим причинам. Однако лишь в высказываниях или тексте лексемы приобретают релевантность к основной метафоре и становятся элементами двойственного осмысления.

Объединение двух групп происходит путём выражения свойств, которые принадлежат обоим элементам метафоры. Они отображают действительное сходство компонентов и выполняют задачу прямых и косвенных механизмов в процессе метафоризации.

Таким образом, можно констатировать, что в таджикском и английском языках элементы, занимающие центральную и периферийную позиции поля метафоры, отличаются по своим функционально-семантическим параметрам и принимают разное участие в раскрытии смысла в тексте.

Но вместе с тем нам, как справедливо отмечает Э. Кассирер, «следует признать, что правила языка оставляют широкий простор для варьирования, индивидуальной инициативы и творчества. Существует бесчисленное множество контекстов (и практически к их числу принадлежат все интересные случаи), где значение метафорического выражения должно реконструироваться с учетом намерений говорящего (и других частных), так как правила стандартного употребления слишком широки для того, чтобы обеспечить нас необходимой информацией» [Кассирер, 1999, 35].

Следующий момент, на который следует обратить внимание, отмечает Р. Якобсон, тот факт, что метафорическое суждение тесно связано с понятием экспликации [Якобсон, 2002, 110].

Явление репрезентации (в нашем случае использование метафоры) указывает на то, что взаимосвязь звучания и значения происходит в слове не только непосредственно, она достигается и косвенным путём, представленным в некоторых ранее присутствующих значениях слова. Ценность репрезентации в теории генезиса языка заключается в том, что она способствует пониманию прежних функциональных задач значений слов, которые присутствовали до процесса номинации, то есть имеются в виду такие функции значения, как имплицированное и эксплицированное отношение.

Задача номинации генетических значений в языке включает функцию понимания событий и информированности о самых значимых событиях и явлениях. Благодаря активной речи и её минимальным компонентам, а не процессу номинации зарождаются формы речи и компоненты языка. С данной позиции в процессе развития языка не сводятся к упорядоченному накоплению лексем, и несмотря на это, к отражению сформировавшихся предметов, аналогами которых выступают имена. Для более качественного подхода к языковым реалиям и его историческому развитию, исследователи-лингвисты, в первую очередь приступают к анализу речевых особенностей языка.

Когнитологами первичные переходы смысла (экспликация) рассматриваются как вступление в обобщающую деятельность [Рубинштейн, 2011, 318]. При этом механизм развития данного действия будет неполноценным, пока не будет осмыслено понятие об экспликации, то есть об описательном переводе. Процесс описательного перевода состоит в лексико-грамматическом изменении, где лексемы исходного языка заменяют словосочетания, которые эксплицируют его значения, то есть относительно исчерпывающе объясняют или определяют данные значения на язык перевода.

Следующий важный момент для анализа метафоры – это интенционал. Относительно интенционала, интересна позиция Р. Карнапа. Учёный в отношении понятия об интенционале подчёркивает, что с восстановлением целого по частям, могут быть допущены ошибочные проекции, однако это всё же обозначает, что целое значение имеет место быть. Поэтому невозможно с большой долей уверенности рассуждать о специфике значений и их глубинной структуры. Но «предметная соотнесенность» осознаётся «как самая общая и далее не эксплицируемая связь с предметом» [Карнап, 1999, 339].

Важно заметить, что при анализе метафоры также важно учесть наличие отрицания в его глубинной структуре. Противоречие спектральных значений, не подлежащих отождествлению, приводит к появлению качественно новой информации, разъясняет прежде нераскрытые аспекты содержания значений, которые входят в метафору. Так, известный философ и логик М.Блэк, одним из первых обративший внимание на сходство способов функционирования метафор, отмечал, что высказывания типа «Человек – волк» не только выражает некоторую новую информацию о первом субъекте (человек), но и предлагает для нашего рассмотрения новые характеристики второго субъекта (волк) [Блэк, 1984, 137]. Доказательство утверждения о том, что полной структуры метафоры на эмпирическом уровне не существует, мы ранее выявили на основе ряда примеров.

Приведем примеры на материале таджикского языка с имплицитными метаязыковыми элементами, но с эксплицитно выраженным отрицанием:

«Онҳо одам нестанд. Қозиҳо хук мебошанд, - гуфт ӯ, - онҳо аз ҳар кучо мурдориҳо ёфта мехӯранд ва ҳармуллобачае, ба хонаи онҳо равад, хукбача мешавад. Агар одам шудан хоҳӣ, бо як порча нони қоқе, ки ман ёфта мефиристонам ва ба як коса об, ки аз ҳар кучо ёфтани вай мумкин аст, қаноат кун, агар хук шуданро хоҳӣ, дар миёни ману ту алоқаи падариву фарзандӣ намемонад» (С. Айнӣ, Ёддоштҳо, 94) - *They are not human. Kazii are pigs, said the father, "they sniff out carrion everywhere, they eat it and feed it with others. Every madrasa student who addresses them becomes a piglet. If you want to be a man, you should be satisfied with that piece of stale cakes that I send you, and a cup of water that you can get everywhere, but if you intend to turn into a pig, then any relationship between us as a father and son will be torn* (Они не люди. Казии – свиньи, - сказал он, - они всюду выискивают падаль, сами её едят и скармливают другим. Всякий учащийся медресе, который к ним обращается, становится поросенком. Если ты хочешь быть человеком, то должен удовлетворяться тем куском черствой лепешки, что я тебе посылаю, и

чашкой воды, которую всюду можно достать, но если ты намерен превратиться в свинью, то всякие отношения между нами как отца и сына будут разорваны).

Вот еще два примера, образованные из нескольких метафор подряд, которые отличаются имплицитностью отрицания в первой, и эксплицитностью - во второй метафорах.

1. *«Дақиқӣ чор хислат баргузидаст,*

Ба гетӣ аз ҳама хубию зиштӣ:

Лаби ёқутрангу нолаи ҷанг,

Маи хушрангу дини зардхуштӣ» (ФЗТ, 1, 418).

«O, could I flow like thee, and make thy stream My great exemplar as it is my theme! Though deep, yet clear; though gentle, yet not dull; Strong without rage; without o'erflowing, full» [Якобсон, 1990, 89]. (букв.: *Эй кош, агар ман метавонистам мисли шумо ҷорӣ шавам ва чараёни ту, ки мавзӯи ман шудааст, ба намунаи олии ман табдил хоҳад ёфт. Амиқ, вале шаффоф; ором, аммо суст не; Қавӣ бе хаши; пуроб аст, аммо аз соҳил намебарояд (О если бы я мог течь, как ты, и твой поток, ставший моей темой, стал бы моим великим образцом. Глубокая, но прозрачная; спокойная, но не медлительная; Сильная без ярости; полноводная, но не выходящая из берегов).*

Здесь следует оговориться, что эксплицитные и имплицитные смыслы высказывания более подробно будут рассмотрены нами в следующем параграфе.

Вообще говоря, множество употребляемых человеком метафорических выражений неявным образом открывает новые, ранее не замеченные пласты. Характеристика английского короля «Ричард – лев» построена как будто в виде простого сравнения, сопоставления силы человека и силы животного. На самом деле в этом выражении на втором плане наблюдается столкновение впечатлений, которые зависят от физических характеристик льва и

положением царя. Для короля Ричарда свойственна не сила, а могущество. Однако такой признак зависит от социума, поэтому может создаться впечатление о том, что во власти короля существует такое, что порождает насилие, жестокость, зверства [Гусев, 1984, 49].

Дело в том, что содержание метафорических высказываний относится не столько к самим реально существующим объектам, выраженными понятиями «волк», «лев», «человек», «король», сколько к отношениям между этими понятиями, их смысловым ассоциативным комплексам. Эти отношения выступают в качестве особого, отдельно существующего предмета, в котором объединяются оба субъекта высказывания. Подобное отделение отношения от реализующих его в действительности носителей обусловлено спецификой человеческих языков, в которых абстракции могут приобретать статус объективного существования.

Вышеизложенное положение проиллюстрируем на примере английского и таджикского языков.

В английском языке: «*Dickie. ... I suppose you want me to eat the dust... I have behaved like a **perfect brute**. I'm awfully sorry, and I'll never do it again*» (W. Maugham, Penelope, act 3) – *Дики, ... Ман фикр мекунам, ки шумо мехоҳед, ки ба ман иқрор шавед ... Ман мисли ҳайвон рафтор мекардам. Ман аз ин хеле афсӯс мехӯрам ва дигар ҳеҷ гоҳ ин корро намекунам (Дики, Мне кажется, ты хочешь, чтобы я пришел с повинной Я вел себя как самая настоящая скотина. Я очень сожалею об этом и больше такого никогда не сделаю).*

«*The Squire broke in: Don't think that I'll have any humble pie eaten to that **fellow Bellew!***» (B. Shaw, AnUnsocialSocialist, 46) – *Сквайр ба суҳбат даҳолат кард:" Гумон накунед, ки ман дар назди ин Bellew худро наст мезанам (Сквайр вмешался в разговор: «Не думайте, что я буду унижаться перед этим типом Белью);*

«*Kelly was a bad egg and no one was sorry when eventually he fell, dead drunk... and broke his neck*» (D. Cusack, *Picnic Races*, ch. 21) – *Келли ҳайвони ҳақиқӣ буд. Як рӯз, то беҳушӣ маст шуда афтид ва гарданаширо гардонд. Ва касе ба вай раҳмаш наомад (Келли был порядочной скотиной. Как-то раз, напившись до бесчувствия он упал и свернул себе шею. И никто его не пожалел).*

На таджикском языке:

*Синон боз пас кард **Сӯҳробӣ шер**,*

Буни найза зад бар миёнаш далер [Словарь таджикского языка, 2, 580];

*Ба посух доя гуфт: Эй **шерӣ чангӣ**,*

Шикебо бош дар меҳру дарангӣ [Словарь таджикского языка, 2, 580];

Далерони гарданкаш аз тозиён

*Басечидаш чангу **шерӣ жиён**;*

Чашии ту охуест бас нодир,

*Ки ҳама сайди **шерӣ нар** гирад [Словарь таджикского языка, 2, 580]*

М. Блэк утверждает, что «метафора в имплицитном виде включает в себя такие суждения о главном субъекте, которые обычно прилагаются к вспомогательному субъекту. Благодаря этому метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта и устраняет другие» [Блэк, 1990, 167]. По его мнению, применение парафразов почти всегда заканчивается неудачно не по той причине, что в метафорах нет особого когнитивного значения, а в связи с тем, что «полученные неметафорические утверждения не обладают и половиной проясняющей и информирующей силы оригинала». М. Блэк далее утверждает: «Я особенно хочу подчеркнуть, что в данном случае речь идет о потерях в когнитивном содержании. Недостатки буквальной парафразы заключаются не в ее утомительном многословии, чрезмерной эксплицитности и дефектах стиля, а в том, что она лишена того проникновения в суть вещей, которое свойственно последней» [Блэк, 1990, 169].

Следовательно, замечает М. Блэк, обычное представление метафоры имеет что-то необъяснимое. Во-первых, метафору рассматривают как образ, необходимый в речи, во-вторых, взгляд на метафору, как когнитивного механизма, имея ту же цель, используется в речи. До тех пор, пока мы являемся «заложниками» подобной теории, продолжает рассуждать М. Блэк, мы все время будем думать, что либо достигаем эту цель, либо близки к ней. Однако, есть выход из данной ситуации: нам следует отказаться от того, что метафора обладает тем или иным значением или содержанием, за исключением прямого. Многие лингвисты, согласно М. Блэку, неправильно понимают свою цель. Метод расшифровки «скрытого сравнения метафоры» они считают воздействие, которое метафора оказывает на нас. Ошибку, которую они допускают, заключается в том, что главный акцент делается на содержание, которое репрезентируется метафорой. Нельзя отрицать тот факт, что благодаря метафоре мы часто видим свойства предметов, на которые прежде не обращали внимание; благодаря метафоре перед нами раскрываются удивительные сходства и аналогии [Блэк, 1990, 170].

Как справедливо отмечает М. Блэк, метафора является чем-то вроде линзы, с помощью которой мы рассматриваем окружающие нас объекты. Но главная суть не в этом, - а в том, что благодаря ей мы видим новые свойства предметов и вещей [Блэк, 1990, 171].

Следовательно, прежде чем начать семантическое исследование того или иного дискурса, нам нужна такая процедура как катализ – то есть дополнительные эмпирические тексты. При этом важно заметить, что если в текстах нет указания, которые позволили бы восстановить его полный вариант – в таком случае невозможно довести исследование до конца. [Якобсон, 1990, 156].

2.4. Прагмасемантический аспект метафоры в художественной репрезентации мира

Исследование функции метафоры в динамике смыслового разветвления художественного текста также требует рассмотрение его прагматического аспекта.

Прагмасемантика – или так называемая “сильная семантика” [Золян, 1991, 67] исследует семантические законы функционирования речи. Семантика, которая ориентирована прагматически, то есть затрагивает область автора и читателя, а также контекст, в котором происходит акт “потребления” языковой культуры.

Специфика прагмасемантического аспекта развернутой метафоры в тексте соединена с имплицитным характером смысла, которая выражается метафорой и определяет способы организации текста.

Поскольку языковая метафора и метафора художественного текста представляют собой явления совершенно различные – одна обладает отмеченностью в общеязыковом контексте и в этом смысле может быть приравнена узуальному слову, другая вне данного поэтического контекста равняется бессмыслице и обладает лишь окказиональной семантикой, – то очевидно, что избирать для анализа метафоры, употребление которых проникло уже из поэзии в язык и стало отмеченным для нехудожественных контекстов, типа: «... *Бале, баҳор ҳукмрон буд. Чехраи осмон рӯшан, ранги оби софро ҳикоя дошт. ... Ва бисоти замин, сабзаву гул, болои шерозаи чун махмали сабз **дилрабоӣ менамуд***» (Ш. Мӯсо, Қиссаибаҳорӣ, 99) – *Yes, spring reigned. The face of the sky was clear, the color of clear water. ... The ground, the greenery, the flowers, the velvety greenery* (Да, царила весна. Лицо неба было чистым, цвета чистой воды. ... земля, зелень, цветы, ласкали взор свой бархатистчм кветом зелени) значит усложнять задачу, работая с семантической структурой двойного функционирования. Именно стремление начинать анализ с простых случаев заставляет нас рассматривать такие

метафоры, употребление которых вне данного текста превращает их в бессмысленное сочетание слов.

Из сказанного следует, что метафора представляет собой разновидность тайного значения и имплицуруется в тексте. По Ю.М. Лотману, в становлении текста большая роль принадлежит двум следующим видам: линейному и аналоговому. В линейном виде текст увеличивается «по принципу линейного присоединения сегментов». А во втором – «по принципу аналогового расширения, подобно кругов на воде» [Лотман, 1992, 29]. Если метафора представляет собой скрытое сравнение, направленное на семантическое усложнение структуры текста, она будет относиться к аналоговому способу формирования текста.

Развитие значения в тексте происходит с помощью маркеров в строении текста. Метафора становится развернутой благодаря таким маркерам, как компоненты поля метафоры. Метафорическое выражение по своей природе содержит имплицитное значение, а компоненты с двояким значением путём экспликации начинают выражать свойства обозначаемого и обозначающего. В то же время элементы двоякого толкования, функционируя на сдвиге значения, создают семантическую двуплановость текста.

Следовательно, взаимодействие эксплицитных и имплицитных компонентов развернутой метафоры способствуют текстопорождению. Мы придерживаемся позиции М.В. Никитина, что между эксплицитным и имплицитным смыслами высказывания не существует строгой границы.

Как было сказано выше, применение метафоры в художественном тексте является интенциональным, так как автор всегда создает текст с определенной целью. Следовательно, метафора непосредственно связана с авторским намерением, которая лежит в основе создания художественного текста.

Авторский замысел в художественном тексте, содержащий развернутую метафору, раскрывается посредством анализа компонентов метафорического

поля в тексте. Развернутая метафора в конкретных текстах выполняет следующие прагматические задачи: 1) способствует повышению экспрессивной функции высказывания, выражает эмоционально-оценочные отношения между говорящим и предметом общения; 2) осуществляет моделирование нового взгляда на предмет текста.

Взаимосвязь между автором и читателем осуществляется по той причине, что с косвенной передачей определенного важного значения и с расчётом на оказание определенного воздействия на адресата, автор даёт прогноз деятельности читателя по обработке сообщения и направляет ее так, чтобы скрытый смысл был замечен и адекватно декодирован.

Когда читатель находит в тексте первое метафорическое выражение, он начинает воспринимать текст с нахождением маркеров дополнительных значений. Нахождение первой метафоры текста обусловлена важностью этой метафоры. Осмысленное восприятие значения, которое усложняется метафорой, происходит тогда, когда читатель узнаёт метафору и определяет согласование “А и В”. В нашем исследовании под данной формулой мы подразумеваем ядро метафоры. Отличия в функционально-семантическом действии метафор и компонентов двойного осмысления заключается в том, что компоненты только делают “намёк” на ядро метафоры, выделяют её в дальнейшей части текста. В этом и состоит их отличие от метафорического выражения, которое непосредственно показывает ядро метафоры. Соответственно, та метафора, которая была использована вначале, определяет ядро метафоры, что впоследствии требует проведение поиска маркеров дополнительного значения.

Процесс расширения имплицитного значения отображён в метафоре, которую мы приводим ниже из художественной литературы:

«A book is a loaded gun in the house next door. Burn it. Take the shot from the weapon. Breach man's mind. Who knows who might be the target of the well-read man? Me? I won't stomach for a minute» (R. Bradbury, Fahrenheit, 456) –

Китоб хатарнок аст, ба монанди яроқи боршуда, сӯзондани он ба безарар сохтани силоҳ, безарар кардани шахси мусаллаҳе, ки хатарнок аст, баробар мебошад. Зеро ҳар кас метавонад қурбони ӯ гардад (Книга опасна, как заряжённное оружие, сжечь её – все равно, что обезвредить оружие, обезвредить вооружённого человека, который опасен, потому что любой может стать его жертвой).

Ядерная метафора *a book is a gun* представлена в тексте эксплицитным образом, поскольку обе её элемента подвергаются вербализации.

Первая метафора - M1: *a loaded gun* –содержит уточнение и соответствует обозначающему компоненту ядра метафоры.

M 2: *Take the shot from the weapon;*

M3: *Breachman 'smind;*

M4: *target* – приводит к обычным ассоциациям, в которых присутствует обозначающее ядра метафоры.

Метафора *in the house next door* является компонентом двойного использования. Эта метафора содержит свойство общего места, то есть книга и оружие объединены общей локацией – они могут быть у соседей.

Расширение значений текста осуществляется за счёт того, что компоненты двойного значения не столь важны в образовании скрытого значения, так как расширение значения зависит от компонентов метафоры.

Вначале текста вводится ядро метафоры *a book is a loaded gun*. Поэтому параметры сходства значений эксплицитным образом устанавливаются в начале текста. Определение *loaded*, которое вводит элемент уточнения, обладает большим значением в качестве ограничивающего средства для последующих импликаций: если зарядить оружие, то оно будет готово к использованию; если оружие используют как орудие, то оно представляет опасность.

Вторая метафора по своему значению является призывом к действию: *Burnit*. Это выражение имеет цель обозначить ядро метафоры, то есть книгу.

Дальнейшее выражение - *Take the shot from the weapon – Турро аз яроқ бароред (Выньте пулю из оружия)* выполняет роль метафоры по отношению к предыдущему высказыванию, следовательно, *сжечь книгу* обозначает *обезвредить оружие*.

Фраза *Breach man's mind – зехни одамро вайрон кардед (нарушение человеческого разума)* имеет косвенное отношение к ядерной метафоре: если предположить, что книга – это оружие, то оно является оружием для ума. Здесь автором продолжено расширение значения текста: если отнять у кого-либо оружие, то он станет уязвим, неопасен, а так как книга является оружием для ума, то без него разум становится неопасным.

Выражение *target – ҳадаф (мишень)* обозначает иррадиацию значения: человек, который много читает, является хорошо вооруженным (знаниями) человеком, так как никто не может знать: кого он может выбрать в качестве мишени, потому что он представляет собой опасность. Это расширение значения замыкает собой смысловую цепочку всего текста: *Китоб хатарнок аст, ба монанди силоҳи боршуда, сӯзондан ба безарар кардани силоҳ, безарар кардани шахси мусаллаҳ, ки хатарнок аст, баробар мебошад, зеро ҳар кас метавонад қурбонии ӯ гардад – A book is dangerous, like a loaded weapon, burning it is the same as defusing a weapon, defusing an armed person who is dangerous, because anyone can become his victim (Книга опасна, как заряженное оружие, сжечь ее – все равно, что обезвредить оружие, обезвредить вооруженного человека, который опасен, потому что любой может стать его жертвой).*

Интенция говорящего заключается в доказании важности уничтожения книг. Он мотивирует данную цель тем, что книги представляют социальную опасность. Поэтому использование расширенной метафоры является способом построения логичности своих доводов. Ядро метафоры является отправной точкой всей мысли. Понятно, автор не склонен оправдывать книгу в качестве заряженного оружия. Поэтому один компонент двойного

понимания в тексте неприводит характеристик, раскрывающих специфику метафоры.

Итак, выбор компонентов поля метафоры в тексте неразрывно связан с целью высказывания и определяется их функционально-семантической нагрузкой.

Приведем еще несколько примеров, связанных с процессом развертывания имплицитного смысла, выраженного метафорой на материале английского языка:

*«The Importance that this Southern Negro sees in the elections in the United States is not who is elected President; all he wants to know is who's going to be Sheriff. That's the person **who's going to on his back**. I'm not talking about Negroes in the universities. I'm talking of the ordinary Negro whose life is just one rick after another»* (АРФС, 57) – *Аҳамияти интихоботи ИМА барои сиёҳони ҷанубӣ он аст, ки киро президенти кишвар интихоб нахоҳад кард, аммо кӣ шариф хоҳад шуд. Дар ҳақиқат, шерифҳо ҳазои воқеии сиёҳҳо мебошанд. Ман маънои он сиёҳ нӯстонеро, ки дар донишгоҳҳо таҳсил мекунанд, дар назар надорам, балки одамони оддӣ, ки зиндагиашон як мусибат аз паси дигаре аст (Значение выборов в США для негров с Юга заключается не в том, кто будет избран президентом страны, а в том, кто станет шерифом. Ведь именно шерифы – сущее наказание для негров. Я имею ввиду не тех негров, что учатся в университетах, а рядовых, жизнь которых – одна беда за другой);*

*«I don't want you to do Cleopatra. She is **an animal, a bad lot**. Yours is a beneficent personality»* (В. Show, Ellen Terry, 67) – *Ман намехоҳам, ки Клеопатра голиб ояд. Вай ҳайвонест, зани парешон ва шумо хеле меҳрубон ҳастед (Мне не хочется, чтобы выиграли Клеопатру. Она ведь животное, беспутная женщина, а Вы такая добрая).*

*«He learned that **love is not all pleasure, but can be agony and heartache, martyrdom and sacrifice**. He learned what the clergyman was talking about in the*

marriage service: 'For better for worse, for richer for poorer, in sickness and in health, to love and to cherish, till death us do part» (U. Sinclair, World's End, 90) – Ҷ фаҳмид, ки муҳаббат на танҳо хушбахтӣ, балки ранҷиши талх, худдорӣ ва дард аст. Ҷ фаҳмид, ки суханони рӯҳонӣ дар тӯю маъно: «Шод ва гаму андӯх, сарват ва қашшоқӣ, саломатӣ а заифӣ, дӯст доштан ва эҳтиром кардан то даме ки мо бо ҳам шарикем. (Он узнал, что любовь – это не только счастье, но и горькая мука, самоотречение и боль. Он понял, что значит слова священника, произносимые во время венчания: «На радость и горе, в богатстве и бедности, в здоровье и немощи любить и лелеять, пока смерть не разлучит).

Далее рассмотрим процесс развертывания имплицитного смысла, выраженного метафорой на материале таджикского языка:

*«Дониш андар дил чароги равшан аст,
В-аз ҳама бад бар тани ту ҷавшан аст» (ФЗТ, 2, 370).*

Ядерная метафора: *дониш дил аст – knowledge is the heart (знание это сердце)*, в двустичии представлена эксплицитно, так как вербализованы оба компонента.

Метафорическое выражение 1: *чароги равшан аст.*

Метафорическое выражение 2: *бад ҷавшан аст.*

Элементом двоякого толкования является: *бад бар тани ту.*

Следует заметить, что элемент двоякого толкования не играет существенной роли. Развертывание смысла связано с метафорическими элементами.

Для автора *дониш нур аст, дониш ҳақиқат аст, дониш ҳақаст – knowledge is light, knowledge is truth, it's true (знание – это свет, знание – это истина, это правда)*. У человека, который идет по духовному пути, основной вопрос – это его стремление узнать всю правду. Хочет он узнать всю правду о себе, или же он хочет осуществления тех или иных фантазий о

себе. И весь духовный путь – это путь освобождения от фантазий и погружения в истину, жизнь в истине.

Конечно же, это не стоит понимать в буквальном смысле. *Knowledge* – *дониш (знание)* по своей абстрактной сути не может быть *светом*. Однако сам способ выражения поэтом данной мысли и его стопроцентное попадание с выбором метафоры поражает воображение читателя или слушателя, доставляет эстетическое наслаждение.

Механизм таков, что объекту обозначения - *дониш – knowledge (знание)* приписываются аналогичные признаки и свойства обозначаемого предмета – *чароги равшан*, и на этом строится доказательство мысли. Отсюда, метафора определяет модель нового видения объекта обозначения: *знание – свет*.

Приведем ещё несколько примеров:

«*Ин сухан як дег оби чӯшон буд, ки ба сари ман рехт ё санги осие буд, ки бар сари ман гардида тамоми аъзои баданамро ордвор соида партофт.....*» (С. Айни, *Еддоштҳо*, 115); - *It was a pot of boiling water poured on my head or a millstone that fell on my head and covered my whole body with flour* (Это был горшок с кипящей водой, налитый мне на голову, или жернов, который упал мне на голову и покрыл все мое тело мукой ...)

«*...Акнун ин на одам мешавад ва на мулло, рафта-рафта хар мешавад.*» - *...Now it will not be a man or a mullah, it will be a donkey. (Теперь это будет не мужчина и не мулла, это будет осел).*

«*Аз муллои муқаррарӣ шуданиш, хар шуданиш беҳтараст, - гуфт падарам дар ҷавоб*» (С. Айни, *Еддоштҳо*, 1, 45); - *It is better for him to become a donkey than a normal mullah, - my father replied (Лучше ему стать ослом, чем нормальным муллоу, - ответил отец.)*

Как показало исследование, метафора и сознание тесно связаны.

Важно отметить, что именно мысль обладает способностью к символизации предметов. Отсюда следует, что мышление, создавая

отображение вещей окружающей действительности, оперирует ими. То есть мысль символична по своей сути. Процесс символического преобразования предметов действительности происходит в соответствии с логическими законами мышления. Мышление способно не только отображать мир, но также создает категории действительности. Данная функция соединяет мышление с языком, что порой некоторые ученые даже уподобляют их [Бенвенист, 2002, 125].

Действительно, человек добивается наиболее высокого мастерства в языке именно благодаря умению символизировать свою мысль. Остальные виды общения – графика, жесты, визуализация и прочее – происходят от языковых способов выражения и не могут без него функционировать. Однако язык является особой системой символов, которая формируется в двух планах. Первый, язык представляет собой физическое явление. Вторым, язык – это «нематериальная структура, передача означаемых, которые замещают явления окружающего мира или знание о них их «напоминанием» [Бенвенист, 2002, 32]. Эти два плана характеризуют двустороннюю суть языка. Поэтому языковые символы носят характер промежуточного звена. Они в особом виде организуют мыслительный процесс, позволяют человеку передавать другим свой внутренний опыт с помощью репрезентативных выражений.

Завуалированная речь, которая составляет целую систему символов, раскрывает перед человеком основное, возможно самое глубокое свойство бытия: не существует естественных, непосредственных и прямых взаимоотношений человека с миром окружающей действительности. Человеку нужны посредники, одним из самых важных из которых является та система символических выражений, которая даёт возможность мыслить на базе языка. Способность мыслить вне биологической среды есть самая высокая и удивительная способность человека к символизации, которая является его самой характерной и, наверное, насущной способностью.

Выводы по второй главе

Мы рассматриваем метафору в двух направлениях: в динамике и статике. В рамках динамики исследуем метафорическое смыслопроизводство, которое определяется функционально-семантическими особенностями элементов метафоры в тексте, а в рамках статики - ее прагмасемантическими характеристиками. Метафора органически связана с поэтическим текстом. В лингвистической метафоре выделяют два вида метафоры: сухие метафоры – это метафоры, в которых художественные образ отсутствует, они просто называют предмет: например, в английском языке: eyelevel – уровень глаз, в таджикском языке: гузай чашм – глазное яблоко. Расширенные метафоры (одна метафора влечет за собой новые, связанные с ней по смыслу) до сих пор остаются малоизученными.

Метафорическое выражение, являющееся языковым выражением, возможно благодаря существованию метафоричного мышления в системе понятий человека. Теоретические предпосылки метафор в науке когнитологии предоставляют возможность для описания расширенных метафор, как способа выражения в тексте своего рода ядра метафоры. Такие метафоры логически состоят из двух компонентов: семантической структуры отождествления, через посредничество нескольких метафорических компонентов, а также посредством отображения процесса экспликации ядра метафоры, которая не представлена в тексте в вербализованном, то есть явном виде.

Расширенная метафора имеет как глубинную, так и поверхностную структуру. Логико-семантическая или глубинная структура метафоры репрезентирована (представлена) ядерной метафорой, задающей соотношение двух понятий, которые по своему характеру являются субстантивными метафорами. Внешнее строение метафоры в тексте репрезентировано отдельными языковыми выражениями ядра метафоры. Все

языковые выражения ядерной метафоры в тексте могут быть представлены в виде семантического поля. Под термином поле метафоры подразумевается комплекс компонентов её внешнего строения. При этом семантическое поле метафоры определяется ядром метафоры, а её отдельные метафорические выражения принадлежат центру поля.

Периферические разделы поля метафоры в тексте составляют лексемы, которые одновременно могут относиться и метафорическому, и буквальному плану, или компоненты двойного осмысления.

Исследование полевой структуры развёрнутой метафоры в сопоставляемых языках позволяет нам сделать вывод о роли метафоры в развертывании смыслового пространства текста. Смысловая структура текста на глубинном уровне – это описание одного объекта или ситуации, которая в свернутом виде передается ядерной метафорой. На поверхностном уровне метафора является активным структурирующим фактором: каждая лексическая единица рассматривается с точки зрения ее отношения к переносному (метафорическому) или прямому (буквальному) значению и ее места в метафорическом поле, тем самым устанавливаются структурно – смысловые связи компонентов текста.

Прагмасемантика – или «сильная семантика», исследует семантические законы функционирования речи. Семантика, которая ориентирована прагматически, то есть затрагивает область автора и читателя, а также контекст, в котором происходит акт «потребления» языковой культуры. Метафорические выражения в силу своей метафорической природы являются носителями имплицитного смысла, в то время как, элементы двоякого толкования эксплицитно выражают признаки обозначающего и обозначаемого. Применение метафоры в художественном тексте является интернациональным, так как автор всегда создает текст с определенной целью. Метафора непосредственно связана с авторскими намерениями, которые лежат в основе создания художественного текста. Выбор элементов

метафорического поля при создании текста тесно связано с целями высказывания и обусловлено их функционально – семантической нагрузкой.

Метафора и сознание тесно связаны. Именно мысль обладает способностью к символизации предметов. Мышление, создавая отображение вещей окружающей действительности, оперирует ими, т. е. мысль символического преобразования предметов действительности происходит в соответствии с логическими законами мышления.

В результате проведенного исследования нами были выявлены следующие общие и специфические черты реализации метафоры в художественном тексте на материале английского и таджикского языков.

- Развернутую метафору мы рассматриваем как центральную, обладающую двухкомпонентной логико-семантической структурой. Данная метафора всегда объединяет два понятия, представляя собой субстантивную метафору, центральная (ядерная) метафора вербализуется в дискурсе при помощи особых языковых выражения.

- Центральная или так называемая ядерная метафора и элементы, входящие в ее структуру, в художественном дискурсе не всегда проявляются непосредственно. Метод семантического анализа способствует выявлению данной метафоры по ее специфическим смысловым выражениям в глубинной структуре текста.

- В дискурсе метафора, представляющая собой ассоциации по сходству, или так называемая развернутая метафора, обладает полевой структурой. Метафорическое поле трактуется нами как множество лексических выражений центральной метафоры, создающей смысловую границу поля. Частные метафорические выражения располагаются вокруг центра поля. В периферийную зону данного поля в тексте входят лексемы, обладающие как прямым, так и переносным значением, то есть компоненты двоякого толкования.

- Процессу текстопорождения способствует функционально-семантическая специфика как ядерных, так и периферийных элементов, входящих в метафорическое поле. Механизм метафоры раскрывается благодаря компонентам двоякого толкования, которые номинируют универсальные признаки обозначаемого и обозначающего. Метафорический смысл – это свойство обозначающего, которые переносятся на обозначаемое в процессе метафоризации.

- Имплицитный характер смысла связан с прагматической спецификой развернутой метафоры. Совокупный смысл текста, содержащего развернутую метафору, основывается на эксплицитных и имплицитных компонентах смысла.

- Способы языковой организации текста, отбор и размещение в линейной структуре текста элементов метафорического поля, непосредственно связаны с прагматическим заданием (определенной целью) и осуществляются автором с учетом деятельности адресата по обработке сообщения.

Все вышеуказанные положения являются общими для двух языков. Нами также были выявлены специфические черты реализации метафоры в художественном тексте.

Интересно заметить, что в ходе работы над фактическим материалом, нами был выявлен интересный факт: явление персонификации практически пронизывает всю таджикско-персидскую литературу.

Анализ языкового материала таджикского языка позволил нам установить, что та или иная лексическая единица способна реализоваться в дискурсе как в прямом, так и в переносном значении. Так же было выявлено, что данное слово вербализует несколько метафор одновременно и даже в одном значении соединяется не одна метафора. Данное положение, на наш взгляд, является необходимым, так как очень часто возникают, как отмечает К. К. Жоль, неверные представления относительно того, если слово

реализует одно из своих значений, то оно не способно реализовать другое [Жоль, 1984, 147].

Практическое доказательство идеи о наличии в глубинной структуре метафоры отрицания нами было выявлено в реальных языковых фактах на материале таджикского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать следующее.

1. Метафора выступает одним из главных факторов порождения текста в системе разноструктурных языков. Формированию таких тесно взаимосвязанных аспектов художественного текста как языковая структура, семантика и прагматика способствует исследование развернутой метафоры. Данное положение было выявлено нами в ходе анализа метафоры в дискурсе как одного из способов текстообразования. Изучение метафоры как одного из способа текстопорождения способствует выявлению следующих динамических аспектов: авторское намерение, порождение смысла и статика текста.

2. Когнитивная теория метафоры в данном исследовании является основой анализа полевой структуры развернутой метафоры в таджикском и английском языках. Исходя из данной теории мы выделяем концептуальную метафору, связанную с человеческим мышлением, а также языковую репрезентацию (метафорическое выражение).

3. Исследование показало, что метафора не только отражает глубинную логико-смысловую модель развернутой метафоры, она также формирует семантическую зону метафорического поля. Центральная (ядерная) метафора выступает своими специфическими метафорическими выражениями в глубинной структуре текста, подобно тому как в отдельно взятом языке существуют образные концепты сознания. Метафорические выражения составляют ядро метафорического поля, а периферийную зону образуют лексемы, которые могут относиться не только к прямому значению, но и переносному.

4. Лексемы, образующие метафорическое поле, обладают разной спецификой: как функциональной, так и семантической. Благодаря этому метафорические выражения и компоненты двоякого толкования

способствуют смысловому развертыванию текста. Метафорические выражения номинируют свойства, которые приписываются обозначаемому по сходству с обозначающим, а компоненты двоякого толкования номинируют универсальные свойства элементов метафоры.

5. Имплицитность смысла, выражаемого метафорой, связан с прагмасемантической особенностью развернутой метафоры. Употребление развернутой метафоры в тексте носит интенциональный характер.

6. В ходе исследования языкового материала было установлено, что универсальностью обладают не только лексемы в переносном употреблении, входящие в те или иные семантические сферы, но также отдельные слова. Важно заметить, что данным универсалиям характерна статистичность и имеют фреквентальную форму – то есть существуют, но не всегда вербализуются в том или ином языке. Исследование таких типов метафор, на наш взгляд, вызывает особый интерес, так как они способствуют выявлению общих возможностей развития языковых фактов.

7. Результаты исследования также показали, что основой классификации языков не является структурная или семантическая дифференциация метафор. Во всех языках представлены различные виды метафор, но в разных соотношениях. Это необходимо учесть при сравнительном исследовании конкретных фактов того или иного языка. Одно и то же слово в одном языке может выступать как односторонняя метафора, в другом - как этимологическая.

8. Анализ метафорических выражений в сопоставляемых языках подтверждает тот факт, что своеобразие языка – понятие относительное, и определение его зависит от выбранного для сравнения эталона. Исследователь, отправляющийся от знакомых ему языков, найдет свои черты в описываемом языке, которые отклоняются от привычной для него картины. Другому исследователю своеобразными покажутся иные черты того же языка.

Также было выявлено нами, что в глубинной структуре метафоры присутствует отрицание.

9. Метафора тесно связана с мышлением. Об отношении словесного знака к мышлению Г. Лейбниц в своем плане “универсальной характеристики” сумел определить общую проблему, содержащуюся в функции “обозначения”, то есть присвоения знака определенному элементу содержательного плана языка. “Логика вещей”, то есть содержательных функциональных понятий и фундаментальных отношений, на которых покоится здание любой науки, не может быть отделена от логики знаков. Так как знак – не просто случайная оболочка мысли, но ее необходимый и существенный орган. Он служит не только целям сообщения данного в готовом виде мыслительного содержания, но является инструментом, с помощью которого это содержание само себя образует и благодаря которому оно получает полную определенность. Акт понятийного определения содержания осуществляется с актом фиксации этого содержания в каком-то характерном для него знаке. Так, всякое подлинно строгое и точное мышление изначально находит себе опору только в символической и семиотической.

10. Чувственность – это не только пассивный мир получаемых извне импульсов, но и особый мир образов, который по своему материалу непосредственно, можно сказать еще чувственен, но, в сущности, представляет собой уже преобразованную и подчиненную интеллекту чувственность.

11. Мышление с самых своих начатков предполагает организацию чувственных впечатлений, прошивание его примитивными нозмами, категоризацию. Оно выделяет в чувственных впечатлениях новые моменты, придает им новое качество. Элементы мышления, даже самые примитивные, содержат в себе наряду с чувственными данными и сверхчувственные моменты, накладывающие на показания органов чувств особую печать. Они уже с самого начала пробивают брешь в наглядно-чувственной ситуации,

окружающей начинающего говорить и мыслить человека, открывая ему выход из чувственного мира, в сверхчувственный мир. Мир мысли не является “чистым”, само мышление нуждается в чувственном мире, в подкреплении его чувственными данными. Чувственность – это не только мир впечатлений, пассивно воспринимаемых извне импульсов, но также мир образов, то есть чувственных образований, подчиненных интеллекту.

12. Таким образом, природа содержания вызывает появление всех видов метафоры, потому что именно благодаря метафорическому переносу символы подсознания приобретают одновременно и свое значение и свою сложность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- [1]. Абаев, В.И. Сравнительно-историческое иранское языкознание [Текст] / В.И. Абаев // Очерки по истории изучения иранских языков. – М.: Наука, 1962. – С. 23–26.
- [2]. Абрамов, В.П. Семантические поля русского языка [Текст]: монография / В.П. Абрамов. – М.: Акад. пед и социал. наук РФ; Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. – 234 с.
- [3]. Агибалов, А.К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.К. Агибалов: С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1995. – 196 с.
- [4]. Адмони, В.Г. Основы теории грамматики [Текст] / Г.В. Адмони. – М.: Наука, 1964. – 108 с.
- [5]. Азарх, Ю.С. О сводных картах слов одной лексико-семантической группы (на материале русских диалектных глаголов, обозначающих крики животных) [Текст] / Ю.С. Азарх // Общеславянский лингвистический атлас, 1972: материалы и исслед. / отв. ред. Р.И. Аванесов. – М., 1974. – С. 104–139.
- [6]. Александрова, П.С. Словарь синонимов русского языка [Текст] / И.С. Александрова; под ред. П.А.Чешка. – М.: Русский язык, 1968. – 600 с.
- [7]. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2006. – № 5(45). – С. 102–110.
- [8]. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н.Н. Амосова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 203 с.
- [9]. Андрусенко, В.И. Семантико-стилистическая структура глагольно-синонимического ряда с доминантой проговорить в языке А.И. Куприна [Текст] / В.И. Андрусенко // Научные труды Куйбышевского педагогического института. –Куйбышев, 1973. – Т. 120. – С. 145–155.

- [10]. Апресян, Ю.Д. Избранные труды [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
- [11]. Апресян, Ю.Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля [Текст] / Ю.Д. Апресян // Лексикографический сборник / гл. ред. С.Г. Бархударов. – М., 1962. – Вып. 5. – С. 52–72.
- [12]. Апресян, Ю.Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слов [Текст] / Ю.Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики, 1972: сборник / под ред. С.К. Шаумян. – М., 1973. – С. 273–325.
- [13]. Апресян, Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова [Текст] / Ю.Д. Апресян // Апресян Ю.Д. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. – М., 1995. – Т. 2. – С. 156–177.
- [14]. Апресян, Ю.Д. О языке для описания значений слов [Текст] / Ю.Д. Апресян // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1969. – Т. 28, № 5. – С. 415–428.
- [15]. Апресян, Ю.Д. О проекте активного словаря русского языка [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 2009. – № 3(56). – С. 118–130.
- [16]. Апресян, Ю.Д. Проблема синонима [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1957. – № 6. – С. 84–88.
- [17]. Апресян, Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского языка [Текст]: монография / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1967. – 251 с.
- [18]. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т.1. – М.: Мысль, 2006. – 508 с.
- [19]. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка [Текст] / И.В. Арнольд. – М.: Флинта, 2011. – 389 с.
- [20]. Артановский, С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур [Текст]: филос.-методолог. анализ соврем. зарубеж.

- концепций С.Н. Артановский; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л.: Просвещение, 1966. – 268 с.
- [21]. Артыкова, Х.А. Пространственные и временные значения, выражаемые первообразными предметами русского языка, и их эквиваленты в языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Х.А. Артыкова. – Душанбе, 1969. – 352 с.
- [22]. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 2005. – 896 с.
- [23]. Аспекты семантических исследований [Текст] / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1980. – 354 с.
- [24]. Афанасьев, А.И. Поэтические воззрения славян на природу [Текст]: в 3 т./ А.И. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 3. – 415 с.
- [25]. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
- [26]. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 607 с.
- [27]. Бабенко, Л.Г. Взаимодействие лексики и грамматики под парадигматическим углом зрения [Текст] / Л.Г. Бабенко // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: памяти Э.В. Кузнецовой / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького; отв. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 1997. – С. 18–29.
- [28]. Багдасарова, Г.А. Синонимические ряды глаголов, обозначающих медленный темп движения [Текст] / Г.А. Багдасарова // Вопросы филологии: материалы тез. науч. конф. / Самарканд. пед. ун-т им. С. Айни. – Самарканд, 1973. – С. 23–25.
- [29]. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли; пер. с фр. К.А. Долинина. – М.: Иноиздат, 2010. – 394 с.
- [30]. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

- [31]. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст]: пер. с фр. / Р. Барт; сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 1989. – 615 с.
- [32]. Барт, Р. Воображение знака [Текст] / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / Р. Барт; сост. Г.К. Косиков. – М., 1994. – С. 246–252.
- [33]. Барт, Р. S/Z: Бальзаковский текст: опыт прочтения [Текст] / Р. Барт; пер. с фр. Г.К. Косикова, В.П. Мурат. – М.: AdMarginem, 1994. – 232 с.
- [34]. Бархударов, С.Г. Русская лексикография за 40 лет [Текст] / С.Г. Бархударов // Вопросы языкознания. – 1957. – № 5. – С. 31–45.
- [35]. Бархударова, Л.С. Язык и перевод [Текст]: вопр. общ. и част. теории перевода / Л.С. Бархударова. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
- [36]. Белошапкова, В.А. Современный русский язык [Текст]: учеб. для студентов вузов / В.А. Белошапкова. – М.: Высшая школа, 1980. – 560 с.
167. Белый, А. Символизм как миропонимание. [Текст] / А. Белый. – М.: Республика, 1995. – 528 с.
- [37]. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю.Н. Караулова [и др.]. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
- [38]. Бережан, С.Г. Онтологический статус семантики языка и ее единиц [Текст] / С.Г. Бережан // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях: сб. науч. тр. -Кишинев, 1982. С. 58-66.
- [39]. Бережан, С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц [Текст] / С.Г. Бережан. – Кишинев: Штиница, 1973. – 371 с.
- [40]. Бирдсли, М. Метафорическое сплетение // Теория метафоры Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры [Текст] / М. Бирдсли. – М.: Прогресс, 1990. – С. 284-305.
- [41]. Блек, М. Метафора // Теория метафоры [Текст] М. Блэк. – М.Прогресс, 1990. – С. 153-172.

- [42]. Блумфильд, Л. Язык [Текст] / Л. Блумфильд; пер. с англ. Е.С. Кубряковой. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
- [43]. Бодуэн, К. де. Избранные труды по общему языкознанию [Текст]: в 2 т. / К. де Бодуэн. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 698 с.
- [44]. Балашова, Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее [Текст] / Л.В. Балашова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 496 с.
- [45]. Баранов, А. Дескрипторная теория метафора [Текст] / А. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
- [46]. Болдырев, А.Н. Литературно-критические взгляды Джами и его современников [Текст] / А.Н. Болдырев // Народы Азии и Африки. – 1969. – № 2. – С. 12–16.
- [47]. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова [Текст] / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т; под ред. И.А. Стернина. – Воронеж, 1987. – С. 25–36.
- [48]. Большой академический словарь русского языка: в 30 т [Текст] / под ред. К.С. Горбачевича. – СПб.: Наука, 2007.
- [49]. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл [Текст] / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 176 с.
- [50]. Бондарко, А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость [Текст] / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1972. – № 3. – С. 20–33.
- [51]. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
- [52]. Бор, Н. Анатомия физики и человеческое познание [Текст] / Н. Бор. – М.: Иноиздат, 1961. – 183 с.
- [53]. Бошкович, Г. Основы сравнительной грамматики славянских языков: фонетика и словообразование [Текст] / Г. Бошкович. – М.: Высшая школа, 1984. – 304 с.

- [54]. Брагинский, И.С. Иранское литературное наследие [Текст] / И.С. Брагинский. – М.: Наука, 1984. – 296 с.
- [55]. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
- [56]. Вердиева, З.Н. Семантические поля в современном английском языке [Текст]: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / З.Н. Вердиева. – М.: Высшая школа, 1986. – 120 с.
- [57]. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе нации [Текст] / Дж. Вико. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2007. – 346 с.
- [58]. Виноградов, В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова) [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 400 с.
- [59]. Виноградов, В.В. История слов [Текст] / В.В. Виноградов; отв. ред. М.Ю. Шведова. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.
- [60]. Виноградов, В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии [Текст] / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избр. тр. / В.В. Виноградов. – М., 1953. – С. 69–94.
- [61]. Виноградов, В.В. Об омонимии и смежных явлениях [Текст] / В.В. Виноградов. // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 3–17.
- [62]. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–29.
- [63]. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 253 с.
- [64]. Виноградова, О.С. Выявление систем словесных связей при регистрации сосудистых реакций [Текст] / О.С. Виноградова, Р.А. Эйслер // Вопросы психологии. – 1959. – № 3. – С. 43–46.

- [65]. Гак, В.Г. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слов [Текст] / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1966. – № 2. – С. 97–105.
- [66]. Гак, В.Г. Сопоставительная типология (на материале французского и русского языков) [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
- [67]. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 764 с.
- [68]. Гончаренко, С.Ф. Стилистический анализ испанского стихотворного текста (основы теории испанской поэтической речи) [Текст] / С.Ф. Гончаренко. – М.: Высшая школа, 1988. – 192 с.
- [69]. Греймас, А.Ж., Курте, Ж. Семантика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика [Текст] / А.Ж. Греймас, Ж. Курте. – М.: Радуга, 1983. – С. 519-523.
- [70]. Дюбуа, Ж., Эделин, Ф., Клинкаенберг, Ж.М., Мэнге, Ф., Пир, Ф. Общая риторика [Текст] Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.М. Клинкаенберг, Ф. Мэнге, Ф. Пир. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.
- [71]. Деххудо, А.А. Словарь персидского языка [Текст] / А.А. Деххудо. – Тегеран: [б. и.], 1956. – 1217 с.
- [72]. Дешериева, Т.И. Структура семантических полей чеченских и русских падежей [Текст] / Т.И. Дешериева. – М.: Наука, 1974. – 300 с.
- [73]. Джабборова, М.Т. Система причастия в русском и таджикском языках [Текст] / М.Т. Джабборова. – Душанбе: Дониш, 2005. – 231 с.
- [74]. Залевская, А. Введение в психолингвистику [Текст] / А. Залевская. – М.: РГГУ, 1999. – 345 с.
- [75]. Золотова, Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста [Текст] Г.А. Золотова. – М.: Прогресс, 2010. – С. 111 – 133.

- [76]. Золян, С.Т. Жданов, Р.И. Геном как (гипер)текст: от метафоры к теории // Критика и семиотика [Текст] / С.Т. Золян, Р.И. Жданов, 2016, №1. – С. 12-23.
- [77]. Кабиров Ш. Нормы сочетаемости парных лексических единиц /Вестник Таджикского национального университета. - Душанбе: «Сино», 2010. С- 248-251.
- [78]. Камолиддинов, Б. Язык и стиль Хакима Карима // Б.Камолиддинов. - Душанбе: Ирфон, 1967. -186с.
- [79]. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст]: монография / Ю.Н. Караулов. – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 264 с.
- [80]. Караулов, Ю.Н. Словарь и его свойства [Текст] / Ю.Н. Караулов // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: к 80-летию С.Г. Бархударова / отв. ред. Ф.П. Филин. – М., 1974. – С. 41–46.
- [81]. Каримова, А.А. Роль Садриддина Айни в развитии современного таджикского литературного языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 А.А. Каримова. – М., 1954. – 22 с.
- [82]. Касимов, О.Х. Лексика и словообразование в «Шахнаме» Абулкаси́ма Фирдоуси [Текст] / О.Х. Касимов. – Душанбе, 2016. – 346 с.
- [83]. Кассирер, Э. Сила метафоры // Теория метафоры [Текст] / Э. Кассирер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33 – 45.
- [84]. Кожевникова, Н.А., Петрова, З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы [Текст] / Н.А. Кодевникова, З.Ю. Петрова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 448 с.
- [85]. Козинец, С.Б. Словарь словообразовательных метафор русского языка [Текст] С.Б. Козинец. – М.: Флинта, 2017. – 285 с.
- [86]. Кондильяк, Э.Б. Трактат об ощущениях [Текст] / Э.Б. Кондильяк. – М.: Наука, 1982. – 320 с.

- [87]. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 288 с.
- [88]. Лакофф, Дж. О порождающей семантике [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике / сост. В.А. Звегинцев. – М., 1981. – Вып. 10: Лингвистическая семантика. – С. 350–368.
- [89]. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект [Текст] / Дж. Лакофф. – М.: Прогресс, 1995. – С. 143 – 183.
- [90]. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
- [91]. Литвин, Ф.А. Многозначность слова в языке и речи [Текст]: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Ф.А. Литвин. – М.: Высшая школа, 1984. – 119 с.
- [92]. Лотман, Ю.М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1. [Текст] / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.
- [93]. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры [Текст] / Э. Маккормак. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358 -386.
- [94]. Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 174 с.
- [95]. Миллер, Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры [Текст] / Дж. Миллер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236 – 280.
- [96]. Мукаддам Мухаммад Алави, Ашрафзода Р. Значение и выражение //М.А.Мукаддам, Р. Ашрафзода – Тегеран: Самт, 1376, 140 с.
- [97]. Наврузи, Дж. Смысл и выражение. -Шираз: Кушомехр, 1380, -518 с.
- [98]. Нарзикулов, Т. Художественные приемы в таджикской поэзии [Текст] / Т. Нарзикулов. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 234 с.

- [99]. Ниязмухаммедов, Б.Н. О развитии современного таджикского литературного языка [Текст] / Б.Н. Ниязмухаммедов. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 118 с.
- [100]. Ольховников, Д.Б. Предметное и символическое в метафорическом типе поэтического мышления // Текст как объект лингвистического анализа и перевода [Текст] / Д.Б. Ольховников. – М.: Институт языкознания, 2006. – С. 81-91.
- [101]. Ортони, А., Клоур, Дж., Коллинз, А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект [Текст] / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз. – М.: Прогресс, 2007. – С. 314-384.
- [102]. Петров, В.В. Понимание метафор: на пути к общей модели // Метафора в языке и тексте [Текст] / В.В. Петров. – М.: Наука, 1988. – С. 165 – 170.
- [103]. Пиаже, Ж. Генетический аспект языка и мышления // Психолингвистика [Текст] / Ж. Пиаже. – М.: Прогресс, 1995. – С. 325-336.
- [104]. Поттебня, А.А. Слово и миф [Текст] / А.А. Поттебня. – М.: Лабиринт, 1998. – 639 с.
- [105]. Ричардс, А. Философия риторики // Теория метафоры [Текст] / А. Ричардс. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44 – 67.
- [106]. Ромпурӣ, Муҳаммад Ғиёсуддин. Ғиёс-ул-луғот. – Душанбе, 1988, -289с.
- [107]. Русско-таджикский словарь [Текст] / под ред. М.С. Асимова. – М.: Русский язык, 1985. – 1279 с.
- [108]. Русско-таджикский словарь [Текст] / под ред. А.П. Дехоти, Н.Н. Ершова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов; Сталинабад: Таджикгосиздат, 1949. – 545 с.
- [109]. Саттарова, А.В. Виды и текстообразующие функции вторичной косвенной номинации в современной англоязычной художественной прозе / АКД [Текст] / А.В. Саттарова. – М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1991. – 25 с.

- [110]. Серль, Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык [Текст] / Дж. Серль. – М.: Прогресс, 1986. – С. 96 -126.
- [111]. Складаревская, Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г.Н. Складаревская. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.
- [112]. Таджикско-русский словарь [Текст] / под ред. Л.В. Успенской, М.В. Рахими. – М.: Просвещение, 1963. – 1215 с.
- [113]. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – 142 с.
- [114]. Телия, В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии [Текст] / В.И. Телия // Филология и культура: материалы 2-й Междунар. конф., Тамбов, 12–14 мая 1999 г.: в 3 ч. / Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 1999. – Ч. 3. – С. 14–17.
- [115]. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 2006. – 286 с.
- [116]. Уилрайт, Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры [Текст] / Ф. Уилрайт. – М.: Прогресс, 1990. – С. 82–109.
- [117]. Улько, В.Ф. Опыт компонентного анализа семантической структуры прилагательных, обозначающих слабость (на примере прилагательных английского языка) [Текст] / В.Ф. Улько // Научные труды Кубанского университета. – Краснодар, 1976. – Вып. 214: Английская филология. – С. 57–64.
- [118]. Ульман, С. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология [Текст] / С. Ульман // Новое в лингвистике / сост. В.А. Звегинцев. – М., 1989. – Вып. 2. – С. 17–44.
- [119]. Уорф, Б.Л. Лингвистика и логика [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике / сост. В.А. Звегинцев. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 183–198.

- [120]. Урысон, Е.Б. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике [Текст] / Е.Б. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
- [121]. Фазилов, М.Ф. Изобразительные слова в таджикском языке [Текст] / М.Ф. Фазилов. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1958. – 213 с.
- [122]. Харченко, В.К. Переносные значения слова / В.К.Харченко. – М.: Либриком, 2012. –200 с.
- [123]. Хашимов, Р.И. Лексико-семантическая группа слов, обозначающих ребенка в русском и таджикском языках [Текст] / Р.И. Хашимов // Ученые записки Душанбинского педагогического института. – Душанбе, 1971. – Т. 80. – С. 48–64.
- [124]. Хикматуллоев, Н. Семантико-стилистические особенности лексических синонимов в трилогии Джалола Икрами «Двенадцать ворот Бухары» [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. Хикматуллоев. – Душанбе, 1993. – 24 с.
- [125]. Холматова, С.Д. Способы передачи русских префиксальных глаголов на таджикский язык [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / С.Д. Холматова. – Душанбе, 1971. – 311 с.
- [126]. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка [Текст]: пособие для студентов вузов / А.А. Шахматов. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
- [127]. Шмелев, Д.Н. Избранные труды по русскому языку [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с.
- 168.122. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике [Текст] / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
- [128]. Эдельман, Д.И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения [Текст]/Д.И. Эдельман. -М.: Восточная литература, 2002.-230 с.
- [129]. Якобсон, Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 110 – 130.

- [130].Gibs, R. On the process of understanding idioms [Текст] / R. Gibs // J. Psycholinguistic Research, 1985.
- [131].Lyons, J. Structural semantics [Текст] / J. Lyons. – Oxford: Blackwell, 1963. – 221 p.
- [132].Martine, A. A Functional view of Language [Текст] / A. Martine. – Oxford: Oxford University Press, 1962. – 316 p.
- [133].Ortony, A. Interpretating metaphors and idioms // J. Verbal Learning and Verbal Behavior, 1978.
- [134].Popela, J. The functional structure of linguistic units and system of language [Текст] / J. Popela // Travaus lingustiques de Prague. – Prague, 1966. – V. 2. – P. 71–80.
- [135].Rastier, F. Semantique interpretative [Текст] / F. Rastier. – Paris: Presse University be France, 1987. – 277 p.
- [136].Trier J. Deutsche Bedeutungsforschung // Germanische Philologie, Ergebnisse und Methoden. – Behaghel – Heidelberg, 1934. – P. 173–200.
- [137].Ullman, S. Language and Style [Текст] / S. Ullman. – Oxford: Basil Blackwell, 1966. – 215 p.
- [138].Ullman, S. The principls of Semantics [Текст] / S. Ullman. – Glazgow: Jacksom; Oxford: Basil Blackwell, 1959. – 230 p.
- [139].Werner, F. Die Benennung der Organismen und Organe nach Grosse, Form, Farbeund anderen Merkmalen [Текст] / F. Werner. – Halle (Saale): Max Niemeyer, 1970. – 597 p.
- [140].Айнӣ, С. Дар хусуси забони адабии тоҷик [Текст] / С. Айнӣ // Роҳбари дониш. – 1929. – № 4. – С. 23–25.
- [141].Айнӣ, С. Куллиёт [Текст] / С. Айнӣ // Айнӣ С. Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик / С. Айнӣ. – Душанбе, 1976. – Ҷ. 12. – С. 13–558.
- [142].Айнӣ, С. Мактуби кушода ба рафиқ Толис [Текст] / С. Айнӣ // Шарқи сурх. – 1948. – № 11. – С. 16–18.

- [143]. Ғаффоров, Р. Забон ва услуби Раҳим Қалил [Текст] / Р. Ғаффоров. – Душанбе: Дониш, 1966. – 116 с.
- [144]. Ғаффоров, Р. Шеъваи ҷанубии забони тоҷикӣ [Текст] / Р. Ғаффоров. – Душанбе: Дониш, 1979. – 271 с.
- [145]. Ғиёс-ул-луғот [Текст]. – Душанбе: Адиб, 1987. – Ҷ. 1–2. – 416 с.
- [146]. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик [Текст]. – Душанбе: Дониш, 1977. – 372 с.
- [147]. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик [Текст]. – Душанбе: Дониш, 1986. – ҷ 2: Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. – 372 с.
- [148]. Зехнӣ, Т. Санъати сухан [Текст] / Т. Зехнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1979. – 396 с.
- [149]. Камолиддинов, Б. Забон ва услуби Ҳ. Карим [Текст] / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 321 с.
- [150]. Камолиддинов, Б. Ҳусни баён [Текст] / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1989. – 291 с.
- [151]. Капранов, В.А. Луғати мухтасари синонимияи русӣ – тоҷикӣ [Текст] / В.А. Капранов, И.Л. Николаев. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 319 с.
- [152]. Луғати мухтасари тоҷикӣ-русӣ [Текст]. -Душанбе: Ирфон, 1988. – 250 с.
- [153]. Мачидов, Х. Осори воқеияти қадимаи эронӣ дар фразеологияи муосири тоҷик [Текст] / Х. Мачидов // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2002. – № 4. – С. 63–77.
- [154]. Маъсумӣ, Н. Забони адабии тоҷикӣ дар ибтидои қарни XX [Текст] / Н. Маъсумӣ // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2004. – № 2. – С. 25–42.
- [155]. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик [Текст] / Н. Маъсумӣ. – Сталинобод: Нашр. дав. тоҷ., 1959. – 294 с.
- [156]. Муҳаммадиев, М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ [Текст] / М. Муҳаммадиев. – Душанбе: Маориф, 1993. – 233 с.

- [157]. Ниёзӣ, Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ [Текст] / Ш. Ниёзӣ, – Душанбе: Ирфон, 1973. – 186 с.
- [158]. Нуров, А. Фарҳанги осори Ҷомӣ [Текст] / А. Нуров. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 233 с.
- [159]. Рустамов, Ш.Ш. Забон ва замон [Текст] / Ш.Ш. Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 231 с.
- [160]. Саймиддинов, Д. Вожашиносии забони форсии миёна [Текст] / Д. Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2001. – 310 с.
- [161]. Фарҳанги забони тоҷикӣ [Текст]: в 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 1898 с.
- [162]. Фарҳанги мухтасари «Шоҳнома» [Текст]. -Душанбе: Адиб, 1988. –211 с.
- [163]. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ (зери таҳрири С.Д. Холматова, С. Солеҳов, С. Каримов) [Текст]. – Душанбе: Дониш, 2004. – 814 с.
- [164]. Ҳалимов, С.С. Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик [Текст] / С. Ҳалимов. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 231 с.
- [165]. Шоҳаҳмад, А. Фарҳанги ашъори Камоли Хучандӣ [Текст] / А. Шоҳаҳмад. – Душанбе: Маориф, 1996. – 368 с.
- [166]. Шукуров, М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад [Текст] / М. Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 187 с.

С Л О В А Р И

- [167]. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984.
- [168]. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
- [169]. Longman Dictionary of Contemporary English / 3rd ed. – London: Longman, 1995.
- [170]. Longman Dictionary of English Language and Culture. – London: Longman, 1992.

[171]. Webster's New World Dictionary of the American Language / 2nd ed. – NY: Prentice Hall Press, 1986.

[172]. Webster's Third New International Dictionary of the English Language / Unabridged. – Germany: Konemann, 1993.

[173]. Фарҳанги забони тоҷикӣ / Ҷ. 1-2. – М.: Советская энциклопедия, 1969.

ИСТОЧНИКИ

[174]. Айнӣ, С. Ҷаллодони Бухоро. Марги судхӯр. Ятим [Текст] / С. Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 556 с.

[175]. Айнӣ, С. Ғуломон [Текст] / С. Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 432 с.

[176]. Айнӣ, С. Мактаби кӯҳна [Текст] / С. Айнӣ. – Душанбе: Адиб, 2004. – 59 с.

[177]. Айнӣ, С. Ёддоштҳо. Т. 1–2 [Текст] / С. Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 1329 с.

[178]. Айнӣ, С. Дохунда [Текст] / С. Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 404 с.

[179]. Аҳмадзода, Ю. Ишқи духтари кулаҳпӯш [Текст] / Ю. Аҳмадзода. – Душанбе: Адиб, 2010. – 255 с.

[180]. Ганҷавӣ, Н. Лайли ва Мачнун [Текст] / Н. Ганҷавӣ. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 324 с.

[181]. Ганҷавӣ, Н. Хусрав ва Ширин [Текст] / Н. Ганҷавӣ. – Душанбе: Адиб, 1984. – 332 с.

[182]. Ганҷавӣ, Н. Маҳзан-ул-асрор [Текст] / Н. Ганҷавӣ. – Душанбе: Адиб, 1984. – 356 с.

[183]. Деҳлавӣ, Х. Қуллиёт [Текст] / Х. Деҳлавӣ. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 521 с.

[184]. Қутбӣ, К. Ғазал [Текст] / К. Қутбӣ. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 360 с.

[185]. Лоиқ Ш. Резаборон [Текст] / Ш. Лоиқ. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 312 с.

[186]. Мӯсо, Ш. Қиссаи баҳорӣ [Текст] / Ш. Мӯсо. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2011. – 190 с.

[187]. Раҳимзода, Б. Ҳадяҳои Терек [Текст] / Б. Раҳимзода. – Душанбе:

Ирфон, 1986. – 412 с.

[188]. Румӣ, Ҷ. Маснавии Маънавӣ [Текст] / Ҷ. Румӣ. – Душанбе: Ирфон, 2007. – 240 с.

[189]. Румӣ Ҷ. Ғазалиёт [Текст] / Дж. Румӣ. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 311 с.

[190]. Самадов, А. Паррончакҳо [Текст] / А. Самадов. – Душанбе: Адиб, 1982. – 332 с.

[191]. Самадов, А. Сипоҳ [Текст] / А. Самадов. – Душанбе: Адиб, 1982. – 367 с.

[192]. Сорбон, А. Ҷӯғӣ. [Текст] / А. Сорбон. – Душанбе: Ирфон, 1986. – С. 34.

[193]. Табрзӣ, С. Мехр ва муштарӣ [Текст] / С. Табрзӣ. – Душанбе: Адиб, 1974. – 401 с.

[194]. Турсун, С. Қиссаи марди гаҳворасоз [Текст] / С. Турсун. – Душанбе: Маориф, 1982. – 443 с.

[195]. Фирдавсӣ, А. Шохнома. Ҷ. 1–9. – Душанбе: Адиб, 2007. – 1416 с.

[196]. Ҳиротӣ, А. Осори Мунтахаб [Текст] / А. Ҳиротӣ. – Душанбе: Адиб, 1996. – 420 с.

[197]. Ҷомӣ, А. Силсилат-уз-заҳаб [Текст] / А. Ҷомӣ. – Душанбе: Адиб, 1974. – 521 с.

[198]. Ҷомӣ, А. Хирадномаи Искандарӣ. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 342 с.

[199]. Ҷомӣ, А. Осори мунтахаб. Ҷ. 3. Саломон ва Абсол. Сабҳат-ул-Аброр (аз «Ҳафт Авранг»). – Душанбе: Ирфон, 1987. – 456 с.

[200]. Шерозӣ, С. Гулистон [Текст] / С. Шерозӣ – Душанбе: Афсона, 2007. – 137 с.

[201]. Шерозӣ, С. Бӯстон [Текст] / С. Шерозӣ. – Душанбе: Адиб, 1984. – 338 с.

[202]. Austen, J. Sense and Sensibility [Текст] / J. Austen. – NY: Dover Publication, 1996. – 261 p.

[203]. Bradbury, R. Fahrenheit 451 [Текст] / R. Bradbury. – London: Harper Collins Publishers, 1996. – 184 p.

- [204].Dickens, Ch. Great Expectations [Текст] / Ch. Dickens. – London: Penguin Books, 1996. – 442 p.
- [205].Galsworthy, J. The Forsyte Saga [Текст] / J. Galsworthy. – М.: Литература на иностранных языках. – 317 с.
- [206].Macdonald, R. The Drowning Pool [Текст] / R. Macdonald. – London: Harper Collins Publishers, 1996. – 216 p.
- [207].Vonnegut, K. Breakfast of Champions [Текст] / K. Vonnegut. – NY: Galapagos. – 297 p.
- [208].Shakespeare, W. Sonnets [Текст] / W. Shakespeare. – London: Virago Press, 1999.